

Студ. Ом. 3 бл. 2
3 бл. 51 1904

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА

Конспект лекций

Перенгл.
1950

ПРОВЕРКА
2007

49/2739

ИЗДАТЕЛЬСТВО „БЫЛОЕ“
ПЕТРОГРАД—1922.

СПбГУ

ИЗДАНИЕ

17-я Государственная типогра

Р. Ц. № 885.

Предисловие.

Современный социализм имеет за собою более чем двухтысячелетнее развитие; история его сложна и поучительна, особенно для наших дней. Она раскрывает смысл и задачи того направления мысли, которое своим мощным течением все более захватывает умы и поступки человечества. Только познакомившись с историей происхождения и ходом роста социалистической мысли, возможно ее сознательное усвоение и понимание. Социализм постоянно и неуклонно развивался, развивается и будет развиваться. Зная трудный и сложный путь выработки социалистического идеала, мыслимо понять, что социализм не мертвая раз навсегда установившаяся догма, а живое, вечно юное мировоззрение, согласующее в едином целом требования жизни с завоеваниями науки; будучи порождением и отзвуком самой жизни, это мировоззрение постоянно углубляется и расширяется; не боясь ни кризиса, ни критики, оно неуклонно стремится все к большему выяснению истины. Его цель — всестороннее, коренное и окончательное освобождение человечества, полная эмансипация, как всего людского коллектива, так и входящих в него отдельных личностей.

Зародившись впервые в античном мире, в его мечтательных построениях о лучшем социальном строе, социализм постепенно расширился до могучего и боевого мировоззрения, принявшего форму научного и революционного течения, — что вполне соответствует, как духу, так и исторической роли того нового социального класса — пролетариата, который, как порождение новейшего этапа социально-исторического развития, нашел в этом мировоззрении лучшее выражение своих стремлений и идеалов.

Колыбелью социализма был утопический роман, то занимательное описание фантастической картины будущего устройства, которое всегда волновало умы. Так как утопии обыкновенно развевались перед глазами чело-

вечества в дни исторического кризиса, в канун социальных потрясений, то их поэтому вполне справедливо называли „буревестниками истории“.

Первая утопия—„О государстве или о справедливом Платона—была построена на разуме, на вере в светлое будущее, созданном самим человеком. Мечту утопиков рано старались воплотить в действительность. „Второе государство Платона было результатом неудачи практического осуществления его полной программы, программы тахитим, изложенной в „первом“, в „Государстве“. Социализм, при своем зарождении—аристократически по духу и потребительский по смыслу—тогда еще не был широким массовым народным движением, каким стал впоследствии. Социализм еще долго оставался личным делом небольших отдельных групп. Маленькие замкнутые братства стремились личным примером и индивидуальным подвигом, часто аскетическим, поднять до себя остальное человечество. Здесь, уходя в монастыри, удаляясь „от мира“ они соединяли свои социальные стремления с религиозным настроением. Монастырская жизнь, кинувшая, являлась своеобразным сочетанием молитвенных упований и социального протеста; коммунизм, соединяясь с религией,—единственной формой образования того времени,—постепенно превратился в обширное социально-религиозное движение, которое вспыхивало там и тут в различные периоды средневековья. Сектанты борются и героически умирают за свои социально-религиозные идеалы. Многочисленные их практические попытки безжалостно уничтожаются косной и консервативной окружающей средой.

Эпоха Возрождения вновь вернула социализму его светское содержание. Сильная критикой, но бедная полетом фантазии, историческая „Утопия“ английского канцлера Томаса Мора протягивает через века руку к гениальному творению Платона и его прообразу „Государство“ („Политейя“). Открывается эпоха бесчисленных вариантов к платоно-моровскому замыслу. Несмотря на всю их оторванность от жизни, на всю абстракцию их крайнего утопизма некоторые из теоретических построений находят себе реализацию в будничной жизни. Отцы иезуиты в далеком Парагвае до известной степени пытаются осуществить замыслы калабрийского монаха Томазо Кампанеллы. Так возникает то удивительное коммунистическое государство иезуитов, которое, как и коммунистическое „Царство Си

она" Иоанна Лейденского, —этого неудачного воплощения социального идеала анабаптистов, —одиноко стоит в тогдашней истории социализма.

Утопизм тем временем продолжает развиваться. XVIII век и Руссо вносят в него новый элемент рационалистический: появляется ряд новых утопических произведений. Но все же все вместе взятые утопии представляют собою, в конце концов, одну дидактику, морализующее поучение, стремящееся воздействовать на жизнь силою убеждения. Необходимость иного, более активного воздействия, сознание потребности смелого вмешательства и действительного поведения — впервые сознается в XVIII веке, в начале его — Жаном Милье, в конце — Гракхом Бабёфом. Личная трагедия первого — его самоубийство ради протеста против старых путей исправления человечества, —кладет начало новой идее, идее революционности, а гильотинирование вождей „Заговора равных“ предупреждает новую, но уже социальную Варфоломеевскую ночь, задуманную первыми активными революционерами-коммунистами. Основы нового течения и заветы бабувизма в XIX веке воскресли в тактике Огюста Бланки, возведшего заговорщичество на высоту универсального принципа. Бланкизм — предтеча революционной ветви марксизма. Индустриальная революция выдвигает с конца XVIII века новый класс — пролетариат. Он заставляет задуматься о счастье всего человечества и предлагать меры к его „спасению“.

На пороге новейшей истории стоят великие утописты: Фурье, Сен-Симон, Оуэн, Кабэ. Их эпоха явилась периодом нового развития утопического социализма, в котором социальная фантазия уже растворялась в сильной пронизательной критике основ существующего порядка. Если блестящий фантазер Фурье доводит, вместе с тем, утопизм до крайних пределов, то гений Сен-Симона, расчищая почву для восприятия основных положений будущего научного социализма, тем самым ставит социализм на правильный путь. Теоретическая подготовка социалистических идей готовится также и в Англии, где, так назыв., „рикардианские социалисты“ во главе с Томпсоном наметили ряд основных экономических вопросов. Во Франции Луи Блан, Прудон, Пьер Леру и другие также заняты разработкою теории. В канун первого революционного пролетарского выступления 1848 года Европа уже представляет со-

бою бушующее море самых различных социалистических течений. Часть из них определилась во Франции, часть — в Англии. Это, вместе с тем, эпоха тайных коммунистических обществ и первые дни усвоения кабинетного и интеллигентского социализма широкими слоями пролетарских масс. Утопизм, проникнув в сознание трудящихся, дает первый толчок новому обширному движению; его пролетарская переработка — историческая заслуга Вильгельма Вейтлинга. Рабочий класс — вот кто отныне стремится осуществить идеал социализма. Отныне же социализм обосновывается научно. Маркс и Энгельс — основоположники этого нового научного течения. Принципы его изложены в „Коммунистическом Манифесте“ — в этой обычной форме тогдашнего обращения к широким слоям общества. Отсюда ясны и понятны историческая роль и мировое значение названного документа.

Итак, после революции 1848 года открывается новая эра развития — эпоха научного социализма. Выработывая свою идеологию и свою тактику, новое направление твердо и резко отмежевывается от соседних и родственных течений. Тем самым, основоположники научного социализма — Карл Маркс и Фридрих Энгельс вырабатывают свое собственное учение. „Международное товарищество рабочих“, известное под именем „Интернационала“, превращает марксизм в живую революционную силу. Новая идеология социалистов превращается в социалистическое движение. Оно противопоставляет свои идеалы идеологии буржуазного мира, отныне провозглашенного старым. Проведение практической программы возлагается на Интернационал — международное социалистическое объединение пролетариата. Распадение первого приводит к созданию второго. Развертывается та историческая борьба, одной из сторон которой мы все свидетели и очевидцы. Война приводит к кризису социализма, к расколу в Интернационале. Нарождается третий Коммунистический Интернационал.

Таковы самые общие и главнейшие вехи на пути этого обширной многовековой истории. Проследить ее вкратце и составляет задачу нижепомещенного очерка истории социализма, изложенного здесь конспективно.

Учебники и пособия.

История социализма, как особый предмет преподавания, отсутствовала до 1918 года в программах наших высших учебных заведений. Изложение истории социализма стало возможным в России только как один из результатов завоеваний Революции. До этого знакомство с ходом развития социалистической мысли могло происходить только неорганизованно и случайно, как, например, на некоторых юридических факультетах больших университетов, попутно, при изложении „истории экономических учений“,—добавочного и необязательного предмета. Такое положение дела целиком отразилось на скудости и бессистемности русской литературы по социализму. Интеллигенция могла знакомиться по текстам на иностранных языках, только бывая за границей. Широкие слои трудящегося населения впервые познакомились с социалистическим учением по скудным конспективным изложениям подпольной революционной литературы, да и то по немногим случайным отдельным изданиям, появившимся в дни революционного подъема, т. е. начиная с зимы 1905 года.

Текущая революция до сих пор не внесла еще в это дело системы и плановности. Государственное издательство не поставило еще этого вопроса на очередь, поэтому читающему только по-русски недоступны сочинения многих видных социалистических писателей, как, наприм., Жана Мелье, Верраса, Гарригтона, Фурье, Оуэна, Томпсона, Спенса, Консидерана, Прудона, Бланки и др. Некоторые писатели известны только частично, например, Сен-Симон, Пьер Леру, Луи Блан, Каба и др. Отсутствуют на русском языке также многие общие сводки по истории социализма, и не переведено много ценных монографий. В этой области предстоит еще очень большая работа. Тем не менее, желающий изучить историю социализма, особенно до великой мировой войны, может со многим познакомиться, усердно читая только по-русски. С этой целью здесь далее приводится достаточно обширный список сочинений и пособий по истории социализма на русском языке. Кроме того, в конце некоторых из глав настоящего краткого конспективного курса приведены важнейшие книги, помогающие подробно разобраться в соответствующей области.

1. Сюдр, А. „История Коммунизма“, русск. перевод, Спб., 1870 г.
2. Щеглов, И. „История социальных систем“, Спб., т. 1-й—1870 г., т. 2-й—1879 г.
3. Кирхгейм. „Вечная утопия“, русск. пер., Спб., 1899 г.
4. Штейн, Людвиг. „Социальный вопрос с философской точки зрения“, русск. пер. П. Ф. Николаева. Москва, 1899 г.
5. Чечулин, Н. Д. „Русский социальный роман XVIII в.“, Спб., 1900 г.

6. Менгер, А. „Право на полный продукт труда“, русск. пер., Москва, 1905 г.
 7. „Государство будущего“. Стенограф. отчет Германского рейхстага, Спб., 1906 г.
 8. Фогт, А. „Социальные утопии“, пер. с нем. В. Ф., изд. Брокгауза и Ефрона, Спб., 1906 г., другой перевод Фойгт, Андрей, „Социальные утопии“, пер. Стороженко, Спб., 1907 г.
 9. Туган-Барановский, М. И. „Современный социализм“, 1906 г. Его же. „Национализация земли“, 2-ое изд., 1907 г. Его же. „Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма“, 5-ое изд., Спб., 1914 г. Его же. „Социализм, как положительное учение“, 1918 г.
 10. Бурген, М. „Современные социалистические системы“, 1906 г.
 11. Жорес, Жан. „Очерки социализма“, Спб., 1906 г.
 12. Зомбарт, Вернер. „Социализм и социальное движение“, пер. с 5 нем. изд. (Изд. „Дуг“), Спб., 1907 г.
 13. Каутский, К., Лафарг, П., Гуго, К. и Бернштейн, Э. „Предшественники новейшего социализма“, русск. пер., 2 т., 1907 г.
 14. Русанов, Н. „Социалисты Запада и России: Фурье, Маркс, Энгельс, Лассаль, Жюль Валерас, Вильям Морис, Чернышевский, Лавров, Михайловский“, Спб., 1908 г.
 15. Сиповский. „Очерки истории русского романа“, 2 тома, Спб., 1909 г.
 16. Бернацкий, М. „Очерки по истории социализма“, 5 очерков журнале „Русское Богатство“ за 1910 г.
 17. Его же. „Теоретики государственного социализма в Германии“, 1911 г.
 18. Прокопович, С. „Проблемы социализма“, Спб., 1911 г.
 19. Святловский, В. В. „Очерки из истории экономических воззрений на Западе и в России“, т. 1-й, Спб., 1913 г.
 20. Свентоховский. „История утопий“, Москва, 1910 г.
 21. Тотомианц и Устинов. „Утопии“, Москва, 1917 г.
 22. Жид, Шарль и Рост, Ш. „История экономических учений“, 2-ое изд., Москва, 1918 г.
 23. Булгаков, С. Н. „Очерки из истории экономических учений“, Москва, 1918 г.
 24. Рожков, Н. А. „История социализма“, лекции 1918—19 г.г., Петерб., 1918 г.
 25. „Краткий очерк истории социализма и социальных движений на Западе“, Москва, 1919 г. (Перев. с нем.).
 26. Лавров, П. „Из истории социальных учений“, 1919 г.
 27. Святловский, В. В. „История социализма“. Конспект лекций Инструкторского Института имени Толмачева, 3 вып., 1921 и 1922 г.г.
 28. Тотомианц, В. „История экономических и социальных учений“, изд. Объединения земских и городских деятелей за границей, Париж, 1921 г.
- Литература об утопиях русских авторов указана в книжке проф. В. В. Святловского: „Русский утопический роман“, Петроград, (гос. изд.), 1922 г.

ГЛАВА I.

Коммунизм в древности.

У многих народов древнего мира к началу исторической эры можно с несомненною уверенностью установить черты коммунистической земельной собственности. Этот первобытный коммунизм является результатом общей работы и общего потребления членов одной и той же семейной общины. Этнография и история права свидетельствуют, что первобытному человеку вообще было совершенно неизвестно индивидуальное присвоение земли и ее плодов. Отдельная личность была не в силах бороться за свое существование, нужна была помощь, поддержка, совместное действие. Семейная община живет вместе и вместе владеет нераздельным имуществом. Таковы, напр., германский аграрный коммунизм, устанавливаемый свидетельствами Тацита и Юлия Цезаря, аграрный строй сельской общины Индии, общинный коммунизм восточных славян („мирское“ землевладение), семейный коммунизм южно-славянских дворов („заруга“, во главе которой стоят „домачин“ и „домачица“), племенной коммунизм кельто-ирландских кланов. У других народов, хотя и обнаружена аграрная община, но одновременно устанавливается и наличие частной собственности на пахотную землю, а потому возможно утверждать о наличии только некоторого полукоммунистического устройства. Таковы народы древней Греции, в истории развития которых встречаются и отдельные случаи несомненного развития коммунизма, напр., коммунистический строй колонизованных греками Липарских островов, засвидетельствованный Диодором Сицилийским ¹⁾, государственная организация общественных трапез в Спарте и на острове Крите. История собственности на более ранних ступенях развития тесно связана с историей семьи. Система матриархата была связана с коллективным владением землею. С зарождением и ростом индивидуальной семьи начало

¹⁾ Военная община типа вест-индских флибустьеров.

разлагаться и коллективное землевладение. Эпоха нашего господства частного землевладения с ее превращением недвижимости в движимый капитал, с ее лихорадочною мобилизациею земельной собственности из рук в руки все же не смогла совершенно изгладить из памяти и обычаев людей прежнее устройство даже в наиболее передовых странах. У народов отсталых первобытный аграрный коммунизм не только уцелел, но даже эволюционировал, приспособляясь к новым условиям. Таковы, напр., общины в Индии и в России.

Русская деревенская община или „мир“ долгое время считалась исключительною национальною, великорусскою особенностью, открытою для Европы немцем Гакстгаузенем. На этом была построена теория противоречия характеров общеевропейской и западноевропейской культуры славянофилами, а позднее народниками. Они полагали, что основой западной культуры был исконный индивидуализм, а славянской, в частности русской, — „хоровое“ начало и природное тяготение к социализму, что выражалось в наличности общины и артели.

Последующие научные изыскания (Моргана, Маурера, Мэна, М. Ковалевского, Ефименко и др.) доказали, что община была свойственна большинству западных и восточных народов земного шара. Тоже и артель, а с нею, чем дальше развивались научные работы в области истории, археологии и этнографии, и чем больше применялся, так назыв., историко-сравнительный метод — тем больше узнавали о действительном ходе развития института собственности. Так были изучены:

- 1) семейная община, повсеместно существовавшая;
- 2) долевая община, сложная („марка“) и простая;
- 3) уравнительно-передельная община в России и Индии.

Последний — передельный — тип общины более позднего происхождения. Его созданию способствовали земельная теснота и податное обложение. При общем юридическом владении всем миром всей деревенской земельной площадью, экономический распорядок в общине — производство и потребление — индивидуальны. Отсюда внутри общины постоянная борьба двух противоположных начал.

История захватывает процесс развития собственности к моменту разложения старой семейной общины и роста частного землевладения.

Развитие частной собственности шло параллельно с развитием социального неравенства, поэтому уже на более ранних ступенях исторического развития встречаются примеры законодательных постановлений, стремящихся оказать противодействие вредным сторонам господства частной собственности. Таково, например, известное предписание законодательства Моисея о юбилейном годе, в силу которого каждый пятидесятый год вся собственность возвращалась ее первоначальному владельцу, прощались все долги, и освобождались все рабы из лиц своего племени. В этом же законодательстве древней Иудеи содержится ряд других предписаний, направленных на защиту интересов обездоленных классов уже дифференцировавшегося к этому времени общества. Как теперь установлено трудами историков, первоисточниками этих законодательных предписаний являются соответствующие мероприятия правительств древнего Египта, рано остановивших свое внимание на некоторых сторонах социального быта своих подданных.

Халдейские и ассирийские надписи также содержат указания на зарождение социального вопроса и на попытки активного вмешательства в положение обездоленных. Рядом с указаниями на случаи восстания бедных классов приводятся примеры некоторых уступок со стороны богатых в виде, напри~~м~~, определения порядка уплаты заработной платы и т. д.

Военные братства спартанцев и критян и в мирное время сохранили черты общности их боевого дела („государство—лагерь“), что выразилось в товариществе по ~~трапезе или сисситиях~~, в которых некоторые усматривали пережитки старого коммунистического аграрного строя, но которые, в действительности, являлись тем неизбежным проведением начал государственно-социалистической идеи, которая свойственна всем общинам военного типа.

Рост социального неравенства, тесно связанный с ростом индивидуализма, рано создал мысль о необходимости ограничения частной собственности и противопоставил действительности идеал социально-экономического равенства общности владения, производства и распределения. Этот идеал одни усматривали в прошлом, создавая коммунистические фантазии о давно минувшем „золотом веке“, другие—в будущем, стараясь придумать новое устройство обществ; так начали создаваться утопии. Вымысел давал руководящее начало для современности и служил целям

нравственного возрождения общества и государства, что уже было зародышем социализма. К числу таких фантастических поучительных картин принадлежит и, так назыв., законодательство. Ликурга, ставившее своею целью изображение преимуществ коммунистического устройства. Ту же цель преследовали поучения в баснях и комедиях и, еще более, первые утопические рассказы и романы, которые появились в эпоху исторического переворота в Греции в IV веке до Р. Хр.

С поисками социального идеала в прошлом порывает гениальный философ античной Греции Платон (428—347), который впервые создает обоснованный идеал коммунистического государства будущего, — идеал, построенный на началах разума. Социальная утопия Платона является колыбелью социализма, разработка которого с этого времени уже не прекращается. В сочинениях Платона рождается первый этап развития социалистической мысли — утопический социализм.

Платон в Греции был не одинок. Сохранились сведения и о других, к сожалению, не дошедших до нас полностью, социальных утопиях греческого мира. Они были составлены под несомненным влиянием Платона.

Из школы же Платона выходит и то направление мысли, которое оказало некоторое влияние и на социальные идеалы некоторых направлений разрастающегося в эпоху распада иудейства по лицу тогдашнего мирового суверена — Рима — христианства. Христианство не было социально-экономическим учением, а учением нравственным, а потому никакого мирового идеала определенного социального устройства не создало. Так наз., христианский коммунизм первых христианских общин был только естественною формою братства объединившихся общими условиями жизни пропагандистов-идеалистов, не более.

Но все же в Александрии, в центре ново-платоновской школы (неоплатонизма), зарождаются новые учения в христианстве, и крупнейший „отец церкви“ на Западе — Блаженный Августин, будучи противником коммунистических тенденций первоначального христианства, с гордостью признает себя учеником Платона.

В совершенно ином положении был античный Рим. Социалистические идеи зародились здесь преимущественно в сфере землевладения и дали первые ростки будущего аграрного социализма. Сильный толчок в этом направлении

дали знаменитые римские народные трибуны Кай и Тиберий Гракхи. Некоторые из античных писателей, как, например, Тибулл, Овидий, Сенека, Вергилий, изображали идеалы всеобщего счастья, основанного на радикальном изменении всего социального порядка. Утопизм чаще всего сводился к преклонению перед картинами „из минувшего золотого века“.

Для желающих подробнее ознакомиться с положением социализма в древности можно рекомендовать на русском языке единственное в своем роде превосходное сочинение немецкого ученого проф. Роберта Пельмана „История античного коммунизма и социализма“, 2 тома, С.-Петербург, 1910 г.

СПбГУ

ГЛАВА II.

Древняя Греция.

Платоновский коммунизм.

В V и IV веках до Р. Хр. в древней Греции произошли глубокие политические и социальные перемены, которые не могли не отразиться на всем мировоззрении древних греков, этого выдающегося в духовном смысле народа древности. Особенно резко и определенно отразилась революция на всем учении о государстве и понятиях о свободе и собственности. Началась замена коммунистического хозяйства денежным, которое к этому времени успело развиться в некоторых из греческих государств, например, в Афинах и Коринфе. Здесь впервые был поставлен вопрос об индивидуализме и социальном понимании условий материальной жизни, впервые обсуждались вопросы о справедливом распределении и концентрации имуществ, о чрезмерном богатстве, нищете и т. д.

Первым теоретиком, принципиально высказавшимся против экономического неравенства, был писатель Фалес или Фалей из города Халкедона, который усматривал в имущественном неравенстве причину всех гражданских раздоров, столь обильных в тогдашнюю эпоху. От устранения неравенства и улучшения общей нравственности народа Фалей ожидал исчезновения преступлений против собственности.

За Фалеем следует величайший философ древности, аристократ, афинянин Платон (428—347 г. до Р. Хр.), родоначальник идей социализма.

Платону принадлежит ряд дошедших до нас сочинений или трактатов, излагающих законченное мировоззрение по социальному вопросу. Но Платон, как и вообще все греческие писатели, не рассматривал социально-экономических вопросов отдельно, изолированно; они являлись для него только частью его общего учения, в котором первое место занимало учение о нравственности или этика. По

Платону и государство, и хозяйство, и отдельный человек, стремясь к счастью, должны быть нравственны, „добродетельны“. Добродетель не есть простой отказ от мирских благ, как то проповедуют аскеты, а справедливое и умеренное пользование ими. „Земное“ признается и Платоном, но лишь при свете нравственного идеала.

Социальные воззрения Платона изложены в двух сочинениях: „Государство“ (или, по-гречески, „Политейя“) и „Законы“, ряд добавлений можно найти в трактатах „Горгий“, „Тимей“, „Критий“, в последнем его неоконченном описании жизни на острове Атлантида¹⁾.

По мнению Платона, люди познают истинный мир до своего рождения и, явившись в мир, только постоянно вспоминают тот лучший мир и, естественно, стремятся к нему всю свою жизнь. Для созерцания этого лучшего „горнего“ мира, мира—по Платону—чистых идей, человеческая душа „растит себе крылья“ и питает себя „божественными элементами“—мудрым, прекрасным, добрым. Взрастив и развернув крылья, душа подымается и воспламеняется к этому дальнейшему миру в каком-то особом экстазе, эресе.

В таком иступленном состоянии находится по Платону тот, кто, видя здешнюю красоту и вспоминая о красоте истинной, окрыляется и, окрылившись, пламенно желает лететь вверх. Еще не имея сил, он уже, подобно орлу, смотрит вверх, а о дольном не заботится“. „Было время,—говорит Платон в „Федре“,—когда душа была посвящена блаженнейшую тайну, была непорочна и чужда зла и она созерцала такие же видения в чистом сиянии. Тогда мы не были погребены в той оболочке, которая называется елом и в которой мы, как улитки в раковине“. „Тело—роб души“,—говорит Платон в диалоге „Критий“.

Неродившиеся души созерцают занебесное, поднимаясь вместе с богами за предел видимого неба. Так мечтает величайший идеалист древности Платон, стараясь уверить своих современников, что вся природа, вся вселенная есть е что иное, как мир одних идей.

Каково отношение здешнего мира к миру идей? На это Платон отвечает знаменитою 7-ою главою диалога „Государство“.

¹⁾ Легендарный остров, описанный Платоном, возбуждал всегда интерес. Его одни считали частью африканского материка, другие—счазувающим островом, третьи усматривали в нем Сев. Америку.

„Представим себе—говорит он (словами Сократа)—подземное жилище: обширнейшую пещеру, которая, однакож, сверху, во всю свою длину, открыта для принятия в себя света. Положим, что люди с самого детства живут в пещере и притом так, что входа в ней не видят; что, связанные по ногам и по шее, они могут усматривать только находящееся перед глазами, а поворачивать голову от стесняющих ее оков не в состоянии. Тогда как люди так заперты и закованы в своей пещере, пусть позади их сверху льется к ним свет огня и озаряет мрак пещеры. Притом между тем огнем и отверстием пещеры пусть идет дорога, закрытая от нее стеною. За этою стеной вообразим других людей, которые сами, как закрытые, невидимы, но они, то молча, то разговаривая, проходят своею дорогою, неся разную рухлядь, изображения людей и животных, статуи и прочее;—и тени всего этого падают на противоположную часть пещеры. Те узники, — продолжает Сократ,—хотя кроме теней ничего не видят, однакож, будут уверены, будто видят самые вещи, и в беседе друг с другом станут тени называть теми же именами, какие обыкновенно даются самым вещам; даже к этим теням отнесут и звуки, которые издаются проходящими вверху и отражаются внутри пещеры. Если бы теперь кто-нибудь из них был освобожден от оков и вдруг встал, начал поворачивать шею, ходить и смотреть на свет, то, конечно, почувствовал бы боль в глазах и, привыкши видеть одни тени, не мог бы созерцать самые вещи. А если бы стали его уверять, что прежде жил он среди пустых теней, он усомнился бы и прежние представления считал бы более правдоподобными, чем последние. Поэтому, чтобы мало-помалу научиться ему переносить впечатления истинных тел и истинного света, нужна некоторая привычка. Именно сперва будет он легко созерцать тени, потом отразившиеся в воде образы людей и животных, затем легче предметы на небе и само небо ночью, нежели солнце и его блеск днем, а, наконец, после долговременного упражнения, уже не образ солнца в воде или в других вещах, но самое солнце... Если бы такому человеку и пришло на мысль пойти в прежнее место и объяснить бывшим своим товарищам, что он видел, и как жалка жизнь их,—из этого, без сомнения, вышло бы то, что стали бы над ним смеяться и сочли бы его глупцом, которого глаза от созерцания предметов выпрених несчастным образом повредились“...

„Таков образ человеческой жизни. Та пещера, в которой люди связаны и видят только тени вещей, это и есть наш мир, подлежащий чувствам“...

Итак, по Платону, действителен только мир идей, истинно только припоминание его, ибо явления нашего видимого мира представляют собою только некоторое подобие идей, отчего мы их и припоминаем при наших чувственных восприятиях.

Идеи, таким образом, прототипы несовершенно отражающего их мира. Между этими двумя мирами, земным и невидимым миром идей, существует связь — божественный эрос.

Эрос — это стремление смертной человеческой природы возноситься до бессмертия, обессмертиться, увековечиться в новом творении, которое может быть и физическим и духовным. Это как бы особое космическое влечение; здесь, вместе с тем, корень философии Платона.

Итак, эрос, по Платону, — основное всеобщее движущее начало; это — любовь и искание добра и красоты, верховное начало всей жизни. В итоге идея добра — цель всего мирового процесса и, вместе с тем, смысл всей человеческой жизни.

Но так как люди по природе своей неравны, то они поэтому не в равной мере наделены добродетелями, которых, по Платону, основных четыре: мудрость, храбрость, самообладание и умеренность. У одних людей преобладает одна добродетель, у других — другая, отсюда и разные группы людей и различное деление населения в государстве.

Во главе хорошо устроенного государства должны стоять особенно мудрые люди — философы. Они управляют страной и народом, Люди, наделенные добродетелью храбрости, защищают государство от вторжения врагов, они — класс помощников правителей или „стражи“.

Философы и стража должны все свое время посвящать другим, государственным нуждам и заботам; им поэтому некогда думать о будничных заботах, о своей личной жизни. Для постоянного пребывания в таком героическом настроении они не могут думать о своей семье, о своей личной собственности, о повседневных нуждах, поэтому они живут без личной собственности и личной жизни; они — коммунисты.

Между тем, все остальное население живет, сохраняя

индивидуальный строй, смягченный добродетелью умеренности.

Такой порядок может быть налицо только в тех случаях, когда весь государственный уклад будет „перестроен заново“, по принципам разума и справедливости. Как его достигнуть?

В диалоге „Государство“ от имени Платона говорит его учитель Сократ. Вопрошающий его назван Главконом.

„Давай—предлагает устами Сократа Платон,—устроить государство („город“) в нашем уме с самого начала, а устроить его наша потребность!“...

И вот, перебирая потребности человека, он находит, что из них первая и самая великая—„в добывании пищи или поддержании жизни“, вторая—„в устройстве жилища“ и третья—„в изготовлении одежды“ и пр. Путем разделения труда и специализации все потребности, в конце концов, удовлетворяются. Мастера, ремесленники и земледельцы заботятся о производстве. Внешний товарообмен потребует купцов мореплавания, внутренний—знаков обмена и мелких торговцев. Наконец, идут прислужники или наемники. Резко от этих классов—„братьев, занятых хозяйственной деятельностью“, но все же существ низшей породы, отделяются правящие—философы и стража. „Низших надо оградить и оберегать“, и только они должны находиться в покорности и подчинении. Стража к ним относится дружески и бескорыстно. У последних нет собственного имущества, у них нет ни жилища, ни кладовых.

Философы и стража получают только жалование за службу государству. В число их могут входить на равных правах и женщины.

Брак, семья и воспитание рассматриваются Платоном очень подробно, но действующие в его эпоху соответствующие институты им принципиально отвергаются. При этом брак, по Платону, не может быть делом случая и индивидуальной судьбы. Его заключение—функция государственной власти. Молодым людям в брачном возрасте властью подыскиваются наиболее подходящие жены. Общность жен и детей у всей страны, как и система и принцип, подробно излагаются в 5-й книге „Государства“. Хотя женщины от природы слабы, полагает Платон, но могут отправлять и общественные должности при наличии соответствующего образования. Созданию лучшего будущего поколения способствует ряд постановлений; так, из всех граждан

избираются наилучшие юноши и девицы, чтобы стражи не вырождались. В праздники устраиваются сходки и бросаются жребии, чтобы соединялись сильнейшие с сильнейшими. Мужьями граждане могут быть с 30 до 55; при этом обе стороны соблюдают скромность и целомудрие в браке. Брак вообще возможен, как почетная или добавочная награда.

Молодое поколение не должно быть связано с индивидуальной семьей, основным источником социальных бедствий. Чтобы создать в новом строе нового человека, дети воспитываются публично, вдали от прочих граждан, особенно вдали от своих родителей. Благородные, т.е. по определению правительства возникшие, воспитываются отдельно от худших, т.е. от возникших самовольно или же от несвоевременных браков.

Индивидуальная семья должна быть уничтожена. Родители и дети ни в коем случае не должны знать друг друга. Все дети—дети всех родителей. От признания такого принципа произойдет между всеми людьми величайшая любовь и согласие; ибо каждый будет считать каждого своим братом. А так как согласие есть высшее благо, то отсюда и должны исходить все меры по достижению единства-и согласия, они все—спасительны для общества.

Итак, все граждане вообще должны дружески относиться друг к другу. Правители—это защитники и хранители отечества, все прочие—его кормилицы. И так как не будет частной собственности на землю, наследства и других стяжаний, то в новом государстве не будет ни тяжб, ни раздоров. Итак, коммунизм, разрушив индивидуальное владение и индивидуальную семью, создает новый лучший общественный строй. В этом строе чистыми коммунистами являются только высшая группа—философы и стража. Они малочисленны и полны самопожертвования. Их аскетическая жизнь—предмет удивления современников и потомства. Так, например, стражам отсутствие материальных преимуществ и благ компенсируется при жизни и по смерти величайшими почестями. Остальная народная масса только материал, руководимый коммунистами, материал, живущий в приближении к коммунизму, как к идеалу. Дальше за нею идут рабы, об эмансипации которых даже не возбуждается вопрос.

Так Платоном впервые в истории был сформулирован и намечен социальный идеал. Частью этого возникал во-

Лен. Гбс. Фил

Научная

библиотека им
Гельского

прос: что именно намечал Платон—„отвлеченный идеал“ или определенную программу действия? Платон сам отвечает на этот вопрос.

„Осуществима ли в каком-либо обществе эта общность?“—спрашивает Главкон „Сократа“ (т.е. Платона) и отвечает: „Осуществление кажется Главкону весьма трудным“. Подлинные слова Платона гласят далее:

— Главкон: „Возможно ли такое государство, и каким образом оно возможно?“

— „Хотя это и невозможно, однако же общество было бы прекрасно, которое по крайней мере... Расхождение существа управления с идеалом—это расхождение занятий управления с философией“...

... „Стражи общества, таким образом, должны быть самыми строгими философами, им нужно созерцать самую идею блага“.

— Когда же осуществится новый идеальный строй?

„Пока в городах не будут или философы царствовать, или нынешние цари и властители—искренне и удивительно философствовать, пока государственная сила и философия не совпадут в одно, и многие природы направляющиеся ныне отдельно к той и другой, будут взаимно исключаться, дотеле,—говорит Платон,—ни города, ни даже, думаю, человеческий род не жди конца злу; и описанное в наших рассуждениях государство прежде этого не родится, как могло-бы, и не увидит солнечного света“...

Так думал Платон в „Государстве“, так впервые ставилась великая социальная проблема у колыбели нового течения мысли—социализма.

Более реальную и менее радикальную позицию Платон занимает в „Законах“, во втором своем утопическом произведении более позднего происхождения, написанного, повидимому, для практического осуществления более определенных заданий. Этого, повидимому, требовала неудача, постигшая проекты Платона в Сицилии, где тиран Дионисий желал одно время осуществить идеи философа.

Но „Государство“ и „Законы“ не противоречивы, как думают некоторые, не „измена“ взглядам молодости, как думает, например, наш философ Владимир Соловьев, а только два варианта—сокращенный и полный—одной и той же социальной программы. При этом оба варианта надо

рассматривать во времени: один—программа-*minimum*,— исполнимый немедленно, другой—программа-*maximum*,— в более отдаленном будущем. Но оба варианта Платона только разные степени приближения к одному и тому же идеалу.

В „Законах“ Платон характеризует общество „золотого века“ его примитивно-хозяйственный уклад, как строй, наиболее пригодный для развития лучших свойств человеческой природы. Это эпоха „после потопа“, когда небольшие группы уцелевших людей утратили навыки и знания допотопной культуры и были вынуждены начать общественную жизнь сначала. Но, потеряв всякое воспоминание о прежних правительстве и законах, они и без них ведут жизнь счастливую и по своему совершенную. Отсутствие техники и средств передвижения, отсутствие рудников и металлов не дали восстановиться не только товарообмену, но и войнам и раздорам, а одиночество и изолированность новых людей вызвали взаимную любовь и дружелюбие. ●

Скотоводство и охота давали средства пропитания и одежду. Жилища и сосуды, при наличии гончарного искусства и тканья, готовить было не трудно. Не настолько зажиточные, чтобы воевать из-за достатка, жители этой страны, не зная золота и серебра, не знали ни богатства, ни бедности, и в силу этого находились в „блаженном состоянии“.

Отсутствие борьбы за насущный хлеб и побуждений к наживе создавали равновесие, несмотря на малое образование. Они поэтому были просты и чисты сердцем, а души их открыты для восприятий добра и истины.

„Когда же в общегитии нет ни богатства, ни бедности,—говорит Платон,—то в немвозникают благороднейшие нравы, ибо не рождаются ни необузданность, ни ревность, ни зависть, ни несправедливость“. Итак, простая жизнь дает социальный мир и счастливую жизнь, полную простодушной мудрости и добродетели.

Такую-то именно жизнь—жизнь „золотого века“—гражданам надо иметь в виду, устраивая государство. И государство „Законов“, менее совершенное, чем государство „первого плана“—Политейя,—все же стоящее выше обычного устройства, не забывает, что „оно должно существовать не во времена Хроноса, а в настоящую эпоху, а потому должно быть организовано, памятуя задачи обороны“. Конечно, не война—цель государственного бытия, но, как

неминуемая злая необходимость, она не может быть упущена из виду. С этой целью даже общие обеды устраиваются в видах поддержания военного мужества. Вообще же добродетели должны стоять на первом месте, материальные блага — на самом последнем. Добродетель — результат воспитания и приучения с детства. Празднества, хоровое пение и танцы воспитывают согласие и гармонию; потом вырабатывают скромность и умеренность зрелого возраста, разумность, мудрость и справедливость — старости. Излишество и пьянство не допускаются, хотя под виноградники все же отводится некоторая небольшая площадь государственной территории.

Это „государство“ непременно должно быть основано на большом расстоянии от берега моря, чтобы таким путем изолировать его от морской торговли и связанных с нею барышничества, наживы и иных возникающих отсюда дурных нравов.

• „Счастье новой колонии в отдаленности от моря и в разнообразии почвы, дающей все, что нужно, но без избытка, который бы служил экспорту и обмену на золотую и серебряную монету. Прилив же драгоценных металлов — величайшее зло для государства, — как причина разрушения добрых и справедливых нравов. При этом для гарантии хорошего устройства в состав нового государства будут допущены только критяне, а из остальных греков — только жители Пелопоннеса.

Как появится такой строй? Новое устройство введет в стране молодой тиран с хорошою памятью и восприимчивостью, мужественный и великодушный и, конечно, умеренный. В его правление явится и достойный законодатель, и счастливая судьба соединит его с тираном. Преобразование произойдет легко и быстро. Неограниченная власть, воодушевленная благими намерениями, уже одним своим примером даст многое. Веления этой принудительной силы должны быть разумны и разъясняемы гражданам. Каждый закон должен сопровождаться „предисловием“, разъясняющим смысл и убеждающим в его пользе. Тиран — очевидно Дионисий, философ — сам Платон.

Необходимо различать коммунизм Платона от коммунизма позднейшего времени. Во-первых, Платон не рекомендует возврата к первобытному состоянию, к прошлому; он организует будущее, заново, сознательно. Его коммунизм — рационалистический. Во-вторых, комму-

низм Платона носит полуаскетический характер и построен на началах идеалистических 1).

В-третьих, значение коммунизма Платона воспитательное; все в нем устроено ради быта осуществления добродетели.

Государство Платона—чисто-эллинское, т. е. без внутреннего деления на классы и касты. Правда, довольно рано осозналась и „трещина“ в единстве этого деления: эллины и варвары; но и эллины были уже двух категорий: одни высшие, другие низшие. По Платону военный лагерь или, вернее, коммунизм полувойенных групп—для высших, избранных; для них только лучшее будущее. Коммунизм—для нетрудящихся, для аристократов, а для остальных—обыденная жизнь, труд, покорность и подчинение.

Итак, у Платона все трудящиеся массы в полном забвении. Его государственная спайка классов не прочна. Он допускает рабство, т. е. его социальные законы ниже законов Ликурга и Солона. Другими словами, смысл его социальной аристократической и идеалистической философии не в городе, который он нашел, а в „городе“, который он искал.

Только что изложенные социально-экономические воззрения Платона оказали громадное влияние на всех тех последующих писателей и мыслителей, которые задумывались над вопросом о замене окружающего их несправедливого общественного устройства более разумным и справедливым. В итоге Платон явился родоначальником и вдохновителем всех дальнейших сочинений и исканий по социальному вопросу.

В античном мире социальная утопия Платона была не одинока; многие из древних писателей находились под несомненным влиянием этого философа. Все они отличались одною характерною чертою: их экономическое мировоззрение подчинялось их этическим взглядам; отсюда—разно-

1) „Задача Платонова коммунизма,—говорит кн. Е. Н. Трубецкой,—избавить людей от того, что называется на современном языке мещанством духа, освободив их от той материальной зависимости, которая создается, как чрезмерным изобилием, так и крайней скудостью. В этом полный контраст между платоновой идеалистической утопией и коммунизмом материалистическим“. В платоновом коммунизме имеются черты монастырские, но „платонов монастырь был языческий“. См. Трубецкой, кн. Е. Н., „Социальная утопия Платона“, М., 1908. Стр. 63 и сл.

образии этико-социальных направлений в древности. Особенно важны три следующих:

1. Циники или киники, Антисфен, Диоген Синопский—Кратес и их ученики,—отрицавшие необходимость права и государства, древние предшественники современных анархистов.

2. Стоики—Аристип, Зенон, Сенека, Марк Аврелий и Эпиктет,—настаивавшие на важности и значении коллектива, государства, и защищавшие идею всемирного гражданства, умеренность и простоту жизни. Марк Аврелий, как и остальные стоики, возвышался до идеи интернационализма и говорил о себе, что он гражданин всего мира („Totius mundi cives sum“).

3. Эпикурейцы,—призывавшие к признанию всего земного и материального, в противовес мечтам идеалистов о „небесном“ и „духовном“, родоначальники материалистического воззрения на мир.

Кроме Платона в древней Греции жил ряд других писателей (например, Феопомп, Евгемер, Ямбул), составлявших описание утопических государств, но их сочинения почти не дошли до нас. Из них наиболее выдающийся—Евгемер из Мессины, который написал около 280 г. до Р. Хр. „Священную хартию“, где, по обычаю утопистов, рассказывает о несуществующей стране с коммунистическим устройством. Гекатей с о-ва Теоса рассказывал о „Стране гипдербореев или Киммерийском Городе“. Феопомп излагал быт „Страны за океаном“, а Ямбул описывал новое государственное устройство в „Солнечном Государстве“, или, что то же, на „Острове Великанов“. Все названные утопии носили несомненно коммунистический характер.

Учение Платона позднее воскресало в Египте, в Александрии.

В III веке по Р. Хр. александрийский философ Плотин мечтал устроить в римской Кампании идеальное государство философов—„Платонополис“. Ему сочувствовал император Галлиен и его жена. Плотин тоже находился под сильным влиянием Платона.

По-русски о Платоне писали: Владимир Соловьев Жизненная драма Платона. Сочинения, т. VIII (стр. 246—291) Спб., 1903. Новгородцев, П., Сократ и Платон. М. Железнов, экономическое мировоззрение древних греков, М., 1916. Трубецкой, Евг., кн., Социальная утопия Платона, М., 1908.

ГЛАВА III.

Христианство и, так называемый, христианский коммунизм.

Сменившее античное мировоззрение христианство было, прежде всего, нравственным учением, учением о душе и ее спасении ради благ загробной жизни. Христианство рассматривает земную жизнь, как временную, и весь центр внимания переносит на жизнь будущую. В земной жизни оно принимает все, как оно существует („воздайте кесарево кесарю, божие—Богу“), без протеста или стремления к изменению. Несправедливость—это грех, в котором должно покаяться; жестокость—это свойство, которое должно смягчить милосердием ради любви к ближним. Христианство, например, не восстает против института рабства, а только рекомендует хозяевам милостивое отношение к рабам, а рабам—обезоруживать своих тиранов кротостью и покорностью. Христианство, вообще, не социально-экономическое и не протестующее революционное учение, а учение о нравственном идеале, осуществимом при бедности и отказе от земных благ. Путеводною звездой первохристианства, а также его реформации, был апостольский идеал. С третьего века появляются новые веянья. В итоге—идеал нового исторического христианства—суровый аскет, бегущий в пустыню или в монастырь от „прелестей и соблазнов“ реальной действительности. Отсюда христианские проповедники постоянно осуждали богатую и праздную жизнь, и многие их заявления легко могут быть приняты за выражения социалистической мысли. К тому же предания о братской и имущественной общности первых христиан, приводимые в „Деяниях Апостольских“, как бы подтверждали наличие сознательного социалистического учения и коммунистического устройства, что уже, разумеется, не верно. Никакой определенной коммунистической теории, как учения, рекомендующего новую более совершенную форму хозяйствен-

ного быта, христианство ни в первые века своего распространения, ни позднее, решительно не знало. Христианство вообще было чуждо и критики существующего строя, и вообще мысли, что хозяйственный строй должен быть радикальным образом, да еще к тому же революционным путем, изменен. Оно принимало всю хозяйственную и социальную жизнь, какую она была в ту эпоху, и никогда революционно не призывало массы к активному выступлению с целью преобразования экономических отношений, что и составляет сущность социализма. К таким преобразованиям христианство вообще относилось в высокой степени безразлично, ибо его интересы лежали в совершенно иной сфере, а именно в моральной.

Христианство вообще учение нравственное, моральное а не социальное или социалистическое. Наприм., оно признает институт рабства, рекомендуя только милость к рабу, а не отвергает самый институт. То же и по отношению к власти („всякая власть бо от Бога“).

Это, конечно, не значит, что распространение христианства в древнем мире не являлось по-своему симптомом величайшей культурной революции, революции, которая естественно способствовала созданию новых хозяйственных форм. Но религиозно-нравственная идея, увлекавшая в то время низшие слои древнего общества, не заключала в себе сознательного выражения социалистического учения.

Ни существовавшие социальные отношения, ни тот или иной смысл производств, совершенно не останавливали на себе внимания христианских философов. Поэтому нельзя приписывать христианству, хотя бы в его якобы более древней и более упрощенной редакции, коммунистического характера и вообще говорить о христианском коммунизме. Это значит или не знать ни христианства, ни коммунизма или преследовать какие-либо добавочные цели, а не цели истинного знания.

Конечно, не следует при этом думать, что первоначальное христианство являлось как бы учением, вполне санкционирующим существующий хозяйственный порядок. Новое религиозное движение, охватившее широкие слои угнетенного народа и увлекшее за собой тех представителей господствующих классов, которые уже предчувствовали неизбежную смерть старой культуры и старых форм общественной жизни, — оставаясь индифферентным к данному социальному политическому строю, не могло выставлять

ювых идеалов общежития, радикальным образом расхо-
дившихся о господствовавшими в то время формами.

Всякое новое религиозное движение *in statu nascendi* т.е. пока оно остается в широком смысле революционным, если даже непосредственно и не означало восстания против существующих властей, обнаруживает склонность именно к коммунистическим началам. Вспомним хотя бы историю учения Будды. Первые группы последователей новой истины, монахи и аскеты, устраивают мужские и женские общины, в которых царит равенство и общность имущества. Но же можно сказать про первых глашатаев анабаптизма, хармонства и других религиозных, а впоследствии и революционных учений. Но такой только коммунизм не проникнут определенной коммунистической теорией; он не выражается в проповеди нового экономического строя, а сводится к установлению известных этических положений и практических требований с ярко выраженной общинной окраской. В этом, и только в этом смысле, коммунизм отнюдь не был чужд христианству.

Итак, как движение, знаменовавшее собой великий исторический перелом, христианство, прежде всего, создало такой подъем общего настроения, который, уже по самой религиозной сущности своей, не мог не увести человеческую мысль далеко от простых забот об устройении жизни, хотя бы и жизни целого общества; все идеалы христианства находили выражение в форме верований в некоторые „вечные и божественные“ этические истины, отсюда — идея отказа от индивидуального владения и идея общности, как форма жизни, а не как новая экономическая сущность.

Нельзя видеть, кроме того, в христианстве первых веков какого-либо единого социально-экономического учения. Так может представляться дело только людям, стоящим на „церковной“ точке зрения и готовым считать не христианскими те учения, которые расходятся с установившимися в церкви догматами. Но, если принять во внимание все огромное количество различных сект и общин, выступивших под знаменем учения Христа, или, даже шире, все религиозное движение той эпохи, то нельзя не признать значительности в этом движении проповеди и практического осуществления коммунизма.

Всякий религиозный коммунизм во все исторические эпохи был, прежде всего, коммунизм потребления. Христианство в этом отношении не дало ничего нового. О

социалистической организации производства или распределения христианские реформаторы не мечтали. Ничего нравственно предосудительного в том или ином способе производства не усматривалось. И им казалось, что все бедствия, от которых страдало человечество, обусловлены его нравственным несовершенством. И самая общность имущества, как мы уже видели, обосновывалась ими, как требование этического порядка.

Первоначально коммунизм потребления для христианских общин был одним из существенных признаков. Всему этому имеются многочисленные свидетельства. Так, первая община, по свидетельству „Деяний Апостольских“ (гл. IV, ст. 32, 34), была организована на своего рода коммунистических началах; „им нельзя было ничего называть своим, а все у них было общее. Не было между ними никого нуждающегося, ибо все, которые владели землями и домами, продавали их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов. И каждому давалось, кто в чем имел нужду“. Естественным следствием такого обычая были общие трапезы и общие дома. Здесь, таким образом, проводился принцип: каждому по его потребностям. В своей „Апологии“ Тертуллиан удостоверяет о наличии общности имущества у христиан его эпохи. „Мы живем—говорит он—по-братски на счет общности имущества, между тем, как у вас эти имущества производят ежедневные раздоры между братьями. Составляя между собою одно сердце, одну душу, можем ли мы отказываться от общности имущества? Все у нас общее, исключая жен“. „Зная дух христиан, ничего нет удивительного, что у них общие столы“.

В том же духе говорит Климент Александрийский († 215) и св. Киприан Карфагенский († 258), которые усматривают признак христианского совершенства в отказе от собственности и стоят за общее пользование.

Василий Великий († 374) в своих „Беседах“ считает христианина-собственника только случайным хранителем собственности: „Алчущему—говорит он—принадлежит хлеб, который ты у себя удерживаешь; обнаженному—одежда, которую охраняешь в своих кладовых; необутому—обувь, которая гниет у тебя; нуждающемуся—серебро, которое зарыто у тебя“. Те же идеи распространяет св. Амвросий Медиоланский († 391): „Земля—говорит он—принадлежит

всем, а не только богатым". В том же духе высказывались в IV в. Руник, Григорий Нисский, св. Хризостом в VI в., папа Григорий Великий (590—604).

Но никто из духовных писателей, даже наиболее последовательный и радикальный блаженный Иероним, не предлагают уничтожить самый институт частной собственности. Они рекомендуют в лучшем случае "отречение" (бл. Иероним—„Письмо к Евстохии“), в худшем—„воздержание" (бл. Августин—„Беседа на псалом XXXI“).

Тот же чисто-этический дух в постановке социально-экономических вопросов встречаем мы и в трактовании проблемы роскоши, денег, торговли, ростовщичества. Но определенного экономического учения во всем этом отнюдь не содержится. Да и вообще коммунизм потребления никогда не может стать общей формой жизни. Он неминуемо сталкивается со старою индивидуалистическою формою производства, с принципом частной собственности на орудия производства и основами денежного хозяйства. Отсюда его быстрое разложение, приводящее к отказу от проведения его в жизнь, а затем и от принципиального признания. С исчезновением того религиозного энтузиазма, которым вообще характеризуются первые шаги всякого нового движения, исчезает и из сознания христиан коммунистический идеал. Следы этого идеала продолжают еще сохраняться в тех обособленных монашеских общинах или киновиях, которые, находясь, в конце концов, на иждивении у „мирян“, символизируют „уход из жизни“. В этот период „отцы Церкви“ уже относятся неодобрительно к тем, которые продолжают упорно отстаивать принципы старого коммунизма; они уже являются еретиками и отступниками от ортодоксии. Правда, некоторые следы былого коммунистического настроения долго продолжают еще жить в этических воззрениях церковных учителей и богословских писателей. Так, например, св. Иероним говорит, что „излишнее владение есть ограбление общества“. Василий Великий заявляет, что „богатый—это вор“. Иоанн Богослов, предвосхищая Прудона, провозглашает, что „собственник—это грабитель“. Исходя из того же круга идей, Амвросий Медиоланский считает всякую „частную собственность узурпациею“.

Приведенные и сходные заявления никогда не означали прямого исповедывания коммунистических идей. Это, в

лучшем случае,—не более, чем проповедь бедности, милосердия и братства, в худшем—неизбежная при агитации среди бедноты морализирующая социалистическая декларация.

И только проникая в массы, религиозное искание, как единственная форма правдомыслия и правдоискательства, попадает на готовую почву социального недовольства и готовности к взрыву и превращается в то особое социально-религиозное движение, которым насыщена была народная атмосфера всего средневековья. Это движение, в силу своих идей, получило образное наименование „еретического коммунизма“.

СПбГУ

ГЛАВА IV.

Еретический коммунизм.

I.

Религиозные движения.

Изложенные выше настроения первых христиан вновь пробудились в средние века. Дело в том, что социально-экономическая жизнь европейских народов протекла в средние века в малоблагоприятной обстановке. Постепенно азвившийся и надолго установившийся феодальный порядок создавал на ряд веков и поколений однообразную, как бы застывшую форму народного быта, неизменно и постоянно авящую те группы народонаселения, которые не являлись обладателями ни политических прав, ни владельцами экономических ценностей. Многочисленные слои деревенских илланов и крепостных барского двора страдали от нищеты, бесправия, от гнета и произвола феодала. По временам авящие условия жизни становились и для обездоленных масс настолько тяжелыми и невыносимыми, что даже привыкшие к вековой нищете и рабству полурабы теряли терпение и покорность и восставали.

Взрывы народного гнева разражались в таких случаях необычною силою и протекали при условиях яркой ожесточенности, дикого буйства, кровавого и мстительного зверства. Отталкивающий по своим формам массовый стихийный протест был обыкновенно необычайно свиреп и, чаще всего, лишен формулировки своих требований и сознательного выражения своего негодования. Народные массы, ненавидя и своих притеснителей и строй, поставивший их в тяжелое положение, не умели ни выявить свои пожелания, ни возвыситься до противопоставления ужасным условиям действительности какого-либо определенного

общественного идеала. Итак, пробуждающееся сознание масс, их неудовлетворенность и негодование, проявилось в бессмысленных формах и не направлялось еще, как впоследствии, и не оформлялось еще, как позднее, никакой программой, никаким интеллектуальным освещением. Интеллигенция, просветительная философия, индивидуалистическая мотивировка, экономическая доктрина еще не касались этой сферы, и народные массы были совершенно предоставлены самим себе.

Единственный источник света, единственный целебный родник, к которому в эту эпоху мог обращаться народ, была религия, Священное Писание, за которое он брался и в убогой хижине, и в лагере крестьянского восстания, как за единственную ему доступную теорию. Здесь в негодовании пророков и притчах Христа, в истории страданий Иисуса и апокалиптических предсказаниях, он находил себе утешение, совершенно произвольно толкуя факты и тексты Библии и Нового Завета. Быт первых христиан и заповеди блаженства казались ему чарующим откровением.

Отсюда происходила та религиозная окраска всех средневековых социальных движений, отсюда и это необычайно широкое массовое монашеское движение, где монах превращался в народного трибуна, а амвон служил кафедрой для призыва к революционному действию.

Итак, в Священном Писании искали и по-своему находили социально-политические идеалы и разрешение мучительным вопросам современности. При этом учение церкви всегда перерабатывалось на тот лад, который требовался народу в данный момент.

Так возник сектантский и, так называемый, еретический коммунизм.

Натурально-хозяйственный уклад, в котором жили низшие слои средневекового европейского общества, легко находил в христианстве родственную себе идеологию—идеологию отречения от мирских благ, идеи аскетизма, коммунизм киновии-монастыря, монашеский коммунизм. Но прямое усвоение аскетизма привело бы к созданию новой бездеятельной хозяйственной идеологии, а народные массы приходили в движение, проявляли в моменты вспышки активность и волю. Восставший народ нуждался в инициативном и деятельном начале, а его-то и не давало Евангелие. Противоположные настроения масс форме и господствующему духу Священного Писания диктовало необходимость переработки религии и проявления в старом того нового духа, который бы соответствовал желанию и моменту. Таким новым духом являлась доктрина, скоро ставшая

Иоаким из Флориса, или флорисский (Джева-нино дель Флоре) (1141—1201).

Лучезарный образ Франциска Ассизского, этого величайшего святого Западной церкви, „на все времена тихой радостью светит человечеству“,—говорит наш экономист священник С. Н. Булгаков. Но ни Франциск, духовный вождь XII века, ни Иоаким из Флориса, идейный вдохновитель этой эпохи, не были ни коммунистами, ни интересовались экономической проблемой. Они по своему мировоззрению чуждались и хозяйства, будь то самое упрощенное, и собственности, будь то коммунальная, и искали свободы от всякого хозяйства и от всякой собственности. Франциск Ассизский укреплял свой аскетизм личным подвигом, а Иоаким из Флориса—мистическими идеями о будущем Третьем царстве, о третьем завете, о „царстве свободы и духа“.

Иоаким—исследователь прошлых и настоящих судеб народов, он полагает, что современный ему феодальный строй должен погибнуть и замениться другим—новым, лучшим, братским, демократическим. Тогда наступит истинное Царство Святого Духа, при котором воцарятся равенство и справедливость. Идеи Иоакима нашли себе вскоре последователей практиков. Таков италийский схоластик ученик философа Абеяра—Арнольд Брешианский.

Одна из францисканских групп, полумонашеская, полуобщинная, основанная еще самим Франциском, получила название терциариев, и вербовавшаяся среди городского населения она состояла из „сочувствующих“ и прониклась идеями иоакахизма. Вскоре она выделила и особое суровое течение „апостольских братьев“, ригористически исполнявших заветы своего учителя.

Проникшее к ним вскоре учение Иоакима из Флориса послужило источником для создания в их среде движения беггардов, уже явно коммунистического направления. Единновременно в Италии возникает полусоциалистическое, полусектантское движение фратичелли, воодушевленных идеями того же Иоакима об апостольской жизни и устройстве церкви без священства.

Первый завет—это служение плоти—эпоха до Христа, второй—служение плоти и духу—эпоха от Христа до Иоакима, и, наконец, третий—он начнется со времени, когда люди будут служить только духу, и выльется во всечеловеческое монашество.

Идеалы Франциска Ассизского и Иоакима из Флориса были усвоены их многочисленными последователями, но часто без их высокого аскетического и мистического содержания. Апостольская бедность и отказ от индивидуальных благ и имущества выражали их социально-экономические устремления. В XIV веке движение превратилось в движение беггардов (дословно — нищих).

Вместо свободы от хозяйства фратичелли думали о коммунизме, вместо царства духа беггарды и катары мечтали о наступлении коммунистического тысячелетнего рая на земле. Воззрения хилиазма („хилиасты“ и „милленарии“), столь с этого времени распространенные на Западе, и апокалиптические мечтания разлагающегося иудаизма свили себе прочное гнездо у этих сектантов, стремившихся ускорить осуществление своих вождельней путем политической и социальной революции.

В XIII веке секты окрепли под влиянием двух духовных героев той эпохи — Джерардо Сегарелли из Пармы и Дольчино. Приключения, их жизнь, как и судьбы их последователей апостоликов, полны трагизма: они заплатились смертью и костром за свои идеалы.

С подавлением вызванного ими движения секты все же сохраняются. Из Италии беггарды распространяются на севере Германии и в Голландии. На юге Франции религиозное движение свивает прочное гнездо среди ткачей, которые начинают вести коммунальное хозяйство („Братья совместной жизни“). На севере Франции от них выделились „Братья и сестры свободного духа“, обусловленные в своей идеологии „амальриканцами“, последователями профессора мистика Амальрика из Бены, явно анархистского проповедника. Сходные течения распространились в Моравии („Моравские братья“), в Испании, в Нидерландах и в Англии, где началось движение доллардов, связанное с реформатором священником Виклифом.

Еще богаче социально-религиозное движение XIV века. Здесь выдвигается ряд новых веяний во Франции, Англии, Италии и Германии.

Во Франции в самом начале XIV века появляется политическая утопия Пьера Дюбуа (Petrus de Bosco) под заглавием „De recuperatione Terrae Sanctae“ (1307), обратившая на себя общее внимание. В этом сочинении предлагалось организовать крестовый поход в грандиозных размерах для завоевания Святой Земли. Для этой цели

необходимо, по мнению Дюбуа, предварительно изменить общественно-политический строй европейских государств. Главы последних должны собраться на конгресс в Тулузе, заключить вечный мир и организовать международный третейский трибунал, под верховенством римского папы, лишённого светской власти и церковных владений. Затем, после грандиозного похода в Палестину, в последней организуется Государство Гроба Господня, где каждый народ получает свою территорию. Во главе становится французский принц с титулом латинского императора. Наконец, происходит и мирное завоевание Востока, при помощи европейских женщин, изучивших медицину и отсюда имеющих доступ в мусульманские гаремы. Социальный вопрос здесь отсутствует, но вопрос о воспитании детей и образовании женщин его беспокоит. Женщинам он рекомендует заняться медициною.

В том же XIV веке во Франции развивается крестьянское движение „Жакерия“. Оно получило название от насмешливого прозвища крестьян — Жак Боном (Яков — простак) и было кроваво подавлено.

Крестьянские войны в Германии тоже представляли собою социальный протест угнетённого крестьянства. Движения крестьян в Европе родственны нашему более позднему движению Степана Разина (Стеньки Разина) и Емельяна Пугачёва.

Почти одновременно с континентом в крестьянстве Англии начинается продолжительное социально-религиозное движение. В Англии движение с самого начала носит народный характер и тесно связано с земельными условиями, уже в ту эпоху ненормальными.

Во второй половине XIV века священник Виклиф рекомендует и арендаторам не отбывать барщины и не платить аренды тем, кто ведёт „нечестивую жизнь“. Основанный Виклифом орден странствующих монахов или „нищих попов“, как его называли, разносил идеи своего учителя по деревням и содействовал организации тайных крестьянских и рабочих союзов, в которых подготовлялось революционное движение.

Здесь „Виклифово движение“ или движение „нищих попов“ сменяется проповедью доллардов, — одного из разветвлений континентальных беггардов, и разворачивается вскоре после кровавой „крестьянской войны 1381 года“. Эта война, или, как ее называют, „бунт

Уота Тайлора“, или „великое восстание“, представляет собою массовое движение против материальных прав помещиков, против барщины и вилланства. Дни восстаний совпали с пламенными иеремиадами странствующего проповедника „евангельской бедности“—пастора Джона Болля. Его „пасторские послания“ поддерживали энтузиазм повстанцев и придавали всему движению более широкий характер¹⁾.

В том же XIV веке в Англии появляется народный поэт Уильям Лэнгленд (1332), автор замечательной поэмы „Петр Пахарь“. Здесь в ярких образах пропове­дуются социальное равенство, отмена привилегий и всеобщий труд. Автор, выразитель народных дум того времени, пламенно защищает угнетенных и требует радикального изменения отношения к ним. „На том свете—думает автор—трудно будет разобрать, кто дворянин, кто мужик. Все равны и все равно должны трудиться“.

Списки поэмы разносились по всей стране бродячим духовенством, теми „нищими попами“, которые в ту эпоху являлись яркими агитаторами и пропагандистами новых социально-религиозных идей. Среди этих бродячих проповедников особенно выделялся Джон Болль, двадцать лет гневно обличавший имущих и несправедливых и трагически окончивший жизнь. „Лендлорды—говорит один англий­ский историк—считали Джона Болля сумасшедшим, но в его проповедях Англия впервые услышала декларацию естественного равенства и прав человека²⁾. В итоге, в 1381 году, вспыхнуло крестьянское восстание. Оно началось Уотом Тайлором и быстро охватило всю страну. Тюрмы были раскрыты, податные списки сожжены, и толпа двинулась на Лондон, в который вступила 13 июня 1381 года. Королевский замок Тоуэр был взят приступом, архиепископ и казначей—умерщвлены. Ричард II пошел на канитуляцию, уступив обещаниями восставших, а когда они вернулись домой, сложили оружие, начал кроваво расправляться с участниками движения. Было казнено свыше семи тысяч человек, в их числе упомянутый выше Джон Болль.

Итак, каждая из сект вызывала ряд подражаний. Многие имели обширное число последователей³⁾. Массы

¹⁾ Вопреки мнению Т. Роджерса исследования Ан­дре Ревилла и Омана доказали, что все движение мало подвинуло социальный вопрос в Англии. См. Ч. Оман, „Великое восстание 1381 г. в Англии“ рус. пер., М., 1907 г.

²⁾ Грин, Д., „История английского народа“, рус. пер. Николаева Т. I, стр. 345.

³⁾ Гаусрат, Адольф, „Средневековые реформаторы“, пере­под редакц. Радлова, т. I, „Абеляр—Арнольд Брешианский“. Спб. 1900 г., т. II (Арнольдинцы, Вальденсы, Франциск Ассизский, Вечное Евангелие, Сегарелли, Дольчино), Спб. (Изд. Л. Ф. Пантелеева), 1900 г.

приучались к реформаторской мысли, к коммунистическим идеалам, к восприятию тех сильных и оригинальных учений, которые появлялись с XII столетия. Длинный ряд их руководится замечательными средневековыми реформаторами. Здесь мы видим: знаменитого философа Абеяра (1142) и Арнольда Брешианского (1158). От них заимствовали свои идеи: Вальдес, св. Франциск Ассизский, Сегарелли и Дольчино. Идеалом служила бедная жизнь апостолов. Франциск Ассизский питал глубочайшее отвращение к собственности, капиталу и деньгам. Деньги, полагал он, не что иное, как сам дьявол ¹⁾. Вообще, проповедуя „истинное счастье“ и „настоящую свободу“ в добровольной бедности, средневековые реформаторы критиковали существовавший в их дни нравственный, политический и экономический строй. Противоположность их воззрений с окружающей действительностью не могла не наводить умы на те социальные и экономические идеи, которые вскоре и были сформулированы коммунистами. Еще до появления коммунизма, в X веке при крестьянских восстаниях уже громко распевали на улицах революционную песню, где спрашивалось: „когда Адам пахал, а Ева пряла, где тогда был дворянин?“...

Особенно ярко и характерно социально-религиозное движение вылилось далее в двух странах—в Англии и в Германии.

II.

Коммунистическое движение в Чехии.—Анабаптисты.

В начале XV века, под влиянием идей вальденсов и сочинений Виклифа, в Чехии началось религиозно-политическое движение последователей Иоанна Гусса или гусситов, среди которых вскоре выделилась особая народно-коммунистическая группа жителей городка Табора или таборитов. Они придерживались правил умеренного коммунизма и считались самыми честными и надежными людьми своего времени. Из группы таборитов впоследствии выделилось более крайнее течение николаитов или адамитов, вскоре подавленное силою самими гусситами.

¹⁾ Герье, В., „Франциск, апостол нищеты и любви“, стр. 188, М., 1908.

Другое крайнее таборитское течение получило наименование богемских братьев и руководилось писателем Петром Чельчицким или Хельчицким. Это был образованный и талантливый писатель, автор ряда важных произведений. Около 1420 года Хельчицкий написал сочинение „Сеть веры“, в котором он отрицает суд и всякую принудительную власть, восстает против папы и императора, как искажителей идеи первоначального христианства, и ярко порицает жизнь всех нетрудящихся сословий. Особенно энергично П. Хельчицкий нападает на дворянство. „Оно—говорит он—так размножилось, что земли ему становится мало. Все хотят господствовать в богатстве, а работ стыдятся. Обширнейшими и наилучшими землями овладели паны и обратили их в пустыню, и волки по ним бегают. Сами они только по придворному встают и садятся и проводят все время в бесконечных разговорах о разных новостях“. Последователи Хельчицкого основали ряд религиозных коммунистических общин, славившихся чистотою нравов, трудолюбием и зажиточностью. Они исчезли в тяжелые годы „тридцатилетней войны“ (XVII в.), когда Чехия была совершенно разорена. Некоторые рассеянные остатки „богемских братьев“, из которых наиболее известны гернгутеры, уцелели вплоть до середины XIX столетия.

Коммунистические настроения встречались в народе и в следующем XVI веке в Германии, когда значительная часть населения участвовала в многолетней кровавой „Великой крестьянской войне“, закончившейся поражением восставших. В эту эпоху особенно выделилась секта „перекрещенцев“ или „анабаптистов“, стоявших за общность имущества. Анабаптизм был распространен в Швейцарии и Германии; последователи его жили особыми полуккоммунистическими общинами. Они крестились взрослыми, соблюдали величайшую строгость в брачных делах, сообща воспитывали детей и отрицали частную собственность. Это учение было сформулировано к 1525 году Николаем Шторком и Фомою Мюнцером, убежденным коммунистом. В середине пятидесятих годов XVI столетия анабаптисты под предводительством Иоанна Матиса и Иоанна Бокельзона Лейденского захватили власть в богатом вестфальском городе Мюнстере, столице Вестфалии; здесь в 1535 году они основали коммунистическое государство „Новый Иерусалим“ или „Новый Сион“, в котором

ввели коммунистическое устройство, а в силу осады их правительственными войсками прибегли для поддержания порядка в городе к террору. Власть получили двенадцать старейшин во главе с диктатором — „пророком“ Иоанном Лейденским. Владение деньгами и торговля на деньги были запрещены. Введены были общие трапезы, принудительные работы и многоженство. Последнее носило экономический характер, при чем ряд женщин не состоял в фактическом браке, а только приписывался к немногим оставшимся и уцелевшим в городе мужчинам, как к своим покровителям.

После девятимесячной героической защиты осажденный город Мюнстер был взят и анабаптисты перебиты, захваченные вожди движения подвергнуты долгим мучительным пыткам и казнены только через год. Движение анабаптистов было подавлено.

Подробности об этом коммунистическом государстве можно прочесть по-русски только в последней главе первого тома сочинения Каутского, „Предшественники социализма“, Спб., 1907, а также у Михайлова (Шеллер), „Революционный анабаптизм“, Спб., 1862. Розенов, „Томас Мюнцер, вождь крестьян“, Спб., 1907. Зато немецкая, не переведенная на русский язык литература об анабаптистах очень обстоятельна и обширна.

О Петре Хельчицком и его „Сети веры“ (1440) подробные сведения в диссертации петроградского профессора Н. Ястребова, Этюды о Петре Хельчицком и его времени, Спб., 1908. Л. Толстой, „Сеть веры“, изд. „Посредника“.

ГЛАВА V.

Утопический коммунизм.

I.

„Утопия“ Томаса Мора.

Томас Мор, сын английского судьи, получил солидное классическое образование в начале в доме выдающегося архиепископа Мортонa, затем в оксфордском университете, где в то время преподавали выдающиеся представители английского гуманизма. Гуманисты Пико де Мирандола и Эразм Ротердамский тоже оказали на него сильное влияние, при чем с знаменитым Эразмом он состоял в большой личной дружбе.

24-х лет Мор был выбран в члены парламента, где выдвинулся смелой оппозицией против короля Генриха VII. Преемник последнего—Генрих VIII выдвинул Мора, постепенно поднявшегося до звания лорда-канцлера, т.е. первого министра в королевстве. Когда римский папа воспротивился разводу короля и женитьбе его на Анне Болейн, Генрих решил освободить английскую церковь от папского суверенитета. Мор, правоверный католик, стал на сторону папы, чем вызвал гнев короля. Когда же Мор отказался присягнуть в верности ребенку, рожденному от брака с Анной Болейн, он был арестован и через год (1535) казнен на эшафоте. Католическая церковь в 1886 году канонизировала Мора за верность католической церкви и причислила его к лику святых („блаженный“, beatus).

„Утопия“ появилась в то время, когда Мор, после поездки с дипломатическим поручением на континент Европы, был назначен лордом-канцлером. Она имела необычайный успех.

В 1516 году появился замечательный коммунистический роман „Утопия“, написанный английским канцлером и писателем Сэром Томасом Мором (1478—1545). Точное заглавие этого произведения: „Золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия“, при чем самое слово „Утопия“, по моде тогдашнего времени, составлено из греческих слов: „у“—нет и „топос“—место (т.-е. „несуществующее место“).

Утопия так же, как и сочинение Платона „О государстве“, изложена в форме диалога между Мором, якобы сторонником существующего строя, и путешественником, якобы приехавшим с острова Утопии—Рафаилом Гитлодеем, сторонником коммунизма. Утопия распадается на две части. В первой изображается бедственное состояние тогдашней Англии, переживавшей глубокий экономический кризис от перехода страны от земледелия к овцеводству и связанному с последним шерстяному производству. Во второй — дается описание того идеального социального государственного устройства, которое якобы видел Гитлодей на острове Утопия.

Утопия — остров, по форме напоминающий полумесяц, заброшенный далеко в океане посреди опасных подводных скал. На острове—24 больших и прекрасных города, с одинаковою распланировкой и одинаковым устройством учреждений. Нравы и обычай повсеместно одинаковы; население однородно.

Кроме городов, по всей стране имеются прекрасно расположенные и обильно снабженные сельско-хозяйственным инвентарем усадьбы. Граждане живут попеременно в городах и усадьбах. В каждой сельско-хозяйственной семье — сорок человек, мужчин и женщин и два постоянных бабтрака. Во главе—мать и отец „семьи“, а во главе каждой 30 семей — филарх или сифогрант. „В каждой такой семье,—говорит Мор,—ежегодно двадцать человек, пробывши два года в усадьбе, возвращаются в город и заменяются двадцатью другими горожанами, которые учатся земледелию у остальных двадцати, уже проживших год в усадьбе“.

Сельские жители обрабатывают поля, ухаживают за скотом и рубят дрова, которые перевозят в город. Они занимаются искусственным выведением цыплят при помощи особых аппаратов и т. д. Хотя у них точно установлено количество необходимых продуктов, но они сеют больше зерна и разводят больше скота, чем нужно им самим, излишек отдают

не весь (в т.ч. 1/4 за счет бедности) без труда

соседям. Вообще главное занятие утопийцев — земледелие, которым заняты оба пола; затем население занято ремеслами, преимущественно обработкою шерсти и льна. Практикуются также ремесла кузнеца, плотника и каменщика, „остальные имеют очень мало применений“. Одежда однообразна. Женатые иначе одеты, чем неженатые. Покрой прост и изготавливается самою семьею.

Сифогранты наблюдают за трудолюбием; рабочее время ограничено шестью часами. Праздных людей нет, ибо имеется всеобщая рабочая повинность. Торговля и деньги в Утопии неизвестны. Носить украшения, золото и серебро они считают позорным и беспечельным делом. Золото и серебро носят только рабы, ибо из них делаются кандалы. „Восхищаться неверным мерцанием бриллиантов глупо, а носить их стыдно“, — замечает Мор.

Склонные к учению выделяются в особый класс, из которого избираются послы, жрецы, траниборы и глава государства — б а з р а м и л и а д е м.

Все выработанное и добытое сдается в общественные магазины, распределяющие все по семьям. На рынках выдаются овощи и другие продукты, на бойнях — скот и мясо. Потребление носит коммунистический характер. Обеды устраиваются в общих столовых. Об этом Мор рассказывает следующим образом: „Дома утопийцы едят неохотно, так как считается и дурно и глупо брать на себя труд готовить дома обед и притом плохой, когда тут же недалеко приготовлен превосходный. Готовят женщины по очереди, им прислуживают, исполняя грязную работу, рабы. Столы стоят покоем, с внешней стороны сидят вдоль стен мужчины, с внутренней — женщины, чтобы беременным было легче выходить из-за стола. Кормилицы и кормящие обедают отдельно с младенцами, там стоят кровати, всегда пылает очаг для просушки пеленок и готова вода для мытья. Мать кормит своего ребенка сама“.

Брак в Утопии — индивидуальный. В этом вопросе Мор не пошел за Платоном, который тесно связывал проблему семьи с вопросом о частной собственности. Поэтому семейный уклад утопийцев — патриархальный: „старейшие являются главами семей, жены повинуются мужьям, дети — родителям, а в своей среде — младший старшему“.

Развод в Утопии возможен, но лишь с согласия старейшин. Что удивляться, что мужья здесь наказывают жен и детей. Нравы — суровы. „Соблазнить женщину считается

столь же тяжелым преступлением, как изнасиловать". Попытку к соблазну утопийцы приравнивают к совершившемуся факту „ибо, — как выражается Мор, — неудачу попытки они вовсе не ставят в заслугу покушавшемуся“.

Девушка выходит замуж не старше 18 лет, а юноши женятся не раньше 22. Кто до брака вступает в половые отношения (воспрещенные), тот подвергается очень строгому наказанию, и ему запрещается вступление в брак, пока князь не смилуетя и не простит. Перед браком утопийцы придерживаются следующего обычая: „почтенная женщина показывает жениху невесту, все равно девушку или вдову, совершенно наугад“. То же практикуется и для жениха. — Мы смеялись, говорит Мор, но „утопийцы изумлялись безрассудству других наций: покупая лошадь, каждый действует осторожно“, все осматривает. При выборе же жены, от которой зависит счастье и несчастье жизни, „люди действуют наугад и связываются с нею, не выдав ничего, кроме ее лица“. Священники женятся на самых выдающихся женщинах страны. Женщины не устраниются от священства, но это бывает крайне редко.

Многоженство, как и самоубийство, воспрещено; последнее рекомендуется неизлечимо-больным. Семьи значительны по своим размерам, но не содержат более 10—16 взрослых. При большем числе лиц — часть выделяется в колонии на новых местах, у соседей. Если туземцы сопротивляются, то открываются военные действия. Утопийцы считают такую войну законнейшею.

Законов мало, но они строго исполняются. „Господ же законников — *causidicos*, — которые хитро и тонко толкуют законы и разбирают дела“, в Утопии вовсе нет. Они полагают, что каждому лучше лично вести свое дело и рассказать прямо судье то, что он рассказал бы своему адвокату.

Что касается религиозных воззрений островитян, то они крайне несложны; душа бессмертна и благостью Божией создана для счастья; за добродетель и хорошие дела после этой жизни полагается награда, за пороки — предназначены наказания. Хотя это и есть догматы религии, но утопийцы полагают, что можно дойти разумом до принятия их. Единства верований, впрочем, в Утопии не наблюдается. Там царит полная веротерпимость, и потому существует несколько различных вероучений. Но общественное богослужение, совершаемое всеми почитаемыми священниками, для всех одно. Из него устранено все, что мешало бы людям

разных верований сходиться для общих молитв. В области философских вопросов утопийцы приближаются к воззрениям эпикурейцев. В основе всех стремлений человека, по их мнению, лежит жажда наслаждения. Совершенно бессмысленно следовать трудною и тернистою дорогою добродетели, не стремясь при этом, по возможности, к прелестям жизни и добровольно подвергая себя страданиям без всякой надежды на хороший результат. Разум побуждает нас вести жизнь возможно более радостную и помогать другим в достижении того же.

„Итак, я, по мере моих сил,—заключает Гитлодей свой рассказ,—описал вам устройство этого государства, которое, по моему мнению, не только лучшее в мире, но единственное, заслуживающее названия государства. В других местах правда, также говорят об общем благе; но на самом деле каждый заботится только о своем собственном. В Утопии, где нет частной собственности, каждый действительно занимается только делами общества и, как в Утопии, так и в других государствах, люди имеют достаточно оснований поступать именно так, а не иначе. В других государствах каждый знает, что как бы ни процветала его родина, все же ему придется умереть с голоду, если он не позаботится о себе. Поэтому он прямо вынужден предпочитать свое собственное благо—благу общества. В Утопии же, где все имущество общее, каждый знает, что никто не может терпеть нужду, если только будут заботиться о том, чтобы общественные магазины были полны. Ибо все у них распределяется равномерно, так что никто не беден, и, хотя ни у кого из них нет собственности, все-таки они все богаты. Может ли быть большее богатство, чем спокойная и беззаботная жизнь? В Утопии каждому отдельному лицу не приходится заботиться о своем существовании; жена не мучает его бесконечными жалобами, ему нечего опасаться за будущее сына, нечего заботиться о приданом для дочери. Он знает, что обеспечены не только его жизнь и благосостояние, но также жизнь и благосостояние его детей, внуков и правнуков, до самых отдаленных поколений. К тому же у утопийцев о слабых и потерявших работоспособность заботятся так же, как и о тех, которые еще работают. Я хотел бы видеть человека, который бы осмелился сравнить со справедливостью утопийцев справедливость других народов. Накажи меня Бог, если я нашел у других народов хоть признак справедливости и права!“...

Существующий строй кажется Гитлодею (т.е. Мору) „заговором богатых“, направленным на эксплуатацию и завладение. „Богачи стремятся как можно дешевле купить труд бедняков и как можно больше его использовать. Свои постыдные постановления они делают именем всего общества и называют их законами“. Он указывает на крайнюю тяжесть и безнадежность труда рабочих и на безделье богатых. Все бы—думает он—изменилось, „если бы исчезли деньги“, т.е. денежная система хозяйства.

Трагические и гневные ноты конца спокойного и объективного повествования Мора, а также его описание тогдашнего хозяйственного положения Англии—здесь опущенного—показывают всю глубину серьезности, с которою Мор писал свою книгу. Его социальный идеал—это радостное и простое изображение жизни утопийцев—им выстрадан и глубоко продуман. Коммунизм Мора поэтому громадный шаг вперед сравнительно с теми формами коммунизма, которые развивались до него. Впервые в государственном масштабе, в рамках большого национального государства, применительно к нуждам производства и распределения, создается план идеального устройства общества—задача грандиозная не только для того времени. Заслуживают внимания все особенности моровского утопизма: распространение коммунизма на все население большого национального государства, обоснование нового общества на коммунизме производства (вместо потребления, как было раньше), примирение отказа от частной собственности с единобрачием и семьей, демократичность и полная связь с наукою. Таким образом, „Утопию“ Мор закладывает основные черты социализма нового времени, при чем данное им направление социалистической мысли держится более трех столетий.

Новизна и оригинальность идей, простота и удача их изложения, имя автора и его трагическая судьба (Мор, в конце концов, погиб на эшафоте),—создали громадное распространение „Утопии“. Книга Мора явилась для Европы откровением, смело возвещавшим идеал лучшей социальной жизни.

Понятно поэтому, что „Утопию“ многократно переводили (она написана по-латыни), переиздавали и брали ее за образец бесчисленные последующие подражатели. Самое слово „утопизм“ стало нарицательным ¹⁾.

¹⁾ В России перевод „Утопии“ вышел впервые в 1790 году, при Екатерине II, но был сожжен по распоряжению цензуры. Книга на-

Так в беллетристической форме было изложено первое коммунистическое учение нового времени.

„Утопия“ в XX веке несколько раз переводилась на русский язык и поэтому может быть прочитана каждым, интересующимся историей социализма.

Помимо изложений биографии и сочинения в общих обзорах истории социализма о Т. Море по-русски: Е. Тарле, „Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени“, Спб., 1901. К. Каутский, „Томас Мор и его утопия“, Спб., 1905. Утопия Т. Мора, пер. с латинского А. Г. Генкеля, 2 изд. с биографией и портретом, Спб., 1905; переизданы без примечаний и введения, Спб., 1918.

„Утопия“ Томаса Мора открыла собою целую серию утопических романов, которыми зачитывались во всех странах образованные европейцы в XVI, XVII и XVIII столетиях. Почти в каждой стране, не исключая и России, появлялись от времени до времени утопические произведения, излагавшие, обыкновенно в форме путешествий, какой-либо новый вариант идеального с точки зрения автора государственного устройства. Большинство из них отрицало частную собственность и денежную систему и в той или иной мере стремилось к коммунизму.

I. Первыми после „Утопии“ появились сходные произведения в XVI веке в Италии. Таковы романы:

1) Антонио Франческо Дони: „Миры небесные, земные, подземные“, Венеция, 1552—1553.

2) Франческо Патрици: „Счастливое Государство“, 1553.

3) Телезио: „О делах природы“, 1565 и др.

В XVII веке в Италии выдвигается „Итальянский Мор“ — Фома или Томазо Кампанелла (1568—1639). Кампанелла — калабрийский монах, писатель, философ, бурная революционная натура. Жизнь Кампанеллы — трагична; он рано становится монахом, знакомится с учением гуманистов и еврейской кабалы, изучает астрологию, участвует в политическом заговоре, что приводит его к 28-летней тюрьме и жестоким пыткам. В тюрьме он пишет ряд сочинений, имевших громадный успех во всем тогдашнем обра-

зывалась: Т. Морис, „Философа Рафаила Гитлоде страствование в Новом Свете и описание любопытства достойные миролюбивого народа острова Утопии“.

зованном мире. Его утопия, названная „Государство Солнца“, была написана в 1602 году и впервые опубликована в 1623 году во Франкфурте. Она изложена в виде диалога между монахом и путешественником-генуэзцем, посетившим „Государство Солнца“. Здесь устройство — теократическая монархия с коммунистическим хозяйством. Частной собственности нет, у жителей столовая и спальни — общие. Все живут в роскоши, уделяя большое внимание чувственности. Рабочий день — четыре часа. Деторождение регулируется правительством; индивидуальных браков нет. Громадную и выдающуюся роль играет наука. Все стены в городе и храмы покрыты поучительными рисунками и чертежами научного характера. Жители, проходя по улицам города, поучаются. Материальная культура тоже не в вагоне, а ремесла, земледелие и скотоводство в особом почете.

Литература о Кампанелле по-русски: „Государство Солнца“, пер. А. Генкеля, 1907 и 1918. Лафарг, П., „Томас Кампанелла“, 1898.

„Государство Солнца“ имело громадный успех у современников. Некоторые итальянские монахи мечтали о практическом осуществлении идеалов Кампанеллы. Вскоре монахи ордена иезуитов ввели коммунистический строй в Новом Свете, где под руководством представителей католической религии у индейцев племени гуарани, жившего по берегам рек Параны и Парагвая, образовалось самостоятельное государство. Там возникло знаменитое Коммунистическое Государство иезуитов в Парагвае, в Южной Америке, куда католические монахи проникли с начала XVII века с миссионерской проповедью. До сих пор окончательно не выяснено устройство и быт этой организации, созданной религиозным фанатизмом и редкою энергиею немногих лиц. Это государство просуществовало около полутора столетий и пало вместе с падением иезуитского ордена, в середине XVIII столетия. Жизнь и устройство этого государства осуществляло утопию Кампанеллы, давая реальное сочетание теократии и коммунизма, довольно стройно и сурово проводимого маленькою группою фанатично-настроенных монахов. Парагвайские коммунисты достигли высокого материального благосостояния; их государство приносило знаменитому ордену ежегодную ренту в два миллиона лир, получавшихся от продажи продуктов богатой страны.

II. После Италии в XVII веке утопическая литература с особенною силою расцветает в Англии. Целый ряд писателей—Берклей, Франциск Бэкон, Самуил Гартлиб, Джон Лильборн, Джерард Уинстэнли, Плокбой, Джон Беллерс, Джемс Гаррингтон и др.—пишут разного рода утопические произведения.

В английских утопиях центр внимания направлен на земледелие. Это стоит в тесной связи с народным движением, руководимым по преимуществу сектантами, стремившимися к земельному уравниванию населения. Так, наприм. утописту Уинстэнли принадлежат две утопии: „Поднятие знамени истинных левеллеров или общественного государства“ (1649) и „Закон свободы“ (1661), в которых он жадуется на дворянство и духовенство и на недостаток земли у бедных. Весь социальный вопрос сводится у него, как и у большинства английских утопистов этой эпохи, к вопросу аграрному, который он разрешает коммунистически. „Истинная республиканская свобода“ у него сводится „к свободному и равному пользованию землею“. Так же смотрят утописты Самуил Гартлиб и Джон Лильборн, вожди движения левеллеров или уравнивателей.

В другом духе утопия „Океания“ Гаррингтона, изображающая иносказательно современную Англию XVII в. „Океания“ это политический памфлет радикального настроения.

Более практически настроены Петр Корнелиус Плокбой, написавший утопию: „Предложение способа сделать бедняков счастливыми“ (1659) и Джон Беллерс, составивший „Проект учреждения рабочего клуба для всех полезных ремесл и сельского хозяйства“ (1695). Плокбой желал от мечтаний перейти к организации (правда еще устроенной „по подписке“) „маленькой республики“ т.-е. небольшой автономной коммунистической общины. Члены последней кроме своего личного труда прибегают и к наемничеству, но вносят во все свои отношения к посторонним, в том числе и наемным рабочим, идею гуманности и нравственного долга. Итак, в хозяйственной области их „республика“—просто кооперативное товарищество. Эта кооперативная организация Плокбоя являлась совершенно новою идеей, стремившейся тем самым внести реальное изменение в существующем строе и заложить основу для нового, но уже без прежней религиозной или утопической окраски.

План „рабочего Колледжа“ квакера Джона Беллера более обширен и более радикален. Это сельско-хозяйственная и ремесленная коммунистическая община, в которой и производство и потребление организованы на общих началах. Громадное внимание уделено воспитанию и образованию подрастающего поколения. „Старые люди,—говорит Беллерс,—подобны глиняной посуде: их не легко переделывать, дети же больше похожи на свежую глину, только-что взятую из ямы“. Основой „Колледжа“ являются не деньги, а труд. Порядок в „Колледже-товариществе“, пишет Беллерс, „сделается мериллом, с помощью которого будут оцениваться все предметы потребления и труд, не как прежде на деньги. Хотя вообще деньги представляют некоторое удобство в обыденной жизни и, в виду недостатка доверия между людьми, они являются своего рода залогом и вызывают дурные последствия: ведь не даром наш Спаситель назвал их „демоном бесчестности“: „Рабочие руки—составляют истинное богатство нации, а не деньги, которыми, страна обладает“.

В сочинениях Беллера содержится много верных замечаний по различным экономическим вопросам; вот почему часто цитирующий Беллера Карл Маркс называет Беллера „настоящим феноменом в истории политической экономии“, Не один Маркс высокого мнения о Беллере. Эдуард Бернштейн считает его предтечею современного кооперативного движения и одним из представителей коммунистической идеи в Англии конца 17-го и начала 18-го столетий.

В конце 18-го столетия в Англии выдвигается аграрный социалист Томас Спенс, опубликовавший в 1775-ом году утопию „Спенсанию“. Идеи Спенса построены на учении естественного права, руководящей философской политической теории этого столетия.

В 18-ом столетии не только в Англии, но и вообще в Европе утопическая литература не прекращалась, хотя рядом с этим главным течением в социализме тогдашней эпохи уже начало пробиваться и другое более революционное течение, от мечтаний стремившееся перейти к практическому осуществлению намечаемых идеалов. Поэтому мы рассмотрим в дальнейшем каждое из этих течений в отдельности.

III. Помимо Англии утопизм получает особенно сильное выражение в 18-ом веке во Франции. Здесь появляется целая серия интересных утопий, в основе своей покоющихся

на рационалистическом начале и теориях „естественного права“. Таковы утопии:

1. Габриэля Фуаньи: „Приключения Жака Са-дера“ 1716. Фантастическая утопия, связанная с описанием баснословных приключений. В том же духе и другая утопия.

2. Людвига фон-Гольберга: „Подземное путеше-ствие Николая Климма“, Лейпциг, 1741 г., переведенная в XVIII веке на русский язык.

Затем следуют:

3. Станислав Лещинский, Король Польский: „Беседа одного Европейца с островитянином царства Дюмо-кола“, Париж, 1752.

4. Листонай: „Путешественник-философ в неизвест-ной стране“, Амстердам, 1761.

5. Фонтенель: „Республика философов“, Женева, 1768.

6. Луи Себастьян Мерсье: „2240 год“, Амстердам, 1771. Мерсье ученик Руссо так же, как и плодovitый и свое-образный писатель:

7. Ретиф де-ла-Бретон: „Открытие астральной земли“, Париж, 1781. Талантливо написанная утопия, принимавшаяся одно время за сочинение энциклопедиста Дидро. Наиболее типичным выражением рационали-стической утопии являются утопии:

8. Аббата Морелли: „Базилиада или крушение пло-вучих островов“. Париж, 1753.

Его же: „Кодекс природы или истинный дух ее законов“. Париж, 1755 (рус. пер. под ред. Волгина, М., 1921).

На „Пловучих островах“ disproвергнуты мешающие счастью старые предрассудки. Здесь, как основное правило жизни, провозглашено, что не только все потребности, но и все страсти человека должны быть удовлетворены. Буду-щий строй—коммунистический, без частной собственности. Индивидуальной семьи нет, мужчины и женщины соеди-няются на более или менее продолжительное время по свободному желанию, а дети—предмет заботы государства.

В „Своде законов природы“ Морелли облакает свои идеи в более догматическую форму. Для реорганизации общества необходима отмена частной собственности, и обязанности каждого содействовать общему благу. Всякий гражданин имеет право на пропитание его государством. За это он обязан работать. С десятого года жизни начинается обу-чение ремеслу. Вступают в брак в возрасте 15—18 лет. От 20 до 25 лет каждый занимается земледелием или на-

ходящимися с ним в связи работами. Только после этого можно обратиться к своей профессии. Каждой отраслью производства управляет особый начальник. После 40 лет все становятся „свободными работниками“ и не принуждаются больше к труду. Купля и продажа внутри государства запрещены. Каждый гражданин работает для общества и потому содержится обществом. Мать обязана сама кормить ребенка, который после 5 лет переходит в общественное воспитательное заведение. Для каждой общины определено точно количество ученых и артистов. Образование их начинается рано, но они не освобождаются от земледельческого труда. Знание законов обязательно. Философия ограничивается определением Бога и человеческого разума с оговоркой о непостижимости тайны существа духа и загробной жизни. В своде всех наук записываются новые истины, полученные в результате изучения естествознания. Но в философии и в установленных принципах поведения, т.-е. в этике, не допускаются никакие добавления.

Убийца или пытавшийся изменить основной закон и ввести частную собственность, как безумец и враг человечества, заключается в гробовой камере на кладбище. Имя его вычеркивается из списка граждан, а семье его дается другое имя. Супружеская неверность карается тюрьмой. Законы неизменны. Формула всякого распоряжения—„разум желает, а закон приказывает“.

Себя самого Морелли считал наперсником природы, раскрывшей ему свою тайную волю.

Определенным радикальным критическим духом проникнуты сочинения.

9. Аббата Габриэля Мабли: „Беседа с Фокионом“, 1763 и другие его сочинения, направленные против физиократов с одной стороны и существующего строя с другой.

„Только общность имуществ создает добрых граждан,— говорит Мабли.— Богатые всегда предпочитают личное благо благу общественному“. Считая, что цель жизни не в наслаждении, а в добродетели, Мабли рекомендует умеренность и придает своим общественным идеалам несколько аскетический характер. Жадность и честолюбие, по его мнению, всегда будут тормозить дело законодателя, а потому он не надеется на полное осуществление своих идеалов. Идеалом законодателя в глазах Мабли является Ликург, древне-греческий законодатель, обуздавший по преданию чрезмерность.

Затем появилась интересная утопия ю. Дениса Верраса д'Алле: „История Северамбов“, Париж, 1777, послужившая, повидимому, прототипом для утопических построений Шарля Фурье. „Осмазии“ Верраса легли повидимому в основание идеи — фаланстера.

В только-что приведенном перечне утопий, — а их вообще было много больше, — поименованы только более выдающиеся произведения французской утопической литературы того времени. Большинство из них совершенно лишено чувства исторической перспективы и понимания хода исторического развития. Утопии этого периода покоятся на неверном представлении о совершенстве человека, неиспорченного цивилизацией и достигающего идеала лишь тогда, когда он находится в естественном состоянии. Первобытные люди и, так называемые, дикари повинуются в своем поведении „Кодексу Законов“ природы и лишь с того момента, когда они подпадают под действие норм положительного права, искусственно созданного, они утрачивают свое счастливое состояние и впадают в пагубную испорченность.

Идеи „Естественного права“, — этого продукта рационалистического мировоззрения, — получили, как известно, особенно глубокое обоснование в сочинениях гениального философа и политика 18-го века Жан Жака Руссо, подчинившего своему влиянию весь тогдашний цивилизованный мир.

Среди утопистов в духе Руссо, но отрицая частную собственность, в которой усматривается корень нравственной порчи, выделяется вышеназванный аббат Морелли, который в обоих своих сочинениях („Базилиаде“ и „Кодексе природы“) проповедует коммунизм. Частная собственность, — по Морелли, — источник и первопричина всех общественных зол. Она питает „стоглавую гидру“ пороков — жадность, лежащую в основе всех нравственных бедствий. Вообще Морелли подходит к социальному вопросу как моралист и рассматривает экономические вопросы, важность которых он вполне понимает, только с нравственной точки зрения. Естественно поэтому, что Морелли вынес существующему строю самый суровый приговор и наметил проект его радикального преобразования.

Идеи Морелли сложились под влиянием Томаса Мора и оказали сильное влияние на социалистов эпохи Великой Французской Революции, в частности на Гракха Бабефа и на великого утописта Шарля Фурье.

Морелли — типичный образчик рационалистического социализма. Историческая перспектива ему чужда так же, как и понимание движущих сил общественности. У Морелли воскресает рационалистический вариант старинной легенды о золотом веке, который был так красив у Гуго Гроция и во французской беллетристике того века. Морелли говорит: „Природа нравственного порядка—едина, постоянна и неизменна; она—основа всей жизни. Портятся нации, а не природа. Человек удаляется от истины, но истина не уничтожается“. Поэтому, по Морелли, задача законодателя найти положение, когда человек меньше всего уклонялся бы от природы. И так как у человека нет ни „природных“ идей, ни природных склонностей, то законодательство вообще должно играть громадную роль. Погружение индивидуума в безразличие и самосохранение не создают общественности; она возникает только при сплоченности и солидарности. Общее владение неделимо, индивидууму подлежит только равное право пользования. Законы должны стремиться к восстановлению естественного порядка, разрушенного цивилизацией. Частная собственность—источник всех зол. Прогресс—всеобщий закон природы, в основе же его прогресс разума.

В духе руссоизма—утопии Мерсье и Ретифа де-ла-Бретона.

В XVIII веке утопическая литература появилась в России, где перевели на русский язык утопию Томаса Мора, а некоторые русские писатели составили несколько утопий умеренного социально-политического характера. Лучшая из них—„Путешествие в государство Офирское“ выдающегося писателя Екатерининской эпохи, князя М. М. Щербатова. Он был склонен к масонским идеалам, которые проникали в воззрения и остальных русских утопистов того времени. В середине 19 века утопизм опять начал появляться в России. Лучшей утопией была повесть князя В. Одоевского „4338 год“¹⁾.

¹⁾ О русских утопиях Щербатова, Лёвшина, Хераскова, Булгарина, Вельтмана, князя В. Ф. Одоевского и др. у нас известно очень мало. Изучены пока кн. М. Щербатов; см. Чечулин, „Русский социальный роман XVIII в.“; Пыпин, „Полузабытый писатель XVIII в.“, статья в журн. „Вестник Европы“ за 1896 г. ноябрь, статьи В. А. Мякотина и проф. Кизеветгера да князь В. Ф. Одоевский. Об его утопии „4338 год“ см. Сакулин, „Из истории русского идеализма“, т. I. Москва, 1913 г. Святловский, В. В. Русский утопический роман. Спб., 1922 г.

В этой главе переименованы названия только более видных и значительных утопий, в общем довольно сходных между собою по содержанию. В действительности литературные произведения этого рода весьма многочисленны. Их насчитывают свыше ста и притом только из числа имеющих социально-политическое содержание.

Общая всем утопиям черта это—отсутствие прямых указаний на способ осуществления того строя, который в каждой из них намечается. В тех же редких случаях, где такого рода указание имеется, оно не выходит за пределы поучений. Между тем реальная жизнь требовала иного; она требовала активного вмешательства; революция XVIII века выдвинула и эту идею.

СПбГУ

Г Л А В А VI.

История идеи революционизма.

I.

Практическая безысходность утопизма.

„Если к правде святой мир дороги найти не сумеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой“, — вот образное изображение мысли, оправдывающей утопические настроения.

Социальные утопии действительно представляют собою произведения под'ема социальной фантазии, те грезы и золотые сны страждущего человечества, в которых оно ищет утешения от тяжести реальной жизни. Эти фантазии отличаются одною общею чертою — они не указывают путей и способов выхода из существующего положения. Как волшебные замки с роскошною внутреннею отделкою, утопии эти — здания „без окон и дверей“. Рисуемое в них будущее — чудесарно и прекрасно, но дороги к нему не указаны. Человечество любит мираж, трепетно ощущает все штрихи его картины, но мираж так и остается сонною грезою, несбыточным далеким видением... Мы уже видели, что утопия античного мира в лице гениального Платона мало чем разнилась от замыслов утопистов нового времени. Никто, ни родоначальник новой утопий, Томас Мор или Кампанелла, ни их, рационалистические подражатели, как Мабли или Морелли ни, — как мы далее убедимся, — великие утописты (Шарль Фурье, Сен-Симон, Роберт Оуэн) не указали путей, ведущих к осуществлению нового строя. Если что в практическом смысле и можно установить у некоторых из них, то это, самое большее, убеждение, что первый удачный пример сам собою неизбежно вызовет подражание. „Лиха, так сказать, беда — на-

чало", как бы думают социальные мечтатели. Утописты XIX века, особенно их наиболее проницательный вождь Этьен Кабэ, полагали, что пропаганда необходимости или, другими словами, убеждение—единственно верный путь для осуществления их идеалов.

К началу революционного движения 40-х годов маниловщина и беззубость утопизма стали особенно очевидны; назрел вопрос о практической программе. Она тесно связалась с идеею революционизма, с вопросом об активном выступлении. Неожидание и убеждение, а насильственное внедрение осознанного идеала стали очередным вопросом дня.

Эта идея, впрочем, тоже была не совсем нова. Ее принес с собою XVIII век. В недрах его красочных переживаний есть место нескольким приверженцам идеи революции, как к единственно верному пути для социального преобразования. На такой исход наталкивала, впрочем, сама жизнь. Пионером этой идеи явился французский священник Жан Мелье, продолжателем Гракх Бабеф, предтеча бабувистов 30-х годов и великого заговорщика Огюста Бланки, который, в свою очередь, уже намечает идеи революционного марксизма.

II. 1664-1729.

Жан Мелье (1664—1729).

Биография этого честного, проницательного и человеколюбивого человека — совершенно особая глава в истории социализма. Простая и идейная жизнь его полна неподдельного трагизма и высокого исторического величия.

Жан Мелье родился в деревне Маберни, в провинции Шампань, в 1664 или 1668 году, что точно не установлено. Он был воспитанником местного сельского священника, подготовившего и поместившего его в духовную семинарию. Получив здесь основательное по тому времени богословское и философское образование, Мелье сделался деревенским священником в той же Шампани, где безвыездно и прожил всю остальную жизнь. Крайняя бедность, умеренность, почти аскетизм, тщательное исполнение своих пасторских обязанностей, постоянная, посильная благотворительность, а главное, — энергичное и неустанное заступничество за бедноту перед сильными, — вот основные черты его безвестной и скромной жизни. Если добавить к этому,

что Мелье изредка посещал двух соседних священников и много читал, то, вместе с тем, мы исчерпаем все известные о нем сведения. На склоне дней своих он пишет свое единственное сочинение „Мое завещание“ (1729), которым он при жизни ни с кем не делился, и которое извлекло впоследствии из безвестности имя этого бедного французского деревенского священника. Силу своего „Завещания“ Мелье решает подкрепить страшным оружием — своею смертью; чтобы его слова дошли до ушей его сограждан — он уморил себя голодной смертью, оставив после себя три копии с завещания, из которых одна была впоследствии передана Вольтеру.

По своим воззрениям Мелье был одним из ранних французских материалистов и коммунистов первой половины XVIII столетия. Его „Завещание“, по которому мы и знакомимся с его мировоззрением, было написано в самом конце двадцатых годов этого интересного и бурного века. Трудно определить, откуда взялись у деревенского священника его радикальное направление и его революционность. Повидимому, перед нами самоучка и самостоятельный наблюдатель и мыслитель. Анализ окружающих условий привел его к тем выводам, которые он подкрепляет доводами из Библии и отцов церкви, с которыми к тому же он коренным образом расходился, считая их писания и глупыми и смешными, цитатами из классиков, из которых, как Лукреция и Овидия, он особенно охотно цитирует, и, наконец, взглядами Фенелона, Монтэня, Декарта и Мальбранша, к которым он относится совершенно самостоятельно. Целые главы „Завещания“ посвящены опровержению философских суждений Декарта и Мальбранша. Зато ему близки взгляды Монтэня и Фенелона, особенно первого. Из своего медвежьего угла Мелье следит также за развитием исторической и политической литературы века, цитируя ряд произведений этого времени. Мелье идет дальше своего века; он не деист, как Руссо или Робеспьер, а атеист.

Филантропия и защита интересов местного крестьянства, — а тогда был период его глубочайшей бедности, беспорядка и разорения, — поставили Мелье во враждебные отношения с местным синьором. Ряд столкновений с крепостническим режимом обнаружил всю глубину бессилия бедного священника и подготовил почву для его пессимизма. Он не ждет ничего от филантропии и „убеждения“, он

требует насилия и революции, он за восстание. Но сам лично он не может выступить ни с идеями атеизма, ни проповедью революционного переворота. Жизнь оскорбляемого и унижаемого самолюбивого честного и гордого священника стала со временем настолько невыносима, что он покончил свою жизнь самоубийством. Готовясь к смерти, он составил „Завещание“—сочинение, о котором он сам в обращении к друзьям говорит следующее: „я не могу сказать вам при жизни того, что я думаю, и решил поделиться с вами своими мыслями после смерти. Мне хотелось бы пред смертью поговорить с вами, но я не знаю, будет ли у меня в мои последние минуты время и присутствие духа, и потому я предпочитаю изложить то, что я хотел сказать, в письменной форме“... „Я не сделал в своей жизни ничего преступного. Но на меня, несомненно, будут клеветать после моей смерти, будут оскорблять меня, и только за то, что я осмелился сказать правду. Пусть думают, что хотят, пусть судят, как хотят, пусть говорят и делают все, что хотят, это меня ничуть не беспокоит... Я почти уже не принимаю участия в том, что делается в мире; мертвецы—а я теперь с ними—не беспокоятся и не заботятся ни о чем“.

„Завещание“ с исключительною силою проникнуто страстными чувствами отчаяния, гнева и ненависти к правителям и сильным мира, к политическим и социальным несправедливостям. Автор оставил рукопись в трех экземплярах, которые послужили оригиналом для множества посмертных копий. Спустя шесть лет после самоубийства Мелье, одна копия была доставлена Вольтеру, который оценил завещание много позднее и напечатал только в 1772 году выдержки из первой части сочинения, выбросив из него все резкое в религиозном и политическом отношении. Философ Гольдбах и анархист эпохи Великой Революции Сильвен Марешаль также напечатали отрывки из „Завещания“, которые в печати целиком появились только в XIX столетии, когда рукописные копии „Завещания“ уже совершенно исчезли. Р. Шарль, нашедший один рукописный экземпляр „Завещания“ в Голландии, опубликовал его в Амстердаме, в 1864 году, под заглавием „Le Testament de Jean Meslier“¹⁾.

¹⁾ По-русски о Мелье писал В. П. Волгин, „Революционный коммунист XVIII в.“ (Жан Мелье и его „Завещание“) в журнале „Минувшие годы“, №№ 1—3 за 1918 год, а также отдельно. М., изд. Моск. Совдепа, 1919. В истории социализма о Мелье впе 114 2151

В дни Великой Французской Революции вспомнили о Мелье: атеист Анахарсис Клотц, этот, как тогда называли— „бешеный“, предложил конвенту воздвигнуть памятник Мелье, и конвент принял это предложение. Правда, и инициатор и власть ценили в Мелье только „первого восставшего против религии священника“. Но только XX век—с его идеею социальной борьбы и социальной революции, с его жуткою мстью тиранам и тиранствующим—в полной мере оценил этого провинциального и забытого пропагандиста.

III.

Великая Французская Революция и бабувизм.

Великая Французская Революция была в основе своей революциею буржуазною. Исторический смысл ее заключался в том, что она оформила выявление буржуазии, как класса, который отныне впервые захватил политическую власть в свои руки. Идеологи этой революции проповедывали важность частной собственности и индивидуальной инициативы, возводя их на степень „священных прав человека“. Но этим эпоха Великой Французской Революции не исчерпывается. За главным, широким и основным течением—буржуазным—вскрывается и другое более глубокое, но имевшее малое число приверженцев течение—социалистическое.

Наличность социалистического элемента вполне понятна. Великая Французская Революция представляла собою смену владычества двух социальных классов—феодальной буржуазии, дворянства и духовенства буржуазиею, т.-е., в конечном счете, представляло собою явление не только политическое, но и социальное. Эта перемена происходила при участии всего народа, который хотя здесь ничего не получал, но искренно полагал, что выгадывает. Как отдельные руководители народных масс, так и сама масса наивно думали, что эта революция „их“, и вкладывали в нее свое содержание, т.-е. стремление к действительному равенству и

нают в социал-дем. „Народной Энциклопедии“ (Вурма) и в лекциях Н. Рожкова. Петроград. 1919. Выдержки по-русски в брошюре „Правда о боге“, М. 1919, а также в книге Шахова: „Вольтер и его время“. СПб. 1912.

социальной справедливости. О том, что их идеология расходится и даже совсем противоположна идеологии вождей революции, они поняли только много позднее. Таким образом, естественно, что рядом с основным и господствующим течением—охраны буржуазных идеалов, пробивалось и другое более радикальное и коммунистическое. При этом, конечно, говоря с массою, ораторы всех направлений невольно выдвигали социальный элемент в первую очередь. Поэтому протесты против крайнего неравенства имущества составляли обычный ораторский прием представителей всех партий, и именно в то самое время, когда и Учредительное Собрание и Конвент зорко стояли на страже существующего порядка и частной собственности. „Эта декламация,— как указывает французский историк социализма этой эпохи Лихтенберже,—составляла своего рода свидетельство гражданской добродетели и революционных чувств, но ни к чему не обязывала“. Таким образом, в действительности, никаких социальных преобразований не происходило, и стремившиеся к фактическому осуществлению равенства стояли вне общего течения дел.

В тумане неизвестного будущего Франции смутно в ту эпоху вырисовывался грозный и пугающий „аграрный закон“, символ земельного уравнивания и борьбы с неравенством, идея своего рода черного передела. Он был логическим выводом из провозглашенного принципа равенства, но буржуазия к нему не приходила, да и прийти не могла. „Аграрным законом“ все же, когда нужно, угрожали, а за симпатию к нему обвиняли. Трепет перед „Аграрным Законом“ был тем сильнее, чем меньше и неопределеннее его формулировали. Но дыхание этого, казалось, неизбежного и неотразимого шага уже чувствовалось в воздухе и понемногу привлекало и проникало в умы и сердца. И вот вначале чисто-умозрительное социалистическое движение, без определенных выводов и реальных приближений, начинает кое-где и кое в чем формулироваться. К тому же и великий вулкан социально-политического и нравственно-филологического под'ема вообще всколыхнул все интересы и все инстинкты, в которых буржуазные составляли только часть. Противоположное, антибуржуазное, вскоре тоже начало разгораться в пепле общего костра, прорываясь иногда в заметное пламя. Накануне революции утописты говорят уже вполне революционным языком. „Собственность— это дочь насилия“—утверждает Симеон Линде, автор

Теории гражданских законов" (1767) и редактор популярных тогда „Политических, гражданских и литературных ежегодников XVIII века“. Частною собственностью создано общество, нужное победителям в борьбе за сохранение добычи. „Кто говорит: общество, тот говорит: богатство и нищета, подавание и кража“. Положение современного рабочего, отвовавшего себе только „свободу умирать от голода“, хуже положения прежнего невольника. „Общество живет, уничтожая свободу, как хищные звери живут, пожирая трусливых животных“. „Мир превращен обществом в громадную тюрьму, в которой пользуются свободой только надзиратели над арестантами“. Те же идеи всплывают в дни революции.

Так, в 1790 году в Париже в секциях уже говорят об ограничении излишеств собственности. Депутаты конвента Сен-Жюст и Колло д'Эрбуа требуют более равномерного распределения богатств. Основанный в этом году „Социальный кружок“ в своей газете „Железное Дверло“ тоже рекомендует пресечения излишков крайнего богатства. Вдохновитель и руководитель кружка и газеты аббат Фоше яростно ратует против образования поместий с крупными доходами и за издание особых ограничительных законов о браках и наследствах, т.е. о тех актах, при которых невозможна концентрация частных имуществ. Крупными, а следовательно недопустимыми к существованию поместьями Фоше считает недвижимости, приносящие свыше 50 тысяч ливров дохода. „Равенство, говорит Фоше, составляет душу республики“.

Значительно дальше и радикальнее идет жирондист Бриссо. Он представляет собою исключение в своей, в общем, интеллигентской и умеренной партии. „Философское исследование собственности и кражи“— оригинальное и смелое сочинение Бриссо, излагающее принципы коммунизма, было напечатано за 9 лет до революции, а именно в 1780 году. Здесь во имя естественного права автор энергично требует обуздания собственности и признания „первоначальных прав человека“, ведущих к имущественному равенству и примитивизму. Это шло в разрез с господствующей идеологией века, и книжка Бриссо имела слабое распространение. Она служила Бриссо научною диссертациею и была разыскана и выдвинута роялистом и социалистом аббатом Морелли в дни революции. Сам Бриссо, повидимому, был в это время уже, как жирондист, склонен открещиваться от этого греха своей юности.

Другой деятель эпохи — Кондорсе — еще типичнее. Он в своем „Историческом очерке развития человеческого духа“ видит конечную цель социального строительства в эгалитаризме, т.е. в общем уравниении. Он проникнут радикальным экономическим оптимизмом. Он полагает, что „в будущем неравенство еще уменьшится“, а для этой цели рекомендует содействовать основанию частных товариществ, организации касс для стариков и развитию образования женщин и детей. Кондорсе предсказывает бесконечное совершенствование человеческого рода, полное уничтожение предрассудков и традиций и усиление благосостояния, в результате которого явится увеличение средней продолжительности жизни. Просвещение и нравственность, по мнению Кондорсе, будут прогрессировать, идя рука-об-руку.

Итак, среди принципов, провозглашенных Великой Французской Революцией, принцип равенства был важнейшей идеею экономического порядка. Недаром равенство Фохе называл „душою революции“, но не один только Фохе.

Рабо Сент-Этьен в „Парижской хронике“ говорит о равенстве, как идеале для его современников. Неравенство порождает бедствия и политические раздоры, поэтому бедные классы пламенно стремятся к имущественному равенству, но он при этом полагает, что силою нельзя насадить равенства. Оно может проводиться только законодательным путем, при чем законы, постепенно внедряющие в общество этот принцип, могут издаваться в двух направлениях: законы, облегчающие равномерность раздела общего имущества, и законы, охраняющие насаждаемое равенство.

Себастьян Мерсье в своем сочинении „Париж во время революции“, радикально и социалистически настроенный, смертельно боится принудительного осуществления имущественного равенства. Революционер при старом режиме, он в эпоху революции пугается призрака аграрного закона и думает, что Руссо и Вольтер с ужасом и отвращением отвернулись бы от бабувистов.

Иначе смотрит Ретиф де-ла-Бретон, автор утопий „Андрограф“ и „Тесмограф“, наделавших в свое время много шума. В своем сочинении „Философия господина Николая“ (1796) он — ясно выраженный идеолог коммунизма. Но тот же автор полагает, что завершение революции периодом насильственной социальной революции

не осуществится и что такой конец представил бы собою самую ужасную историческую катастрофу. Необходимо, повторяем, отметить, что коммунистические течения находят себе только отдельных выразителей, а господствующие партии ему чужды.

Вообще, как было сказано, Великая Французская Революция совершенно ясно формулирует свои буржуазные принципы. В „Декларации прав гражданина“ прямо говорится, что „право собственности ненаруσιμο и священно“. Да и вообще все господствующее течение экономической мысли было проникнуто идеями физиократов, горячих и убежденных защитников частной собственности, особенно земельной.

В том же духе высказывался и корифей тогдашней общественной мысли Жан-Жак Руссо, хотя он стоял за равенство в собственности¹⁾, в том же духе формулируются законы того времени. Руссо в своей статье „Economie politique“ с особым пафосом восклицал: „Право собственности—самое священное из всех прав гражданина“.

Логика экономии и революционного процесса естественно вступила в противоречие с буржуазной идеологиею. Идея равенства требовала фактического уравнивания, а следовательно, социального изменения в земельных отношениях.

На этой почве выдвинулся целый ряд писателей и мыслителей, из которых наиболее крайние получили наименование „бешеных“. Таковы: монтаньяр Бильо Варрен, высказывавшийся вообще против крупной собственности, Арманд, проповедывавший „возврат собственности ограде народу“, аббаты-коммунисты Жак Руи, Варле, Доливе, Шалье, д'Анж, заговорщики-эгалитаристы Филипп Буонаротти, д'Арте, Бабеф, определенно высказывавшиеся за коммунистические идеалы. Коммунизм впервые формулируется ими в 1793 и 1794 годах. В следующие два года определяется и практическая программа его проведения, так сказать, тактика коммунизма. Это дело Гракха Бабефа и его группы, которая решила, что до коммунизма можно дойти путем заговора и насильственного государственного переворота. Орудием последнего должна быть тайная организация, которая должна захватить власть в свои руки. Так возникло заговорщическое Общество „равных“.

¹⁾ См. Б. Кричевский. Революционер-утопист Сен-Жюст, пер. Богданова. СПб. 1907.

Заговор Бабефа и Общество „равных“.

Первоначально монтаньяры в борьбе с жирондистами опирались на группу „бешеных“ и делали им уступки. Так, Робеспьер в своем проекте „Декларация прав“ (1793 года) высказался даже за ограничение прав собственности. В феврале произошли беспорядки, вдохновлявшиеся бешеными, и Конвент резко переменял к ним свое отношение. Коммунисты были объявлены сообщниками духовенства и эмигрантов, т.е. контр-революционерами. 18 марта того же 1793 года Конвент декретировал: „смертную казнь тем, кто будет предлагать аграрный закон, нарушающий земельную собственность общинную или личную“. Восстать против такого порядка требовало энергии и смелости.

Революционное действие вносит представитель идеи коммунизма этой эпохи, „бешеный“ Франсуа Жозеф Бабеф (1760—1797), прозванный в духе времени „Каем Гракхом“ и явившийся представителем эгалитарного социализма или бабувизма. Он — духовный ученик Морелли и Дидро. Трудно отделить Бабефа от его единомышленников и товарищей по борьбе. Не все важные документы заговора 1796 года им написаны, „Манифест Равных“, излагающий идеи группы, был отвергнут Бабефом и написан Сильвеном Марешалем. „Акт восстания“, „Анализ“ и „Органический декрет“ — главные прокламации группы — только отражают его идеи, но все же Бабеф — глава течения и душа заговора.

Бабеф или, как он был назван в честь римского трибуна, отстаивавшего, как и он, аграрный социализм. — Кай Гракх Бабеф родился в 1760 году, в С.-Кантене. Он происходил из небогатой семьи, обучался землемерному искусству и по окончании учения поступил на службу в местную кадастровую комиссию. Эта работа, связанная с поездками по деревням, дала ему богатое поле для наблюдений на сельскою жизнью и народной нищетою. Он искал истоков корень зла в неравенстве земельных отношений. Революция увлекла Бабефа; двадцати-девяти лет Бабеф берет за перо и пишет о „Вечном кадастре“ — 1789, а затем не большое сочинение „О налогах“, (1790). В то же время Бабеф начинает сотрудничать в газетах, из которых самая важная „Народный трибун“, с 1794 года.

Здесь им развивались идеи общности и равенства имуществ и выставлялись требования коренного изменения социального устройства. Для этого Бабеф находил необходимым не пропаганду, а применение непосредственного „воздействия“.

Бабеф был крайним якобинцем, стоял за диктатуру и террор, но высказывался и за свержение Робеспьера. Вскоре он попал в немилость к правящей группе и очутился в тюрьме. В тюрьме Бабеф, под влиянием, как товарищей по заключению, так и чтения Руссо и Морелли, стал коммунистом; это был „эгалитарный“ коммунизм или коммунизм равенства, вводимый революционным путем группой заговорщиков.

Будучи амнистирован и выйдя из заключения, Бабеф начал уже активную пропаганду социальной революции, вначале в своем журнале „Народный трибун“ (с 5 июня 1795 по 24 апреля 1796), где пропагандировал немедленный раздел земельной собственности между трудящимися и полное их экономическое равенство, затем в особой организации: он встал во главе тайного революционного союза „Общество равных (Société des égaux)“.

В организацию вошли: член Конвента д'Арте, писатель Филипп Буонаротти и др. социалисты. Они выделили из своей среды „военный комитет“ и агентов „связи“.

Организация подготовила ряд мер и воззваний и решила внезапным нападением ниспровергнуть Директорию и, захватив власть, ввести коммунизм. Предполагалось захватить магазины и склады провианта, конфисковать имения и организовать национальную общность имущества. К участию в „Обществе равных“ было привлечено до 17 тысяч заговорщиков, главным образом, в среде недовольных солдат, полиции, жандармов и бывших активных деятелей революции, недовольных падением революционного духа, начавшимся после 9-го термидора, т.-е. после свержения Робеспьера. Девизом движения было восстановление истинной конституции — „конституции 3 года“.

Один из участников заговора, капитан Гризель, тайно же предал всю организацию. Заговорщиков арестовали 10 мая 1796 г. почти накануне их выступления. Но общее настроение было в пользу заговорщиков. Верховный суд в Вандале приговорил к смертной казни только Бабефа и д'Арте. Оба по примеру римлян пытались заколоться кинжалами, но неудачно. Их все же гильотинировали 29 мая

1797 года. Распространение идей бабувизма надолго прекратилось; на сцену выступили более умеренные течения, преимущественно утопического характера. С начала 19 века наступила эпоха „великих утопистов“, попытавшихся соединить коммунистические идеалы с критикой существующего строя, но без революционности бабувизма. Тем не менее бабувизм не умер. Он разгорелся в 30-ые годы следующего 19 столетия и в лице революционера-заговорщика Бланки и нашел себе многих подражателей. Идея революционности—бланкизм, в конце концов, вошла в круг идей социализма и в революционном марксизме нашла себе определенное отражение.

О Великой Французской Революции написано очень много книг и исследований. О новых течениях дает более обстоятельное представление История Вел. Французской Революции Жореса (есть рус. пер.) и П. А. Кропоткина. Специально о социализме в эпоху В. Ф. Революции говорится в книге Лихтенберже.

По-русски о заговоре Бабефа можно прочесть в книгах: Альберт Тома „Бабеф. учение равных“, СПб. 1901, и Поль Луи „Французские мыслители и деятели XIX в.“, СПб. 1905. Лучшие французские сочинения о Бабефе—Адвизля и Буонаротти, к сожалению, еще не переведены на русский язык. О „Жаке Ру“—брошюра Я. Захера. Петроград, 1922. Н. Карев. Историография Французской Революции. Петроград, 1922.

Г Л А В А VII.

Граф Анри Сен-Симон.

I.

Духовный облик XIX столетия сложился под влиянием Сен-Симона. Социально-философская мысль века коренится в гениальных идеях этого великого человека. Многие духовные вожди европейской мысли от основоположника позитивизма Огюста Конта до великого Карла Маркса являются учениками Сен-Симона. И если сен-симонизм представлял собою своего рода сектантство, короткое время занимавшее парижскую интеллигенцию, то все же общие положения большинства воззрений Сен-Симона вошли, как драгоценное достояние, в систему европейской науки. Таковы идеи о классовой структуре общества, об историческом и экономическом развитии социальной организации, об эволюции мировоззрения от религий к науке, о важности знания, о роли промышленности.

Оказав громадное общее влияние на европейское мышление, Сен-Симон оставил потомству скромное литературное наследство. Он писал редко и немного. Его одиночные сочинения немногочисленны; во французских собраниях его сочинений приводятся безраздельно как произведения самого Сен-Симона, так и работы его последователей; на русском языке произведения как Сен-Симона, так и его учеников, почти не появлялись.

II.

Биография Сен-Симона, человека исключительного и в высшей степени оригинального, гениального энтузиаста и провидца, более известна, чем тексты его сочинений, которые, в большинстве случаев, писались совместно с кем-либо из его учеников: с Огюстом Контом, с Анфантенем, Огюстеном Тьерри или Орландо Родригесом. Невниматель-

ное отношение к текстам сочинений этого гениального мыслителя не помешало современной науке впить все его идеи, которые стали руководящими для многих вождей мысли XIX века. Влияние Сен-Симона было исключительно обширно и глубоко.

Граф Анри де Рувруа Сен-Симон родился 17 октября 1760 года, во Франции. Он происходил из знатного рода, ведшего свою генеалогию от Карла Великого, и получил дома блестящее светское воспитание. Хотя он готовился согласно традициям семьи и времени стать кавалерийским офицером, но его развитию в юности содействовали выдающиеся ученые, между прочим знаменитый энциклопедист д'Аламбер. О детстве и ранней юности Сен-Симона мало что известно. По рассказам, тринадцати лет от роду он был заключен своим отцом в тюрьму за открытый отказ от католицизма. Из тюрьмы он бежал. Будучи 17 лет, он приказал своему слуге ежедневно будить его со словами: „вставайте, сударь, сегодня вам предстоит исполнить что-либо великое“.

Будучи еще совсем молодым, Сен-Симон принял участие в войне за независимость английских колоний в Северной Америке. Он приехал туда вместе со своим троюродным кузеном, герцогом Анри Генрихом де Сен-Симоном, автором знаменитых мемуаров о французском дворе, в числе офицеров французских войск, отправленных в помощь американским инсургентам, положившим основание к образованию независимых Северо-Американских Соединенных Штатов. В Америке молодой офицер служил под начальством Буилье и Вашингтона и отличался храбростью. В течение пятилетнего пребывания в Новом Свете Сен-Симон выдвинулся по службе и скоро получил чин полковника. В Америке он послал вице-королю Мексики свой проект соединения двух океанов каналом у Панамского перешейка, — идея, которая, как известно, была осуществлена на столетие позже.

Вернувшись на родину, он был назначен комендантом важной пограничной крепости Мец, где пробыл, впрочем, недолго. Покинув военную службу, он отправился путешествовать по Европе, был в Англии и Германии, „наблюдал и размышлял“, как он писал в одном из своих писем. В Испании он обратился к королю с проектом соединить Мадрид с морем.

В дни Великой Революции Сен-Симон вернулся на родину, в свое родовое имение. Он был всегда равнодушен к

политике, поэтому не участвовал в Революции. Свое общее отношение к движению он выразил отказом от титула и отклонением предложения быть избранным местным мэром, в виду своего принципиального отрицательного отношения к избранию на такого рода пост дворянина.

В это время благосостояние его пошатнулось; родовое имение было конфисковано, и он решился искать средств к жизни.

Вместе с неким графом Редерном, прусским послом при английском дворе, он пускается на обычную в ту эпоху спекуляцию. Компаньоны вскоре заработали колоссальное состояние, но Редерн, пользуясь безграничною доверчивостью и простодушием Сен-Симона, его обобрал, оставил ему ничтожный годовой доход.

Вторичная потеря имущества не обескуражила благородного человека; он знал, что в его распоряжении осталось и другое богатство, и что ему, как он выразился, предстоит „подняться на сухую и скалистую гору, на вершине которой находится алтарь славы“. Он охотно предоставил Редерну „сбирать сокровища, измеряемые деньгами“, сам же мечтал о славе провозвестника новой истины. В своем вдохновенном экстазе Сен-Симон доходил до галлюцинаций: сам Карл Великий, чья кровь текла в жилах Сен-Симона, явившись ночью, сказал ему, что его успехи, как философа, сравнятся с теми, каких он, Карл Великий, достиг как воин и политик.

Почувствовав в себе призвание преобразовать всю философию, построив ее из обобщенного и синтезированного знания точных наук, Сен-Симон принялся изучать до сих пор мало знакомые ему дисциплины. Здесь сказался его недюжинный и в высшей степени оригинальный склад ума. Не погружаясь в кропотливое изучение научных трудов, он пытается воспринять и водворить в своем сознании приобретения человеческого гения, знакомясь с ними вне всякой системы, полагаясь не столько на память и на добросовестный анализ, сколько на свою творческую силу. Он поддерживает знакомство с учеными и профессорами медицинских и политехнических школ, улавливая в беседах с ними то, что ему нужно для построения своего нового мировоззрения. Наряду с этим Сен-Симон пытается проникнуть в тайны жизни и человеческих страданий путем общения с более или менее широким кругом лиц. С этой целью он делает из своего дома салон, куда приглашает выдающихся людей своего времени. Женившись на красивой и интерес-

ной женщине и ведя роскошную жизнь, насколько позволяли ему остатки его состояния, он приобретает обширный круг знакомств, особенно среди ученых, и оказывается в состоянии с большим успехом производить свои наблюдения. Жизнь на широкую ногу, однако же, отняла у него последние доходы, и он очутился через год в положении нищего.

Сен-Симону было теперь 40 лет; с этого времени начинается период его творческой работы. Затруднительные материальные обстоятельства, правда, не могли не отражаться неблагоприятно на его занятиях, но он стойчески выносил все лишения и упорно продолжал верить в свою миссию, несмотря на все неудачи, постигавшие его попытки обратиться на себя внимание ученого мира.

Весьма характерна для этой истинно-аристократической, чуждой всего мещанского природы, та свобода от всяких собственнических предрассудков, от буржуазного самолюбия, которую проявил Сен-Симон в этот период своей жизни. Он стоял выше мелких уколов жизни и ставил себе высокие задачи.

Лишенный к сорока годам жизни всяких средств к существованию, Сен-Симон с трогательною наивностью обращается с просьбою о поддержке его ради его идей ко многим выдающимся людям своего времени, в том числе и к Наполеону. Он посылает им свои произведения, собственноручно за неимением средств для напечатания переписанные, но никто их даже не читает. В 1812 г. он пишет: „Вот уже две недели как я питаюсь одним только хлебом с водою, я работаю в холодной нетопленной комнате и продал все, даже платье“.

Ему кое-как удается найти место писца в ломбарде, где он обязан работать 9 часов в сутки за ничтожное вознаграждение. В итоге бедствий он попадает на иждивение своего бывшего слуги Диара, который дает ему и средства для напечатания некоторых произведений. Но вскоре Диар умирает, и Сен-Симон вновь на улице. Он переписывает свои сочинения и рассылает их, сопровождая письмами следующего содержания: „Милостивый государь, будьте моим спасителем. Я умираю с голоду. Мое положение отнимает у меня возможность изложить мои идеи достойным образом, но значение моего открытия не зависит от способа изложения. Достиг ли я того, чтобы проложить новую философскую дорогу? Вот вопрос. Если вы возьмете на себя труд прочитать мое сочинение, я спасен“...

В другом письме он говорит о „великих обязательствах“, наложенных на него судьбою. „Я бросил меч, чтобы взяться за перо, так как чувствовал, что природа влекла меня к великим целям на научном поприще“. В достижении этих целей им руководил энтузиазм, — чувство, которому Сен-Симон придавал громадное значение. „Безумие не что иное, как высшая экзальтация, — писал он в одном письме, — и эта экзальтация необходима для совершения великих дел. В храм славы входят только клиенты домов сумасшедших, но не все клиенты сумасшедшего дома попадают в храм славы. На миллион одному удастся войти — остальные свертывают себе шею“.

И Сен-Симон жил как человек, сознательно идущий в храм всемирной славы: равнодушный к мелочам и терниям жизни, с гордо и высоко поднятою головою, с открытою простою и бесхитростною душою. Ему были все равны — и Диар, и Наполеон. Последнему он указал средство сокрушить морское могущество Англии; это средство — отказ от завоевательных планов, от политики, сказали бы мы теперь, империализма, иначе он погубит и себя, и Францию. Наполеон не вдумался в пророчество и только приказал полиции следить за Сен-Симоном.

Крайняя наивность и детская вера в людей, постоянная экзальтация и грандиозные замыслы и планы, необычайное богатство внутреннего мира — все это, в конце концов, дало Сен-Симону на склоне дней нескольких горячих приверженцев. Из числа их особенно выделились: философ, обоснователь позитивизма и социологии Огюст Конт, историк Огюстьен Тьерри, писатели Анфантен и Базар. Эти годы он написал еще несколько сочинений, напечатанных в период с 1818 по 1822 годы.

Приближалась старость, силы падали, материальная необеспеченность росла. В 1823 г. он решился на самоубийство. Но не убил себя, а только прострелил себе глаз.

Через два года, а именно в 1825 г. он скончался на руках своих верных последователей, как философ, признававший высшим благом только познание истины. В последние минуты он сказал своему любимому ученику Орландо Родригесу: „Яблоко созрело, вы его сорвете. Мой последний труд „Новое христианство“ не будет понят немедленно. Думали, что религия должна исчезнуть, потому что католицизм одряхлел. Это ошибка: религия не может исчезнуть из мира, она только преобразуется... Родриг, не забывайте

этого! И помните, чтобы совершать великие дела, нужно быть вдохновенным... Вся моя жизнь резюмируется одною мыслью: обеспечить всем людям наиболее свободное развитие их способностей... Через двое суток после нашей второй публикации партия рабочих образуется. Будущее принадлежит нам". С этими словами он навсегда закрыл глаза.

Непонимание и равнодушие при жизни сменилось признанием и поклонением по смерти. Одна группа лиц, во главе с Проспером Анфантенем и Сен-Аманом Базаром, образовала вокруг его имени и идей нечто в роде секты, „семью“ сен-симонистов, исчезнувшую вскоре после ряда неудачных выступлений; другая, несорганизованная, все более расширявшаяся, сделала идеи Сен-Симона прочным достоянием науки. К этой группе относятся Мишель Шевалье, Прудон, Родбертус, Герцен, Маркс и Энгельс. Первый историк, современник развития социализма во Франции в ту эпоху—Лоренц фон-Штейн, свидетельствует в своей „Истории социального движения во Франции“ (1832), что под глубокое влияние Сен-Симона подпали и Кабэ, и Пьер Леру, и Пекер, и Ламенне. Автор немецкой монографии о Сен-Симоне Мукле полагает, что влияние Сен-Симона было значительнее даже влияния Гегеля, этого „некоронованного главы немецкой классической философии“ той эпохи. И позитивизм, как система, и социология, как наука, и философия истории и новое социалистическое мировоззрение—действительно ведут свое начало от идей Сен-Симона; он—гений исключительной прозорливости и глубины, направивший мировую мысль на верный путь исканий и познания.

III.

Сочинения Сен-Симона очень кратки и отрывочны. Это скорее заметки, наброски мыслей и вдохновенные высказывания, чем спокойное научное изложение. Первая его работа появилась в Женеве в 1802 г. и представляет собою маленькую брошюрку, написанную странным языком в подражание библейскому. Она озаглавлена „Письмо обитателя Женевы“ и содержит призыв к образованию особого руководящего „Собрания избранников человечества“. „Откройте подписку над могилой Ньютона,—предлагает Сен-Симон,—подписывайтесь все на любую сумму, какую пожелаете. Пусть каждый подписчик назовет имена трех математиков, трех физиков, трех химиков, трех физиологов,

трех литераторов, трех художников и трех музыкантов". Возобновляя подписку и повторяя анкету, можно создать громадный денежный фонд, который, распределенный между тройками знания и гения, пожизненно обеспечит последних и даст вождям человечества возможность развить максимум энергии и дарования. Избранники положат все свои силы на благо человечества". Этот призыв Сен-Симон направляет к трем *общественным классам*, на которые, по его мнению, распадается все общество. При этом характеризуется каждый из классов с экономической и интеллектуальной его стороны, так как Сен-Симон признавал одновременность воздействия двух основных пружин человеческого развития: прогресса знания и развитие форм хозяйства. Сообразно этим двум сторонам исторического процесса, а в понимании его и вообще постановке данного вопроса — вся новизна и сила сен-симонизма, — и власть в государстве должна делиться на духовную (люди знания и мысли) и светскую (руководители процессом производства). Необходимо уничтожить пропасть между религией и наукою, создав новую позитивную религию ("новое христианство"). Ее основною движущею силою должен быть энтузиазм к добру, так как вообще энтузиазм — высший дар человеческого духа.

Брошюра прошла совершенно незамеченною, но это не обескуражило Сен-Симона; он продолжал развивать грандиозные планы, исходя из только-что изложенных идей. Они представляют собою в зародыше абрис того учения, которое Сен-Симон постепенно развил, и составляют основное содержание следующих сочинений Сен-Симона:

1. *"Организатор"* (1820).
2. *"Промышленная система"* (1821).
3. *"Новое христианство"* (1825).
4. *"Катехизис промышленников"* (1828—1832).

Здесь изложены и доказываются следующие идеи:

1. *Важность и неизбежность исторического процесса развития.*
2. *Деление человеческого общества на классы.*
3. *Необходимость радикального социального изменения.*
4. *Роль индустриализма и рабочего класса.*
5. *Постепенность духовной эволюции (религия, метафизика, наука).*
6. *"Новое христианство", как последний этап духовной эволюции.*

Центральным пунктом его мировоззрения и его главной заслугой в истории развития социалистической мысли является философия *исторического развития*. Он ко всем общественным явлениям и институтам подходит со стороны их происхождения и хода развития. Он связывает, тем самым, действительность данного момента с прошлым и будущим; социальный вопрос получает, таким образом, генезис и перспективу, и выясняется *направление*, в котором движется общество. А так как Сен-Симон считает, что человеческое общество *беспреданно движется к лучшему будущему*, то появляется возможность установить и идеал этого движения.

Таким образом, весь социальный вопрос и все хозяйственное развитие общества впервые получают *историческое* освещение и понимание. Сен-Симон сам ясно оценивает всю важность и глубину этой новой постановки вопроса и справедливо считает это великим „открытием“.

История человеческого общества представляет собою, с точки зрения Сен-Симона, смену различных форм *социальной организации*, покоящейся, в конечном счете, на преобладании того или иного вида собственности, т.е. на „*законе собственности*“.

Другими словами, в основе изменяющихся форм экономического развития лежат прежде всего отношения собственности. Закон, определяющий собственность, является наиболее важным: „он служит базисом социального здания“. Однако, Сен-Симон не дает сколько-нибудь полного и обстоятельного анализа самого „закона собственности“ и его роли в хозяйственной жизни, а лишь в самых общих чертах вообще указывает на руководящее значение собственности в ту или другую из рассматриваемых им исторических эпох. Сен-Симон, как современник Реставрации, наблюдал борьбу между феодально-клерикальными элементами общества и новым классом „промышленников“ и характеризовал различие между этими двумя эпохами. „Современный кризис—говорит Сен-Симон—состоит главным образом в *переходе* от феодального и теологического к индустриальному и научному строю“.

Вообще, по Сен-Симону, создается „*необходимость общей перестройки всей социальной системы*“. Таким образом, Сен-Симону близка идея радикального социального переворота, что резко отличает его от его современников—идеологов политической революции. Заслуживают внимания

его мысли об эволюции форм собственности. Каждой стадии развития соответствует определенная форма собственности, основа экономической ступени. На ней высится „организация“, всегда, по Сен-Симону, дуалистическая—духовная, идеологическая и политическая. Та стадия развития общества, которая переживала свой расцвет в средние века и следы которой сохранились до самого конца XVIII в., характеризуется Сен-Симоном как „период преобладания земельной собственности“. Соответственно этому ее духовно-политическая „надстройка“ или, как выражается Сен-Симон, „организация“ представляет собою *действительную систему*, т.-е. комбинацию теологически-папской власти с феодально-военной. Первая является остатком того времени, когда христианство являлось господствующей религией, вторая—наследие эпохи, когда воинственные франки стали собственниками земли и подчинили себе галлов, сделав их неимущими. Общая власть церкви и феодалов стала подвергаться опасности с тех пор, как в развившихся городах появилась новая сила в лице класса *промышленников* или „*индустриалов*“, как он их называет. Этот класс обнимает все производительные классы общества—от предпринимателей и ученых до рабочих и носильщиков.

Этот новый класс, вступивший на арену истории, несет с собой новую форму собственности, *собственности промышленной*, а следовательно, и новую общественную организацию, должен утвердить свое господство путем борьбы с представителями старого режима. В этом, по мнению Сен-Симона, смысл всей Великой Французской Революции. Здесь мы видим, таким образом, еще один пункт, в котором мысль Сен-Симона приближается к точке зрения марксизма. Он устанавливает ту истину, что процесс изменения общественных форм происходит в форме *борьбы классов*.

Борьба, происходящая между земельными собственниками и промышленниками, должна, по мнению Сен-Симона, окончиться победою последних; в результате установление системы *индустриализма*. Определение этого нового строя не закончено и неопределенно. Особенно вредит ясности идеи Сен-Симона его спутанное представление о самом классе индустриалов. Его анализ классовых отношений не проник настолько глубоко, чтобы вскрыть противоречия, уже намечавшиеся в этом классе, представлявшемся Сен-Симону единым. Противоположности между представителями промышленного капитала и рабочим классом, лишен-

ным средств производства, как между классами антагонистическими, он не замечал. Если внутри класса индустриалов он и усматривал некоторое расслоение, то оно сводилось к противоположности между „промышленниками“, в число которых Сен-Симон включает и рабочих и предпринимателей, и *денежную аристократию*, выделяющуюся в класс промышленников. Это новообразование, как бы предвидя в будущем проявление героев *финансового капитала*, Сен-Симон рассматривал как *силу, враждебную* классу промышленников.

Вообще, ошибка Сен-Симона заключается в том, что он рассматривает капиталистов-предпринимателей тоже как *трудящихся* и признает их собственность вполне законною. К тому же условия времени, в котором он жил, ему мешали видеть противоречие интересов труда и капитала. Капитализм был еще недостаточно развит, антагонизм между интересами труда и капитала еще необострен, а буржуазия и пролетариат в эпоху Реставрации, в которую и происходило дело, находились во временном союзе, так как им тогда приходилось вести совместную борьбу с пережитками старых феодальных порядков.

Все сочувствие Сен-Симона было на стороне „индустриалов“, в которых он видел носителей лучшего общественного порядка. По его мнению, установление индустриализма повлечет за собою уничтожение классового антагонизма, а в конце концов, даже и устранение национальных противоречий. „На этой ступени человеческой культуры философ будет в состоянии окинуть взором все прошедшее и будущее человечество. На заднем фоне картины он увидит рабство, затем сможет с полным удовольствием проследить, как рабство постепенно смягчалось, пока, наконец, не исчезли самые слабые его формы и не образовалась социальная организация, которая должна непосредственно стремиться к счастью большего числа своих членов. Когда философ будущего будет рассматривать прошедшее, он увидит народы находящимися в ожесточенной борьбе друг с другом, тогда как в будущем ему представится лишь картина счастливых наций, соперничающих одна с другой лишь в сфере науки, индустрии, морали“. „Индустриализм“, повидимому, представлялся Сен-Симону таким строем, при котором возможно осуществление высшего идеала человечества, понимаемого нашим философом как „мирный и прочный порядок вещей“, обеспечивающий

человеку развитие всех его способностей. К этому идеалу должно привести развитие индустрии—и поэтому, по мнению Сен-Симона, вся социальная деятельность должна быть сведена к мероприятиям, способствующим утверждению и укреплению индустриализма. Поэтому-то и эпитафием к издававшемуся им сборнику „Промышленность“ („L'Industrie“) он взял выражение: „Все через промышленность, все для нее“ („tout par l'industrie, tout pour elle“).

В связи с таким воззрением на конечный идеал человеческого развития стоит и его оценка *политического* значения класса промышленников. Этот последний, как утверждал Сен-Симон, имеет наибольшие способности к управлению делами государства. Вместе с тем, Сен-Симон требовал от промышленников, чтобы они с полным сознанием своей миссии направили свою деятельность к обеспечению существования беднейших слоев населения. Передавая политическую власть преимущественно промышленникам, Сен-Симон рассчитывал при этом на их собственный интерес. Промышленники, по его мнению, „все более заинтересованы в поддержании общественного спокойствия, в умеренности публичных издержек. Они же больше всех приспособлены к административной деятельности, так как их промышленные успехи в частных предприятиях служат живым примером их способностей в этом роде“. Интересен в этом отношении, как показатель, до чего доходило иногда преклонение Сен-Симона пред промышленниками, следующий отрывок из „Исповедания веры основателей положительной политики“. *„Верую, что богатые промышленники, повелевая рабочим в ежедневных трудах, через это являются начальниками народа, которого они составляют необходимую часть; откуда следует, что они прямые, естественные руководители нации, единственные, которых нравственность и здоровый смысл позволяют дать им права политические“.* Но целью всей политики промышленного класса всегда было для него *„обеспечение участи пролетариата“*, при чем работоспособным должна быть *гарантирована работа*, а неспособным к работе—*содержание*“. Пред смертью он завещал даже, как мы видели, *организацию партии рабочих*, которым, судя по этому, он не отказывал в самостоятельной роли в общественной жизни. По его предположению, участь *неимущих* должна быть улучшена в том смысле, чтобы рабочие стали членами предпринимательских организаций, собственниками, стоящими друг к другу в отношении со-

трудников. Во всем этом можно уже различать в зародыше идею *ассоциации*, впоследствии подробно развитую учениками Сен-Симона.

Что касается вообще практических предложений, которые определили бы направление деятельности последователей новой религии, то Сен-Симон в этом отношении большею частью ограничивался лишь общими местами. Прежде всего он устанавливал тот принцип, что в основе деятельности новых апостолов должна лежать *мирная пропаганда* идей, им возведенных. Необходимо, по его мнению, прежде всего „*воодушевить* массу“. Осуществление практических мероприятий в духе предлагаемой им реформы он возлагал на лиц, обладающих властью. Самым крупным практическим требованием Сен-Симона является его требование *уничтожения всех наследственных привилегий*. Сен-Симон указывает, между прочим, ряд частных мер законодательного характера, долженствующих привести положение промышленности к более нормальному состоянию. Необходимо, по его мнению, облегчить перевод земельной собственности из одних рук в другие, предоставить политические права не землевладельцам, а земледельцам и т. д.

Индустриальный строй не предполагает, однако, демократического равенства. Власть и при нем продолжает оставаться *иерархической*, напоминая власть *церкви*. Соответственно тому догмату новой религии, по которому дух и материя признаются одинаково святыми и который, следовательно, устраняет из понимания жизни и из этики внесенный в них христианством старый дуализм, власть в новом обществе будущего также становится *единою*. Это одновременно и светская, и духовная власть. Физическими носителями ее должны быть ученые и философы во главе с верховным вождем—первосвященником.

Человечество уже вообще вступило в тот период своего развития, когда оно должно распрощаться с чисто-умозрительным взглядом на мир и его судьбы, т. е. с „*метафизикою*“, и перейти к новой религии, *основанной на точном знании*. Отсюда наука становится на место старой философии и, вместе с тем, реформирует „*религию*“. Точного определения своего понимания религии Сен-Симон не дал, но по смыслу его учения можно понимать, „*религию*“, как идеологию, ибо каждой фазе развития человеческого мышления соответствует, по Сен-Симону, его „*религия*“ или идеология.

Новая религия или „новое христианство“ должно, по Сен-Симону, стать непосредственной руководительницей человеческой деятельности, направленной на достижение высших конечных целей.

Однако, высшую цель человеческой деятельности и идеалы, открываемые его новой религией, Сен-Симон понимал не так, как понимали их все прежние религиозные системы. В этом отношении он являлся типичным выразителем духа своей эпохи, проникнутой утилитаризмом.

„Наступит день“, — говорил он в своей первой работе в „Письмах женеvского обитателя“, — когда земля будет раем“. „Религия должна — пишет он в последнем своем труде „Новое Христианство“ („Nouveau Christianisme“, 1825) —, направлять общество к великой цели возможно скорого улучшения участи беднейшего и самого многочисленного общественного класса“. „Первый долг состоит в том, — говорит в том же сочинении Сен-Симон, — чтобы употреблять все находящиеся в распоряжении людей средства на возможно быстрое улучшение нравственной и физической жизни бедных“. Это улучшение участи людей он понимал, как „обеспечение им свободного развития их способностей“. Истинное христианство учит также, что „богатые, увеличивая счастье бедняков, тем самым улучшили бы и свое собственное существование“. Сведение религиозных идеалов с неба на землю стоит у Сен-Симона в теснейшей связи с той идеей, которая, по его учению, отличала новое христианство от старого. Подвергая критике христианскую религию, Сен-Симон останавливается, главным образом, на этических заповедях христианства. Признавая в общем эти заповеди, он считает ошибочным и, во всяком случае, непригодным для нового человечества учение о необходимости подавлять требования плоти. Старое христианство по самому существу своему враждебно плоти и ставит своим идеалом отказ от плотской жизни, как от жизни греховной во имя исключительно духовного совершенствования. Поэтому задачей нового христианства Сен-Симон считал признание святости плоти, осуществление рая на земле, в этой жизни, где дух и тело одинаково ценны. Самой же существенной этической заповедью христианства Сен-Симон считает принцип, что все люди — братья, и что они должны друг друга любить.

Однако, несмотря на такую чисто-утилитарную и скорее этическую, нежели религиозную интерпретацию учения Хри-

ста, Сен-Симон не отрицает божественного происхождения христианства. Если же в христианстве, каким мы его знаем, встречается много наивного, несогласного и неудовлетворяющего этическим требованиям „Нового христианства“, то это потому, что Бог, основавший христианство, передавал его истины людям, приспособляясь к их пониманию и к их нравственному состоянию.

Новое христианство должно быть — по идее Сен-Симона — очищено от всех противоречащих науке положений. Но в нем останутся и культ, и церковная организация, но только, как „аксессуары“. Оно также будет иметь свое духовенство, с той же иерархической лестницей, как и прежде. Культ, однако, будет иметь своей главной целью „обращать внимание верных всех классов на нравственность“. „Обязанности духовенства будут сведены к тому, чтобы проповедывать новое христианское учение, об усовершенствовании которого будут постоянно заботиться главы церкви“.

Беря на себя задачу *примирения религии с наукою*, Сен-Симон думал достичь этого не только путем реформирования современного христианства, но и путем одновременного реформирования современной науки. Его целью было „проложить новую дорогу человеческому пониманию — дорогу физико-математическую“.

Наука должна сделать шаг вперед к общему знанию. В общей системе наук, которые должны быть не разрозненными дисциплинами, занятыми каждая своею областью, а *единым связным знанием*, Сен-Симоном отводится одно из главных мест науке *о человеке и о человеческом обществе*. Ученые, по словам Сен-Симона, забыли человека для своих мелочных исследований о телах неорганических. Сен-Симон возмущался тем, что ученые не разрешают вопросов о лучших формах социальной жизни, предоставляя разрешение столь важного вопроса изобретателям-фантазерам, строящим свои планы на ничем необоснованных измышлениях. Таким образом, уже здесь Сен-Симон как бы намечает тот план построения научной философии, который затем был усвоен позитивистской школой.

Сен-Симону принадлежит мысль *о трех стадиях развития человечества, идея обобщенного и систематизированного знания и указания на важность особой науки об обществе (социологии)*, которая должна заменить „произвольные построения политиков“.

В силу этого некоторые считают Сен-Симона родоначальником европейского позитивизма. Действительно, прав немецкий биограф Сен-Симона Мукле, который говорит: „можно без преувеличения сказать, что все руководящие социальные идеи Конта взяты у Сен-Симона, которому потомство до сих пор, еще не воздвигло надлежащего памятника“.

Что касается собственно науки, то в этой области главнейшей заслугой Сен-Симона является разграничение понятий *общества и государства*. Современная ему политическая жизнь с достаточной ясностью показала Сен-Симону, что форма правления не имеет того всеразрешающего значения, какое ей приписывали философы революционной эпохи. Общественное развитие, по учению Сен-Симона, подобно естествознанию имеет свои законы, которые должны быть открыты наукою для того, чтобы можно было предвидеть исторический ход развития общественных форм. Как сенсуалист, он, однако, продолжает еще сохранять старые представления о роли идей в истории, он верит в то, что изменения в общественной жизни обуславливаются интеллектуальным развитием человечества. Но им же впервые с полной определенностью выдвинута мысль о *зависимости общественного прогресса от изменений, совершающихся в сфере хозяйственных отношений*. В этом отношении Сен-Симон является провозвестником не только позднейшего *позитивизма*, но и, так называемого, *исторического материализма*. Сен-Симон стоит таким образом на точке зрения дуалистической школы. Но объяснение общественной эволюции, как явления, обуславливаемого изменением в материальных условиях общественной жизни, занимает в его мирозерцании центральное место. Базисом социального строя являются для него факты хозяйственной жизни и, прежде всего, определенные явления экономической жизни и техники. „Вот почему—как говорит Мукле—Сен-Симон принужден был считать политическую экономию, объектом которой служат хозяйственные отношения, основой политики“.

Идеи Сен-Симона, оставшиеся в его собственных трудах в незаконченном и неразвитом виде, были восприняты его учениками и изложены в собрании лекций, носящем название „Учение Сен-Симона“. Вдохнителем этих лекций был Анфантен, а изложение принадлежит, главным образом, Базару. Здесь подвергнуто жестокой критике современное состояние европейского общества, и признаются

принципы будущего более современного социального строя. Недостатки современного общественного порядка представляются сен-симонистам в значительной мере обусловленными хаотическим состоянием современной науки, уделяющей слишком много внимания частным областям естествознания и оставляющей почти без изучения само человеческое общество и управляющие им законы. Виной неудачи Великой Революции они считают независимость личности и свободное исследование, что вызвало анархию мнений. Тот же хаос наблюдается, по их мнению, и в промышленном мире. Они решительно восстают против распространенного в их время учения либералов о свободе; оно приводит только к торжеству немногих счастливых, к нищете масс и полной анархии в производстве.

Только господство науки может спасти общество. Нужно подчинить все проявления жизни одному господствующему принципу. Новая наука должна иметь характер религиозной системы. Новая наука, которая должна сделать возможным и новый общественный порядок, будет одним крупным планомерно ведомым и потому целесообразно пользующимся силами предприятием. Она подвергнет исследованию общественные законы и укажет различные формы в развитии общества. Это поможет людям пользоваться уроками истории и применять к жизни ее указания. Наука откроет нам, что человечество будет счастливо только тогда, когда на место существующей до сих пор эксплуатации человека человеком будет провозглашен принцип „всеобщей ассоциации“. „Всякому по способностям, всякой способности по ее делам“ — так формулировали сен-симонисты в своем „Учении“ основное положение будущего права. В трудах учеников уже довольно ясно отмечается антагонизм интересов. Они говорят о революции, которая покончит с эксплуатацией, основанной на праве собственности.

Для достижения нового порядка вещей необходимо прежде всего реформировать собственность; но сен-симонисты не были коммунистами. Они только желали „преобразовать“ ее и „отменить“ уже отжившие права собственности. Так как собственность есть основа неравенства, так как она служит источником эксплуатации, то необходимо чтобы собственность стала достоянием тех, кто имеет на нее право по своей способности к мирному труду. Всякую же передачу собственности по праву рождения, т. е. по наследству, также нужно отменить. „Устами Сен-Симона, го

ворит Базар, человечество провозглашает: „нет более наследства“. Здесь мы видим попытку систематизации и дальнейшего развития идей Сен-Симона в их приложении к вопросам практической политики. Особенно интересно развивают сен-симонисты учение своего главы о различных формах исторического процесса. По их мнению, в истории замечается смена так называемых органических эпох эпохами критическими и обратно. Под первыми понимаются эпохи, которые характеризуются общепризнанным авторитетом известных идей и общей работой для одной определенной цели. Напротив, критические эпохи характеризуются разрушением старых авторитетов и традиций, исчезновением общности чувств и мыслей, распадом общественного целого и заменой его толпою индивидуумов, из которых каждый преследует только свои интересы. Переживаемая Европой стадия общественного развития представлялась им эпохой критической, которая должна была смениться более устойчивой органической эпохой индустриализма. Как на симптом приближения новой органической эпохи, Базар указывает на широкое распространение банковых предприятий, которые являются посредниками между работниками, нуждающимися в капитале, и владельцами капитала, не желающими почему-либо его эксплуатировать. Эти банки должны только перейти от частных лиц, преследующих свои личные цели, в руки общества для того, чтобы обнаружилась во всем своем значении социально-реформаторская роль такого рода учреждений. Базар возлагает громадные надежды на эту реформу банков. Ему кажется, что такая реформа избавит промышленность от кризисов, гармонизирует отдельные отрасли труда, обеспечит свободу личности, не создавая, вместе с тем, социального неравенства, и т. д.

Но для того, чтобы человек приспособился к новым условиям жизни, он должен быть соответствующим образом воспитан. Отсюда вообще вытекают заботы о воспитании детей, которым сен-симонисты в своем „Учении“ уделяли довольно много места. К этой же цели должны быть направлены и законодательство и религиозная проповедь, соединенная с культом. В „Учении“ подробно развивается также тот догмат „нового христианства“, который отличает его от старой религии,—это, необходимость отказаться от противопоставления духа и материи. Дух и материя представляют не две различных субстанции, а только „два вида одного и того же бытия“.

Вся нравственность должна быть основана на любви. „Любовь — так преподается в „Учении“ — это жизнь в самом единстве. Понимание, сила — только виды ее проявления. Люди, у которых любовь есть господствующее чувство, естественно должны быть начальниками общества, и так как любовь обнимает в одно время и конечное, и бесконечное, и так как она ищет Бога и найдет его в будущем, то отсюда следует, что начальниками общества могут быть только представители религии, священники“. Социальный священник представляется в „Учении“, как „живой закон“, определяющий и мораль, и право общества.

Здесь заметна уже тенденция понять индустриальный строй исключительно как строй, который требует от людей прежде всего участия в производительном труде. Идеал индустриализма заставляет сен-симонистов склоняться к такому толкованию слова „промышленник“, при котором оно должно было бы совпадать со словом: непосредственный производитель, рабочий.

Таким образом, идея классовой борьбы, оставшаяся у ее основоположника Сен-Симона нераскрытой во всем своем содержании, находит себе у его учеников более ясное выражение. Для них передовым классом, несущим с собой новый общественный порядок, является уже не класс индустриалов, охватывающий как представителей труда, так и представителей капитала, а только класс рабочих, „единственно производительный класс общества“.

Этим сен-симонизм еще более, чем сам Сен-Симон, определил дорогу последующего марксизма, заимствовавшего во французском утопическом социализме ряд основных историко-философских положений.

Та сторона учения Сен-Симона, которая теснейшим образом была связана с задачами общественной борьбы и которая сделала имя Сен-Симона бессмертным, была усвоена не философами, а практическими деятелями социалистического движения, наиболее яркими представителями которого являются два основателя Сен-Симонистской церкви — Базар и Анфантен. Кроме них, среди сен-симонистов выделились: Бюшез, Оленд Родриг, Галеви, Адольф Бланки, Арман Каррель, Огюст Конт и некоторые другие.

Сен-симонисты и сен-симонизм.

Сен-Аман Базар (род. в 1791 г.) выступил на поприще общественной борьбы в эпоху Реставрации. Политехник по образованию, он был одним из деятелей тайного общества „карбонаров“, стремившегося низвергнуть Бурбонов, как власть, навязанную Франции иностранцами. Каких-либо определенных политических идеалов у этого общества не было: оно хотело только предоставить Франции самой решать о своей форме правления. Вожди общества были раскрыты и преданы суду, который приговорил их к смертной казни. Базару удалось во-время бежать. И лишь в середине 1820-х годов он мог вернуться на родину и здесь совершенно случайно сошелся с учениками Сен-Симона, незадолго перед этим умершего. Базару показалось, что именно в учении Сен-Симона он может найти то, что он так долго искал. Он увлекся основными идеями Сен-Симона и пытался развить их в систему. Базар внес в сен-симонистское движение *революционные* стремления и старался направить его по *широкому пути открытой практической деятельности и общественной борьбы*. Когда в школу сен-симонистов вступил целый ряд воодушевленных новой идеей представителей образованного общества, во главе этого братства, проповедывавшего новую религию с новым культом и издававшего журнал „Producteur“, поставлены были два „верховных отца“. Одним из них был Базар, читавший в 1829 г. публичные лекции, в которых систематизировались идеи Сен-Симона. Однако, вскоре разойдясь с братством во взглядах, он ушел совсем из него.

Базар придавал громадное значение антагонизму имущих и бедных, который он считал источником социальных бедствий. Этот антагонизм являлся результатом отсутствия общего плана в промышленной деятельности и наличности вредящей всем конкуренции. Для уничтожения антагонизма необходимо сосредоточить все существующее имущество в руках целого общества и распределить его между всеми на началах равенства. Переходную ступенью к этому является уничтожение прав наследования. В итоге государство, сосредоточив все материальные блага в своих руках, распределит их на основании принципа: „каждому по его способностям“, „каждой способности по ее работе“. Промышлен-

ность же будет вестись ассоциациями рабочих, сообща владеющих средствами производства.

Другим „верховным отцом“ общины был Анфантен, вдохновенный пророк, считавший себя Мессией новой религии.

Барфоломей-Проспер Анфантен (1788—1864) родился в Париже в семье банкира и сам в молодости принимал участие в банкирской деятельности, примкнул к учению Сен-Симона в начале 1820-х годов. После смерти Сен-Симона он стал, вместе с Базаром, во главе новой школы. Анфантен не только развивал основные научные положения сен-симонизма, но тщательно разрабатывал также догматы и вопросы культа, характеризовавшие новую религию. Он вместе с другими сен-симонистами открыл в 1828 г. курс лекций в своем общинном помещении на улице Тараньи. Они имели необычайный успех и печатались в сен-симонистском журнале „Organisateur“. Здесь охватывалась вся сумма человеческого мировоззрения, от искусства и религии до законов и экономики. В братстве под управлением Анфантена царил строгая, но не стеснявшая особенно личности дисциплина. Женщины принимали участие во всех проявлениях общинной жизни наравне с мужчинами. Таковы были заветы самого Сен-Симона. Анфантен пришел даже к той мысли, что для полноты совершенства в братстве должно быть отведено первенствующее место не только „верховному отцу“, но одновременно и „верховой матери“. По его предложению начались поиски женщины, которая могла бы, на ряду с ним, занять место главы школы, быть тоже Мессией „нового христианства“. Несмотря на все поиски, такой женщины, однако, не находилось.

Расцвет сен-симонистского братства продолжался, однако, недолго. В широких кругах общества создалась о нем весьма нелестная слава. Увлечение сен-симонистов новым культом, странные церемонии, в связи с необычною проповедью казавшихся сумасбродными идей—вызывали в публике насмешки и всевозможные преувеличенные толки. Проповедь новой свободной любви и поведение некоторых членов общины рассматривались как оскорбление нравственности. К тому же денежные дела братства сильно пошатнулись, и ему грозило банкротство. Попытка перейти от проповеди к практическому осуществлению экономического идеала, выразившаяся в организации рабочих ассоциаций, потерпела фиаско и дала только убыток. Судебный процесс, начатый

против братства по обвинению его в нарушении закона о союзах, в возбуждении ненависти к согражданам и в оскорблении нравов, довершил дело. Вожаки были приговорены к заключению. Сам Анфантен впоследствии снова вернулся к частной жизни и занялся торговлей. Он умер 31 мая 1864 года.

Главное сочинение Анфантена представляет собою ряд статей, помещавшихся в „Глобе“. Здесь излагались важнейшие экономические доктрины сен-симонизма: учение об эксплуатации неимущих собственниками, теория социального антагонизма, проект национального банка и учение о налоге за наследство. Нравственным проблемам посвящено большое сочинение Анфантена „Нравственность“, осужденное уголовным судом. Кроме того, им написано несколько брошюр.

Русская литература о Сен-Симоне не богата. Сочинения его переведены не полностью, вышли только: в серии „Родонадальники позитивизма“. (Сен-Симон и О. Конт)—„Катехизис промышленников“ и под ред. В. В. Святловского—„Сочинения Сен-Симона“, т. I, СПб., 1912 г. (изд. „Всеобщей библиотеки“); там же предисловие В. В. Святловского—„Сен-Симон“. Также статьи: Э. Чечерина—„Сен-Симон и его школа“, в журн. „Вопросы философии и истории“ за 1901 г., кн. 60, и Р. Виппера—„Социальная философия Сен-Симона“, в журн. „Мир Божий“ за 1901 г., кн. 12.

Г Л А В А VIII.

Шарль Фурье.

I.

Вскоре после Сен-Симона на общественном горизонте Франции, привлекавшей и тогда внимание всей Европы, появился новый „учитель и пророк“—Франсуа-Мари-Шарль Фурье (1772—1837). Он выдвигался очень медленно, был труден для понимания; самоучка, бедняк и оригинал Фурье был принят многими за помешанного мечтателя.

Так же, как Сен-Симон, Фурье представлял собою пламенную, необычайно даровитую, совершенно исключительную натуру; это гений, не укладывающийся в условные и общепринятые рамки, прозорливый и хаотичный, долго считавшийся безумным и непонятным. Фанатичная вера в себя, как в Мессию нового социального строя, оригинальность воззрений и глубокомыслие едкой критики пробили, в конце концов, лед общего невнимания и вынудили заинтересоваться новым „пророком“. Идеи Фурье начали увлекать тех, кто ими интересовался. Образовался кружок друзей и последователей, которых сплотило опубликование „Земледельческой домашней ассоциации“,—основного труда Фурье. В 1825 г. группа „друзей“ была немногочисленна, но состояла из лиц выдающихся и талантливых. Впереди других—знаменитый впоследствии Виктор Консидеран, автор ряда первоклассных сочинений, писательница Кларисса Вигуре, фабрикант Годэн, получивший вскоре своим „Фаланстером“ мировую известность, блестящий Мюирон и некоторые другие. Через несколько лет к группе примкнули несколько сен-симонистов во главе с Ле-Шевалье и Трансоном. С начала 1830-ых годов они начали издавать первый фурьеристский журнал „Фаланстер“, а несколько позднее организовали особые курсы для пропаганды идей своего учителя.

Это был новый вариант крайне *либерального утопического социализма*, с некоторым анархистским оттенком, лишенный всякой революционности, коммунизма и идеализации бедности и пролетарских слоев населения. Крайне гедонистические по замыслу, реальные по сути и фантастические по внешней форме идеи Фурье оказались с течением времени в значительной мере вполне осуществимыми, так как вполне совпадали с общим направлением той европейской цивилизации, которую хотел в корень разрушить и перестроить на новых основаниях ее суровый критик Фурье. *Фурьеризм*, таким образом, представлял собою двойственное учение — во многом практически вполне осуществимое и во многом несбыточное своим стремлением коренного преобразования всех основ европейской культуры. Но пока это было понято, „новое слово“ Фурье вытеснило увлечение сен-симонизмом. С конца 1830-ых годов, особенно после смерти Фурье (1837) и до революционного подъема 1848 года, фурьеризм имел максимальное развитие. Из Франции, где число „учеников“ насчитывалось свыше 3¹/₂ тысяч, в том числе будущий император Луи Бонапарт, фурьеризм распространился по всей Европе, не исключая России, где печальная участь группы ни в чем неповинных петрашевцев ярко озарила темный произвол николаевской реакции. И когда фурьеризм в узком смысле, фурьеризм, как школа или сектантское учение, сошел со сцены, а написавшие фурьеристские журналы „Фаланга“ и „Фаланстер“ прекратились, идеи Фурье продолжали жить и в широко развившемся кооперативном движении, и в разного рода стремлениях построения социального строя с гарантией минимума благ (Лимузен, Ипполит Дэстрем, Секретан, Брисбен), и в не прекращавшихся попытках осуществления на практике „социетарного“ строя, как сам Фурье называл свою систему.

Биография Фурье, как и биография Сен-Симона, заслуживает особого внимания. Хотя сведения о жизни этого скромного и тихого человека очень скудны, но и то, что о нем известно, позволяет различить контуры одного из оригинальнейших профилей первой половины XIX века.

Франсуа-Мари-Шарль Фурье, младший ребенок и единственный сын зажиточного торговца, родился 7 апреля 1772 г. в провинциальном французском городке Безансоне. Все официальное образование болезненного ребенка све-

лось к пребыванию до 12 лет в школе, где он увлекался естествознанием. Но зато он дальше приобретает колоссальные познания путем энергичного и разностороннего самообразования. Гениальный самоучка ряд лет поглощает громадные количества книг по анатомии, физике и естественной истории. Он внимательно изучает географию, штудирует Платона, Ньютона и Лейбница. В то же время он обнаруживает сильную волю и доведенную до болезненной крайности честность, напоминающую честность древнего Аристида. С такими наклонностями Фурье вынуждается семьею идти за прилавок. Получается никуда негодный приказчик, притом в ту эпоху, когда торговля особенно была далека от этических начал, а положение приказчиков немногим возвышалось над бессловесной челядью. Фурье остался на всю жизнь приказчиком и коммивояжером, „слугою лабазника“, как он себя называет, самоучкою, читавшим урывками в читальнях и библиотеках, бедняком-чудаком, всю жизнь не знавшим семьи.

Занятие торговлею было для Фурье истинным мучением. После ряда неудачных попыток он поступает, наконец, к одному купцу в Лионе, в центре тогдашней торговли и промышленности. В итоге Фурье становится заклятым врагом именно торговли, которая представляется ему наиболее важным злом современной ему цивилизации. Политико-экономические и этические соображения создают твердое обоснование его неуклонному стремлению уничтожить в будущем строе самую систему товарных посредников.

О чувствах, волновавших его в те годы, Фурье сам красноречиво повествует в следующих выражениях: „Разоблачить все интриги биржи и маклеров—значит предпринять один из подвигов Геркулеса. Я сомневаюсь, чтобы этот полубог, принимаясь за очистку авгиевых конюшен, претерпел столько отвращения, сколько испытываю я, роаясь в той клоаке нравственных нечистот, которая называется биржевым и маклерским притоном,—предмет, который не был даже задет наукою“.

В 1792 г. Фурье, получив от отца наследство, в 80 тыс. ливров, открывает в Лионе собственную торговлю, но самостоятельное хозяйничанье длится недолго. Обманываемый со всех сторон, он теряет все свое имущество при подавлении лионского восстания. Усмирители—войска Конвента—приговаривают Фурье к расстрелу, от которого наш неудачный коммерсант спасается только бегством. В том же году

Фурье берут в народное ополчение, где он проводит несколько месяцев, и отпускается только по своему болезненному состоянию. Затем вновь попадает в приказчики к одному хлебному торговцу в г. Марсели. Однажды его патрон—дело было в голодном 1794 г.—выбросил, чтобы поддержать цены на подобающей высоте, целую партию риса в море. Этот случай жестокосердного уничтожения полезного для народной массы продукта произвел на Фурье неизгладимое впечатление. Его отвращение к торговой деятельности превратилось в гневную ненависть; он еще более укрепился в мнении о вреде класса торговцев и торговли вообще.

После службы у хлеботорговца Фурье нигде долго не оставался; он жил в Париже, путешествовал по Европе, был маклером в Лионе, затем пять лет провел в Швейцарии, пока, наконец, не приехал опять в Париж, где и прожил последние 10 лет своей жизни. В его переездах Лион сыграл особую роль. Здесь он впервые выступает на литературном поприще в местных журналах.

Сочинения Фурье. В декабре 1803 г. газета „Бюллетень города Лиона“ поместила статью Фурье по международной политике: „Континентальный триумvirат и вечный мир через 30 лет“. Статья наделала много шума, автором остались недовольны и общественное мнение, и Наполеон, воспротивший подобного рода выступления в прессе.

В этой статье, интересной по своему пророческому предвидению, Фурье обсуждал возможные условия умиротворения истрадавшей от войн Европы. Оно могло, по его мнению, наступить только после следующих политических комбинаций: подавления Пруссии, раздела Польши и раздела Австрии между Францией и Россией, вступающими после этого в войну из-за мировой гегемонии. Победитель захватывает Индию, ключ к владычеству Англии. В итоге последняя покоряется, чем уничтожается и ненавистный для Фурье „очаг коммерческой низости“.

В 1808 г. в Лионе Фурье издает свое первое фундаментальное сочинение „Теория четырех движений“, содержащее его „Теодицею“ и основные взгляды на недостатки цивилизации и наук, ею созданных. Книга эта, поглотив остатки средств, не имела никакого успеха. О ней вспомнили лишь по смерти Фурье (в 1837 г.) и переиздали вторично в 1841 году.

В 1812 г. Фурье получил от матери наследство, дававшее ему 900 франков ренты в год. Это дало ему возможность

заняться только писанием. После пятилетней подготовки он выпустил (в 1822 г.) „Трактат о домашней и земледельческой ассоциации“. Эта двухтомная книжка, вновь излагавшая его основные идеи, приобрела ему друзей. Она также после смерти автора была переиздана под новым заглавием: „Теория универсального единства“ (3 т., 1838). В нее вошли добавления, позже написанные Фурье.

В 1828 г. Фурье выпустил труд: „Новый промышленный и социетарный мир“,—сочинение, опять излагающее те же основные взгляды Фурье, но на этот раз настолько более ясно законченное, что один из фурьеристов считал эту книгу „квинт-эссенцией теорий Фурье“.

За год до смерти великого утописта вышло и последнее из крупных сочинений Фурье: „Ложная промышленность“ (2 т., 1835—1836)—трактат, мало удачный и ничего нового не внесший.

Кроме названных сочинений, перу Фурье принадлежал еще ряд статей и заметок, а также при жизни ненапечатанных рукописей; все это было позднее издано его единомышленниками. Так, появились „Манускрипты“ (Париж, 1851 г.) и статьи в „Фаланге“ за 1845—1850 годы, а также несколько изданий его сочинений. Один из последних редакторов „Избранных сочинений Фурье“ проф. Ш. Жид говорит: „Вид этих огромных томов, без оглавления, без нумерации страниц, это намеренное отсутствие всякого плана, которое он гордо именует „рассеянным порядком“, и которое было бы правильнее назвать „порядком несвязности“, эти названия глав и отделов, состоящие под рубрикою „Прямого стержня“, „Обратного стержня“, „Интермедии“, это „Введение“, помещаемое в самом конце книги, эти страницы с доказательствами, которые обрываются или изменяются ни с того, ни с сего и которые имеют вид, будто наборщик в беспорядке вылил на них весь имевшийся у него под руками шрифт, эти „иксы“ и „игреки“, которые пляшут какой-то дикий танец и которые стоят то прямо, то косо, то кверху ногами—все это производит впечатление какой-то тарабарщины, черной и белой магии из весьма отдаленных, сказочных времен“.

Некоторым облегчением чтения его сочинений является тождественность содержания его произведений. В каждом из них повторяются основоположения его системы, и совершенно прав проф. Жид, утверждая, что „кто прочел хотя бы, один том, особенно его „Домаш-

ную и земледельческую ассоциацию“, тот прочел всего Фурье.

„Системы“ и „учения“ у Фурье все же нет; их приходится реконструировать, как современные архитекторы воссоздают Акрополь по его развалинам. Это не мешает Фурье быть о себе чрезвычайно высокого мнения; тут самомнение граничит с маниакальностью¹⁾.

Фурье пишет и издает свои сочинения в полном духовном одиночестве. В 1825 г. к нему примыкает первый последователь—глухой чиновник Жюст Мюирон, давший ему средства на издание трактата 1828 г.; затем постепенно около Фурье начинает группироваться парижская интеллигенция. Среди них выделяются Греа, Кларисса Вигуре, Годэн, Виктор Консидеран, впоследствии вождь французских фурьеристов, еще при жизни учителя ставший во главе кружков его последователей.

С 1832 г. возникают фурьеристские журналы; в первых из них сотрудничает и сам Фурье.

Фурье выступает и пишет, как особый, отмеченный свыше человек. Все проникает редкая вера в себя. Фурье считает себя Мессиею, пророком нового социально-философского строя. В связи со стремлением все радикально реформировать создается неудержимый поток всяких проектов. Еще в молодости Фурье поглощен реформаторскими проектами, которые он подает и префекту, и депутатам, и правительству, всегда в надежде, что кто-либо из них поможет ему в их осуществлении. Список лиц, на которых Фурье возлагал свои упования, бесконечен. „Так, он по очереди пытался склонить на свою сторону Наполеона, французских депутатов, дворянство и духовенство Реставрации, Бурбонов, английских вельмож, которые были в ту пору заинтересованы оуэновским проектом ассоциаций в Нью-Ланарке, либералов, потом своих жесточайших противников—философов, Ротшильда, которому он рисовал в перспективе Иерусалимское царство, лорда Байрона, Жорж-Занд, а после июльской революции господ Лафита

¹⁾ „Я один—пишет он—вычеркнул двадцать столетий политического эгоизма, и все настоящие и будущие поколения обязаны своим огромным счастьем лишь мне одному... Обладая книтою судьб, я пришел, чтобы рассеять политический и моральный мрак и на развалинах недостоверных наук я воздвигаю теорию всемирной гармонии: Exegi monumentum aere perennius!“ (Фурье, „Теория четырех движений“. Эпилог).

и Тьера, эмигрантов-поляков и т. д. Наконец, он пытался сойтись с сен-симонистами, особенно с Анфантенем. Но все было безуспешно. Особенно огорчился Фурье неудачей с сен-симонистами, заимствовавшими у него некоторые идеи. Обиженный Фурье пишет против них злой полемический памфлет.

Но, несмотря на все это, Фурье, как человек, полагавший возможным изменить социальный строй усилиями одного миллионера или императора, не терял надежды на осуществление своих идей каким-либо должностным появиться в один прекрасный день „кандидатом“. При этом Фурье насчитывал в различных странах Европы до 4 тысяч таких кандидатов, которые, по его мнению, могли осуществить его проекты. В одном из своих сочинений Фурье объявил даже приемные часы для „кандидатов“ и так был уверен, что подобное лицо появится, что, ежедневно, до самой смерти, в назначенное время поджидал его.

Фурье умер в Париже 9 октября 1837 г., 65 лет от роду.

Знакомство с идеями Фурье требует предварительного преодоления его лексикона; нужно раньше войти в смысл его выражений, чтобы понять скрытую в них мысль. Вообще язык Фурье своеобразен, он вводит множество новых слов, терминов и выражений. Тут—„анти-львы“, „анти-акулы“. „аромальные“ и „пивотальные“ (свойства), (страсти): „папильоны“, „кабалисты“, „композицы“ и пр., „фаланги“ и „фаланстеры“, „орды“, „группы“ и „серии“, „ядро простое“, „ядро сложное“, „стержень“, „противовес“, „тон“ и т. д. Система будущего общества—гармонизм, подготовительная и переходная к ней эпоха—гарантизм.

Общее мировоззрение Фурье следующее. Мир покоится на трех вечных началах: божестве или духе, материи и справедливости, выливающейся в математические законы. Эти три начала, „три принципа“—активный, пассивный, и регулирующий. По аналогии со вселенной функционирует и человек, три начала о потребности человека—дух (активный), тело или материя (пассивный), интеллект (регулирующий принцип). Между всем этим полная гармония, нарушаемая только тогда, когда потребности не могут быть обнаружены или удовлетворены. Виной этого—плохая организация общества. А так как человек создан для счастья, которое состоит в полном удовлетворении его потребностей,

а между тем современный строй этого не дает, то поэтому весь строй общества должен быть так реформирован, чтобы человек мог наслаждаться всем, чем он пожелает. Все потребности, вместе взятые, заставляют человека стремиться к здоровью, богатству и комфорту. По Фурье, это стремление осуществляется удовлетворением как ряда чувственных, так равно и духовных потребностей, которые он группирует в девять категорий. Кроме них имеются еще три особенных сдерживающих потребности, как бы доминирующие над другими. Это *кабалист*—стремление к об'единению в своей деятельности с другими, *альтернат* или *напильон*—стремление к разнообразию в деятельности, и *комюзит*—стремление к энтузиазму и высшим идеалам.

Удовлетворив все свои потребности, люди достигнут значительной продолжительности жизни, при которой однобрачие станет и бессмыслицею, и тормазом к удовлетворению чувственных потребностей. Между тем мир, по Фурье, именно и создан, чтобы человек при жизни отдавался любви. Даже по смерти, переходя с планеты на планету, человек неизменно стремится к личному счастью. Каждая планета, рождаясь, имеет свою фазу развития, как и все человечество.

Человечеству суждено прожить на земле 80 тысяч лет в 4-х неравных фазах, делящихся на 32 периода развития. Четырьмя фазами—детства, развития, упадка и дряхлости—заканчивается жизнь не только человечества, но и земного шара. В XIX веке человечество заканчивает первую фазу и пятый период развития; между тем, самая интересная вторая фаза, а в ней восьмой период. Этот период—заря истинного счастья, начало переворота как социального, так и космического. „Страстные влечения“ людей найдут себе в эту эпоху наиболее полное выражение.

Когда весь земной шар покроется фалангами, то их всех окажется 2 миллиона с 4 миллиардами населения. Константинополь тогда превратится в центр мира с „омниархом во главе“; вообще во главе фаланг, их групп и федераций стоят различные „монархи“, повелители демокративного типа.

II.

Центральным местом доктрины Фурье является „теория страстного влечения“. Современная цивилизация стоит на ложном пути, так что человечество стеснено в проявлении своих страстей. Только тот строй будет правилен, в кото-

ром будет дан полный выход всем страстным влечениям, этой основе человеческой природы. Влечения—от Бога; кто хочет знать намерения Бога—должен изучать влечения, т. е. самую природу.

Законы страстного влечения согласны с законом притяжения материи, а отсюда уже, как вывод, следует „сходство четырех движений: материального, органического, животного и общественного, или сходство видоизменений материй с математической теорией страстей человека и животных“. Страсти—не что иное, как „указания нашей деятельности“, истолкование видов промысла. Страсти побуждают к деятельности. Только тот, кто следует своим природным страстям, будет всем доволен и вполне счастлив. Организация удовлетворения страстей и есть единственный правильный социальный строй.

В страстях имеются свой порядок и своя система, свои соответствия, а именно:

Звуки.	Страсти.	Цвета.	Процессы.	Формы.	Металлы.
Ut	Дружба	Лиловый	Сложение	Круг	Железо
Mi	Любовь	Голубой	Деление	Эллипс	Олово
Sol	Самолюбие	Желтый	Вычитание	Парабола	Свинец
Si	Честолюбие	Красный	Умножение	Гипербола	Медь
Re	Страсть к интриге	Индиго	Прогрессия	Спираль	Серебро
Fa	Непостоянство	Зеленый	Пропорция	Квадратура	Платина
La	Энтузиазм	Оранжевый	Логарифм	Логарифмирование	Золото
Ut	Единство	Белый	Циклоида	Меркурий	Ртуть

Между ними тесная зависимость и соотношение. Всех „главных“ страстей 12; путем их комбинации получается 810 различных характеров, которые Фурье называет „плавной клавиатурой характеров“.

Так как, по Фурье, необходимо действовать согласно страстям, то в гармонии страстей—счастье каждого отдельного человека и всего человечества. Наша цивилизация, по Фурье, только переходный период. Дать господство гармоническому действию страстей, говорит Фурье, предназначено будущему гармоническому порядку, „гармонизму“, который будет следовать за периодом цивилизации. Этот новый порядок Фурье осуществится „земледельческой ассоциацией“. Фурье энергично доказывает выгоду крупной ассоциации для промышленности и земледелия; так, напр., он говорит: „Триста поселян, соединившись в ассоциацию, имели бы один прекрасный сарай, вместо трехсот никуда негодных, имели бы одно хорошее заведение для зыделки вина, вместо трехсот плохих; в разных случаях, особенно летом, они

разводили бы три или четыре очага вместо трехсот; они посылали бы в город только одну молочницу с бочкою молока, привешенной на рессорах, вследствие чего они имели бы экономию ста полудней, теряемых ста молочницами, которые несут в город по кувшину молока“.

Осуществление на практике идеала „земледельческой ассоциации“ зависит от первого удачного опыта. Его успех — залог всему. Тогда все увидят превосходство „земледельческой ассоциации“ над существующим порядком вещей и все вступят в ассоциацию. Этому поможет и страсть к богатству и удовольствиям, которые будет доставлять ассоциация своим членам; в ассоциацию войдут и богатые, и бедные, так как страсти у них одни и те же.

Ассоциацию, обрабатывающую какой-либо участок, Фурье называет *фалангой*. Фаланга, состоящая приблизительно из 1600 человек, будет разделена на 16 *триб*, которые делятся на *хоры*, хор мужской и хор женский. Каждая триба имеет определенное количество человек, соединяющихся в трибы сообразно своим наклонностям, характеру и т. п. Но кроме этого деления в фаланге будет существовать еще и деление на группы и *страстные серии*. „Страстная серия — говорит Фурье — есть союз, соединение различных небольших корпораций или групп, из которых в каждой господствует какой-нибудь вид одной и той же страсти, которая, следовательно, составляет общую, родовую страсть для целой серии. Двадцать групп, возделывающих двадцать сортов роз, образуют родовую серию розистов, и видовые серии бело-розистов, махрово-розистов. Таков единственный рычаг, применяемый в ассоциации“.

Рабочие группы и серии — вот основа социального здания социетарного строя. Они заменяют собою жизнь „в одиночку“ и „семьями“ и необходимы для создания и укрепления уз общности.

„В каждой многочисленной ассоциации надо разбить участников на группы, однородные по своим вкусам и наклонностям, и присоединить эти группы к сериям“. В них будет действовать, главным образом, игра трех важнейших страстей, а именно: ревнивые интриги и соперничества (кабалист), частые и обычные смены функций (папильон) и порыв к труду, общий энтузиазм (комполит). Входя и выходя из групп и серий, каждый развивает различные свои страсти и наклонности, а кратковременность рабочих сеансов допускает разнообразие в связях деловых и дружеских.

В итоге достигается „идеальная гармония и единение, при которых личный эгоизм и интересы растворяются в общем единении масс“. Работа серий организуется так, чтобы создать *привлекательность* труда, что достигается рядом способов, между прочим, частой сменой видов труда, участием в прибылях, изяществом и чистотой мастерских, разделением труда, удачным распределением работы, гарантией минимума, избавляющей от забот о себе и ближних, и т. д.

Привлекательность труда, неравенство и участие в сериях лучше всего осуществляются при организации фаланги, ассоциации в 1500—1600 человек, владеющих площадью в одну квадратную милю. „Здание, в котором живет фаланга, не похоже ни на одну из наших построек, ни городских, ни сельских, ни Версальский дворец, ни монастырь Эскуриал“.

„Жилища, поля, плантации и конюшни фаланги, работающей сериями, также должны значительно отличаться от наших сел и деревень, где живут люди, несвязанные никакой ассоциацией и работающие в разброд: вместо беспорядочного хаоса жалких домишек, превосходящих друг друга грязью и бесформенностью, фаланга строит правильное здание, расположенное приблизительно следующим образом. Центральная часть дворца или фаланстера предназначается для бесшумных, требующих покоя функций—для столовых, биржевых и иных собраний, библиотеки, научных занятий и проч. В этом центре находятся: храм, башня порядка, телеграф, почтовые голуби, колокола для торжественных церемоний, обсерватория, крытый зимний сад, расположенный позади главного подъезда двора. В одном крыле здания должны быть сосредоточены все мастерские, работающие с шумом, как, напр., кузница, столярная, слесарная, там же должны быть расположены и все детские мастерские, так как дети очень любят шум не только в работе, но даже в музыке“. „В другом крыле должен быть устроен „каравансарай“ (гостиница); там расположены бальные залы и помещения для приезжающих“.

Здания сообщаются между собою или мощеными подземными ходами, или крытыми улицами-галлереями, отапливаемыми зимою и вентилируемыми летом. Улицы-галлереи или перистиль устраиваются на высоте первого этажа, чтобы не мешать уличному движению.

Население фаланстера будет питаться из 4 или 5 очагов, соответственно подразделению гармонистов фаланстеры

на столько же классов по благосостоянию. Главное занятие фаланстера — плодоводство и огородничество, ското- и птицеводство и вообще земледелие. Промышленные занятия на втором плане, каждая работа длится не более полутора часов и сменяется отдыхом или другой работой. Каждый человек ежедневно занят от 8 до 10 часов приятной, разнообразной и отвечающей его вкусам и склонностям работой, выполнение которой дает ему одно наслаждение.

Большую часть тяжелой и неприятной работы охотно исполняют дети в возрасте от 5 до 15 лет, которые организуются в „маленькие орды“. Эти орды делятся на три класса. Первый класс удаляет грязь, чистит улицы и канавки, устраняет кухонные и мясные отбросы. Второй выполняет опасные работы, преследует гадов, убивает мелких хищников и т. д. Третий является резервом. Этим путем воспитывается альтруизм и самоотверженность, за которые „орды“ получают высокие общественные моральные награды.

Вообще вопрос о воспитании детей занимает в фаланстере серьезное и важное место, и этому вопросу Фурье уделяет много внимания. Он предупредил ряд идей, развитых впоследствии и педагогами, и апостолами детской самодеятельности и организации. Многие принципы бойскаутизма нашего времени были намечены в воспитательных идеях Фурье.

Вся воспитательная система Фурье основана на свободном развитии чувств и влечений, на конкуренции и соревновании. В ней нет места принуждению и наказаниям.

Вообще новый социальный порядок должен всецело покоиться на свободном влечении, поэтому Фурье не допускает никакого *принуждения*. „Все, что держится на принуждении, не прочно и обнаруживает отсутствие ума“, — говорит он, и поэтому в его системе нигде нет элементов принудительной власти. Его строю чужды и правительство, и законодательство, и авторитет вообще. В то же время Фурье очень высоко ценит симметрию и порядок, они у него во всем и везде.

Пути осуществления нового строя одни — *заразительность первого удачного примера*. Отсюда *отрицательное отношение Фурье к революции*. При этом Фурье консерватор в политике, в религии и в экономике. Он даже не республиканец, а монархист, он против коммунизма и за сохранение права собственности и права наследования.

Неравенство между людьми, наличие бедности и богатства, по мнению Фурье, вполне естественно; оно „входит в план Творца“, и все попытки уравнивать богатства заранее обречены на неудачу. В фаланстере также сохраняется неравенство имущества: каждый член фаланги владеет своим собственным достоянием.

Фурье никогда не обращается к трудящимся классам, к бедноте, а только к богатым. Он хочет их сделать еще богаче. Вообще все должны быть, по Фурье, богатыми, очень богатыми. Новый гармонический строй должен сделать все человечество необычайно богатым, все будут утопать в избытке и роскоши. Особенно еда будет обильна и разнообразна, удовольствия — многочисленны, сильны и беспрерывны.

Свой взгляд на *собственность* Фурье точно определил в письме к своему ученику Макрону после посещения собрания сен-симонистов. „Их догматы — говорит он — неприемлемы и чудовищны: проповедывать в XIX веке уничтожение собственности и прав наследования это столь нелепо, что остается только пожать плечами!“

Фаланстер Фурье — не коммунистическое учреждение; здесь, к тому же, не спят в общих спальнях и не едят из общего котла. Это скорее громадные пансион-гостиницы с общими залами для бесед, обедов и развлечений, но и с отдельными помещениями для желающих жить и есть изолированно. В фаланстере помещения и стол на всякую цену с особым столом для больных и детей.

К такой гостинице - пансиону Фурье присоединяет коллективные, промышленные и сельско-хозяйственные предприятия, при чем участники работают на тех же основаниях, что и в акционерных обществах. Каждый получает доходы пропорционально своему вступительному взносу или сбережениям, им сделанным в фаланстере. Правда, частная собственность в фалангах постепенно преобразуется в коллективную, но все же основы строя в фаланстере чисто-буржуазные. При этом Фурье довольно непоследовательно мечтает дать каждому в фаланстере известный „скромный, но вполне приличный минимум в пище, одежде и развлечениях“. Этот минимум будет даже получаться без всякой компенсации, даже без каких-либо обязательств со стороны „гармониста“. В этом, по его мнению, и состоит основное различие между старым строем, где существует баланс между приходом и расходом, правами и обязанностями, и

новым, где этого нет, и все основано на влечении и привлекательности труда.

Системы солериата в фаланстере тоже не будет; вместо оплаты труда—система участия в прибылях.

Так как основное социальное зло, по Фурье, заключается в общей бедности, в недостатке богатств, то целью реформы должно быть увеличение их производства, в изменении самой организации производительных сил.

Дело, таким образом, не в неравенстве или наличности бедных; а в общем массовом подеме благосостояния. Оно достигается не индустриальным, а тем сельско-хозяйственным производством, которое ведется в широком масштабе и отдает предпочтение не зерновому хозяйству, а плодоводству и огородничеству. При этом проводится с невозможной полнотой принцип разделения труда, а во избежание излишеств специализации он смягчается частой переменою родов труда. Массовое потребление и уничтожение всякого посредничества—все это путем организации разного рода ассоциаций—значительно удешевит жизнь и сделает возможным массовое обогащение.

Вместе с тем, реформируется и духовная жизнь. Во-первых, в фаланстере изменятся *отношения между полами*. „Расширение прав женщин является главным основанием всякого социального прогресса“,—говорит Фурье.

„Женщины должны взяться за освободительную деятельность, стать спартаками в политике, употребить весь свой гений на то, чтобы как-нибудь вывести свой пол из состояния порабощения. На женщинах лежит весь гнет цивилизации; женщины и должны были первыми вступить в борьбу с нею. Какова теперь их жизнь? Она составлена из одних лишений даже в области труда, где все заполнено мужчинами, а женщинам приходится заниматься тяжелыми полевыми работами. Разве не скандально видеть, как тридцатилетние атлеты сидят перед своими бюро, держа в огромных ручищах чашечку кофе в то время, как женщины изнывают от непосильного физического труда; разве мало женщин и детей, которые могли бы заменить мужчин в легком конторском и хозяйственном труде?“

„Каковы источники существования женщин, лишенных состояния? Ткацкий станок или собственная красота, если таковая имеется, да проституция, более или менее замаскированная,—вот их единственный ресурс, и то отнимаемый у них философией, вот омерзительная участь, которая уго-

тована им этой цивилизацией, этим рабством брака, от которого они и не пытаются освободиться“.

Социальный прогресс и смена периодов развития происходят на почве прогрессивного раскрепощения женщин, а регресс и упадок социального строя на почве закрепощения. „Вот—говорит Фурье—общая формула. Конечно, другие факторы влияют на перемены, но ни один так, как судьба женщины. Достаточно нам завести у себя гаремы, чтобы вернуться к варварству, и достаточно закрыть гаремы, чтобы варвары перешли к цивилизации“.

В период гарантизма исчезнут все прежние брачные стеснения, развод станет вполне свободен, как и заключение брака. Женщина в фаланстере будет пользоваться полной свободой отдаваться, кому захочет и кого любит. Между тем, именно в фаланстере скромность, стыдливость и целомудрие будут в особом почете. „Весталат“—особое учреждение для девиц и юношей, создающее им особый почет и особые привилегии.

Фурье насчитывает несколько форм брака, а именно: ультрагамия, омнигамия и экстрогомия. Их смысл, в конечном счете, полная эмансипация женщины.

В этом смысле Фурье расходится со всеми другими утопистами, которые исповедывали единовременность женской эмансипации и коллективного хозяйства. Между тем, Фурье не коммунист, он и в фаланстере стоит за *неравенство* и за деление продуктов не поровну, но по заслугам или по труду, а пропорционально *труду, капиталу и таланту*, вложенным в общее дело.

Пропорции Фурье следующие:

$\frac{4}{12}$	продукта	идут капиталистам,
$\frac{5}{12}$	”	трудящимся и
$\frac{3}{12}$	”	представителям науки и техники.

Акции, выдаваемые участникам фаланги, взамен их взносов, по оценке всего собранного—земли, денег и вещей—распределяют между участниками фаланстера также пропорционально.

По мнению Фурье—привлекательность труда и условия его существования в социетарном строе постепенно привлекут всех на сторону его системы.

Фурье не считал, что хозяйственный труд по своему существу должен быть неприятен человеку. Наоборот, он

полагал, что при правильной организации строя труд должен превращаться в наслаждение; нужно только создать энтузиазм к труду.

Фурье считает, что новый феодализм—„промышленный, финансовый и торговый“,—не меньшее зло и притом зло для трудящихся, чем феодализм старого режима. Указывая на бедственное положение трудящихся классов, Фурье подвергает жестокой критике современную ему экономическую деятельность. Цивилизация не удовлетворяет — говорит Фурье—первому требованию, которое следует предъявить к хорошей организации,—требованию создания возможно большей суммы богатств“. Цивилизованное общество состоит, по его мнению, на две трети из непроизводительных элементов, т.-е. из паразитов, которым Фурье дает особый список. Значительная доля остальных жителей земли „хищные звери и дикари“, „варвары и головорезы“ и „цивилизованные воры, похваляющиеся своим превосходством и умножающим нищету и разврат“.

Отрицательно Фурье относится к биологическому размножению населения; он приверженец идей Мальтуса.

Положительная система, которую усиленно рекомендует Фурье,—это ассоциация. Здесь его фантазия особенно энергична и богата. Ассоциационные идеи Фурье не остались на бумаге, они с течением времени были осуществлены. В итоге от его мыслей возник могущественный толчок кооперативному движению. Фурье справедливо считается отцом кооперации.

Не менее важно его новое обоснование идеи „права на труд“, послужившей основой для многих социальных теорий последующего времени.

В общем Фурье очень своеобразный социалист, признающий многие буржуазные основоположения. Во всяком случае, в его экономической неопределенности ясна одна тенденция—ненависти к централизму и приверженность к федерации. В этом смысле Фурье сходен с Томпсоном и Роб. Оуэном, и отчасти с Евт. Дюрингом.

Фурьеризм распространялся при помощи двух фурьеристских журналов и сочинений последователей Фурье. Среди них особое место занял талантливый писатель Виктор Консидеран (1808—1893). Перу Консидерана, между прочим, принадлежит интересное сочинение: „Социальное предназначение“, 1843. С ним школа Фурье приобрела ряд новых последователей, отчасти сен-симонистского типа, напр., аббата

Лен.
Научная библиотека им. Гельвецкого

Трансона и Ле-Шевалье. Близок к Фурье был *Жюст Мюй-фон* (1787—1881), написавший свои „социальные преобразования“ еще в 1824 году, и *Ф. Видаль*, автор работы „Социальная экономия под влиянием паровой машины“, 1839. Из остальных фурьеристов обращают на себя внимание: поляки—*Ж. Чинский*: „Будущее рабочих“, 1839 и *Цетковский*: „Кредит и обращение“ 1839, *А. Туснель*: „Евреи, короли эпохи“, 1840, *Ипполит Рено*: „Солидарность“, 1842, *Брибен*: „Социальные предназначения человека“, 1846 и *Эннекен*: „Феодализм и ассоциация“, 1846. Фурьеристы произвели ряд опытов по практическому осуществлению его проектов. Опыты во Франции не удались. Несколько удачно было дело в Соединенных Штатах Северной Америки, где таких опытов известно до 30. Фаланга в штате Нью-Джерси просуществовала 12 лет и, в конце концов, распалась. Эти неудачи сильно охладили фурьеристов, людей чувства и фантазии, и большинство из них, утратив веру, ушло из школы.

С фурьеристами в России можно ознакомиться по литературе о русском фурьеристе *М. В. Бутаевиче-Петрашевиче* и кружке петрашевцев.

Идеи Фурье излагал также в „Современнике“ и „Отечественных Записках“ *В. А. Милютин*. Сторонником взглядов Фурье был наш знаменитый сатирик *М. Е. Салтыков-Щедрин* („Мелочи жизни“). Большое значение придавал Фурье *Н. Г. Чернышевский*, излагавший, между прочим, его учение о привлекательности труда. *Н. Г. Чернышевский* в своем знаменитом романе „Что делать?“, во сне Веры Павловны увлекательно описал жизнь в фаланстере.

О Фурье по-русски писали: *Водовозов, Н. В.* „Фурье“. Опыт критического разбора в журнале „Русская мысль“ за 1892 г. № 9; *Исаев, А. А.* „Место Фурье в общественно-хозяйственной науке“, „Юридический Вестник“, 1880, кн. 5 и 6; *Бибииков, П. А.* „Современные утописты“—изложение Фурье в „Критических очерках“, СПб. 1865; *Б. П.* „Фурье и фурьеризм“. Казань, 1905; *Тотомин, В. О.* „Фурье и кооперация“ в жур. „Образование“, 1905 г., кн. 11—12 и отдельно СПб. 1906 г.; *Русанов, Н.* „Социалисты Запада и России (Фурье, Маркс, Лассаль и др.)“, СПб. 1905. Более обстоятельная монография—*Август Бебель*, „Шарль Фурье, его жизнь и учение“, под ред. *В. Базарова*, СПб. 1906. Зато сочинениям Фурье в России неспасчастливилось: до сих пор переведены по-русски только отрывки в книжке *Щеглова*, т. II („История социальных систем“), СПб. 1889, и в издании *Шарль Фурье*, „Избранные сочинения“, с ред. и биограф. Фурье проф. *Ш. Жида*. М. 1918.

ГЛАВА IX.

Роберт Оуэн.

Фабричное производство в Англии стало развиваться с конца XVIII столетия, и вместе с тем начало ухудшаться материальное положение английских рабочих. Бедственное положение промышленного пролетариата рано обратило на себя внимание английской интеллигенции. Ряд представителей последней—Остлер, лорд Шефтсбюри, Роберт Оуэн—вмешались в это дело, указывали средства изменения, за что и получили наименование „фабричных реформистов“. Впереди других выдвинулся фабрикант Роберт Оуэн (1771—1875), заслуживший вскоре своею деятельностью и сочинениями мировую известность и ставший одним из наиболее выдающихся людей Европы той эпохи. Начав со скромной реформы на своем заводе, он постепенно превратился в одного из наиболее радикальных утопистов XIX века и является одним из трех замечательной плеяды „великих“, которые знаменуют собою завершение утопического и зарождение нового научного периода в истории развития социализма.

Биография Оуэна во всех смыслах интересна и поучительна. Он родился 14 мая 1771 г., в небольшом городке Нью-Тауне графства Монгомери, в Уэльсе, где отец Оуэна владел небольшою лавкою и содержал почтовую станцию. Маленький Оуэн с пяти лет начал посещать элементарную школу; к десяти годам завершилось его формальное образование, так как он был в этом возрасте отдан в прикачки в одну из лондонских лавок. Здесь он вскоре обнаружил редкую практическую сметливость. В детстве Оуэн был очень слабого здоровья. Неправильное пищеварение принуждало к строгой диете, к правильному и весьма умеренному образу жизни, чему он не изменил в продолжение всей своей долгой жизни. В силу этого Оуэн стал человеком исключительной умственной и физической выдержки и трудоспособности; при этом он с раннего детства обнаружил твердый характер, выносливость и любовь к справедливости.

Семья Оуэна принадлежала к господствующей церкви, но была свободна от религиозного фанатизма. Поиски „истинной религии“ рано начали занимать пытливый ум Оуэна, приводя его к скептическому отношению к религиозному принципу вообще. Уже в юности, защищая воскресный отдых, как благотворительную меру для трудящихся, он старался лишить его религиозного характера. Первым общественным выступлением Оуэна было его детское письмо к главе правительства, знаменитому Питту, с требованием строгого соблюдения закона о праздничном отдыхе.

На 20-м году жизни Оуэн сделался директором большой бумагопрядильни, найдя новые способы для обработки американского хлопка. Успех, как практического деятеля и даже „дельца“, не изменил характера и интересов Оуэна, прослывшего в среде фабрикантов и вообще представителей „делового мира—„чудаком“; он избегал обычных увлечений этой среды, не находя в них удовольствия и все свои досуги отдавал книгам и „Литературно-философскому обществу“, где сблизился с поэтом Кольриджем, химиком Дальтоном и строителем первого парохода Фультоном. Последнему Оуэн оказывал значительную материальную поддержку при его опытах.

Жизнь Оуэна распадается на три отдельных периода: первый, с 1800 г. по 1819 г., это—время фабричной филантропии, приведшей Оуэна к идеям государственного социализма, в частности, к требованиям законодательства по охране труда. Второй, с 1819 г. по 1829 г., это—десятилетие нарастания коммунистического идеала. Оуэн от идей трудовой помощи постепенно приходит к аграрному социализму, к идее принудительной общины. Третий и последний, с 1830 г. по 1858 г., время коммунистических опытов, возведение „нового нравственного мира“ и идеи, что труд—источник и мерило всех ценностей.

Начнем с первого. Став директором нью-ланаркской фабрики, Оуэн скоро приобрел широкую известность, как успехами в области техники, так и реформами в положении занятых на его фабрике рабочих. Женившись на дочери владельца фабрики Дэля, Оуэн вскоре приобрел от тестя это предприятие и стал его полным хозяином. Нью-ланаркская фабрика была расположена на реке Кляйде, в Шотландии, с целью использовать водяную силу водопада. За малочисленностью рабочих здесь прибегали к детскому труду, доставая ребятшек из приютов и детских домов.

Работа длилась от 13 до 14 часов в сутки. Помещения и питание были ужасны, рабочий люд пьянствовал и жил порочною и нездоровую жизнью, дети часто убежали.

Став во главе предприятия, Оуэн повысил качество изделий и преобразовал условия труда, памятуя, что „людей создают условия“. По примеру филантропов, Оуэн выстроил в нью-ланаркском поселке хорошие и здоровые жилища, организовал впервые в Англии при фабрике—ясли, школу, столовую, завел лавку с продуктами первой необходимости, где все продавалось по ценам оптовой закупки. Хорошее жилье и питание, разумные развлечения и возможность иметь часы отдыха и досуга повлияли на характер жизни рабочих, появились: чистоплотность, бережливость и трезвость. Кроме того, сам Оуэн воздействовал на рабочих Нью-Ланарка личными беседами, советами и увещаниями. Все виды практиковавшихся наказаний были отменены. При этом, конечно, заработная плата была повышена, и сокращен рабочий день до 10½ часов в сутки. Примером своей фабрики новый директор стремился доказать, что обязанность высших классов—заботиться о низших—вполне совпадает с правильно понятыми интересами самих высших классов. Он ввел у себя все то сам, что позднее завели у себя все фабриканты по принуждению, после тяжелой борьбы. Груд малолетних был совсем упразднен, все детишки до 10-летнего возраста обязательно посещали школу. В итоге—в Нью-Ланарке сложился кадр образцовых рабочих.

Коммерческий успех нью-ланаркской фабрики, руководимой Оуэном, и возрастание благосостояния его рабочих ежегодно привлекало множество посетителей со всех концов образованного мира; среди них, между прочим, был и русский великий князь, впоследствии император Николай Первый. Они увлекались „мирным“ и „филантропическим“ подходом к решению назревавшего рабочего вопроса.

Свои взгляды на человека и на необходимость социальных реформ, „проверенных успехом в большом практическом деле“, Оуэн изложил в своем первом сочинении: „Этюд об образовании характера“ (1813 г.).

В 1815 году Оуэн обратился в парламент с мемуаром („Глазговская речь“), в котором настаивал на издании особого закона, охраняющего время труда рабочего. Он мотивировал свой проект, с одной стороны, правом рабочего на свободное время, с другой—повышением производительности труда при сокращении рабочего времени. Чтобы

провести билль, Оуэн посетил более влиятельных членов обеих палат, стараясь заинтересовать их своим мемуаром, и добился внесения законодательного проекта Робертом Пилем, творцом английского рабочего законодательства. Пилю уже принадлежал первый по времени законодательный акт о рабочих, первый, не только в Англии, но и вообще в Европе. Этот „закон об охране здоровья и нравственности ремесленных учеников“ вышел в 1802 году.

Роберт Пиль на этот раз не торопился. Четыре сессии длилась борьба за проведение оуэновского проекта, против которого яро ополчились крупные промышленники. Была представлена масса возражений, многие принципиального характера, было организовано несколько анкет и комиссий, в которых Оуэн энергично отстаивал свою позицию, ссылаясь на свои опыты в Нью-Ланарке.

Наконец, в 1819 году появился билль *о рабочем времени*, хотя и в измененном против оуэновского проекта виде, но все же — важный шаг в истории рабочего законодательства Европы. Отныне в Англии дети до 9-летнего возраста не могли попадать в промышленные предприятия, а подростки от 9 до 16 лет работали не более 12 часов. Закон распространялся в начале только на хлопчато-бумажные фабрики, а надзор за его исполнением возлагался попрежнему на мировых судей. Но и это уже было громадным завоеванием.

В этот же период времени Оуэн был привлечен к участию в парламентской комиссии по изучению причин тогдашнего экономического кризиса. Ему было поручено составить доклад о средствах против кризиса. Доклад был представлен в палату общин, отказавшейся, впрочем, принять его к обсуждению за необычность подхода к делу. К этому же времени относятся: его торжественная публичная декларация религиозной независимости (1817), встреченная английским обществом отрицательно, поездка по Европе (1817), издание „доклада 17 года“ и „Мемория“ монархам Ахенского конгресса.

В 1820 году вышел его „Доклад графству Ланарк“ о его фабричных реформах, доставивший Оуэну громкую известность.

Оставляя постепенно филантропию, Оуэн все более переходил на почву более радикальных мер и начал увлекаться образованием *производительной ассоциации*. В ней он усматривал путь к „организации всеобщего счастья“ и старался обосновать свою идею не только теоретически, но и

вырабатывать план практического проведения ее в жизнь. Но общественное мнение было консервативно. Оуэн ачали считать „опасным мечтателем“ и особенно не про-
тали ему разрыва с религиею.

Когда в Лондоне, в 1817 же году, Оуэн был приглашен участию в парламентской комиссии, выяснявшей причины экономического кризиса, разразившегося в те годы в Англии, он составил специальный доклад „Об исследовании причин нищеты бедных классов и о мерах борьбы с нею“, в котором он усматривает первоисточник кризиса в машинном производстве, которое вытеснило труд опытного мастера, обес-
енило вообще ручной труд и привело трудящихся к меньшему потреблению. Между тем, то же машинное производство выбрасывает на рынок все более значительное количество товаров, создает перепроизводство и несоответствие со спросом. „Виною кризиса является несоответствие между потребительною силою и средствами производства“. Единственным выходом отсюда является предоставление незработным платных занятий, ибо „машина должна помогать человеку“, а не заменять его. Другою мерою Оуэна является организация сбыта продуктов. Это, в свою очередь, может произойти лишь при коренной замене нынешней системы денежного обращения и обмена новою. Она должна окоиться на признании труда мерилом всех ценностей с становлением точной ценности единицы труда или рабочего дня и с обозначением меновой ценности каждого продукта по количеству времени, затраченного на его производство,—такая система и может иметь место. Предметы ~~должны~~ обменивать сообразно количеству заключенного в них труда. „Рынки всего мира—говорит Оуэн—будут все-
ело и единственно зависеть от вознаграждения за работу трудящихся масс, а их потребительная способность будет пропорциональна этому вознаграждению“. Так, впервые сформулировались Оуэном те идеи, которые впоследствии легли в основу его системы. В духе этих соображений, несколько позже, а именно в 1832 году, Оуэн основывает в Лондоне „Биржу трудового обмена“—предприятие, приобретающее все готовые изделия по количеству часов затраченного труда (шесть пенсов—час), уплачивая за все трудовыми квитанциями“, за которые можно было тут же получить равноценные товары.

Первое время „Биржа“ имела успех, но вскоре обанкротилась, переполнившись залежью из-за выборки из складов

всего более ценного. Конечно, конкуренты-купцы энергично помогали провалу „затеи“ Оуэна. Много удачнее были его начинания в области кооперативного движения, стремившегося устранить из торговли прибыль. Инициатива и энергия Оуэна в этой сфере были настолько значительны, что он справедливо был причислен к числу „отцов“ кооперации.

Последнюю часть своей жизни Оуэн окончательно становится на социалистическую точку зрения и уже требует радикального преобразования всего экономического строя. Он с несколькими своими друзьями пытался организовать опыт устройства новой жизни в особом поселении в штате Индиана Северной Америки, названном им „Новая гармония“. Оуэн удачно купил громадный участок земли с готовыми постройками у общины раппистов. С'ехалось около 1000 лиц, но раздоры среди разношерстных по составу и задачам членов общины быстро привели дело к падению. Оуэн несколько раз лично ездил в Штаты, но этот эксперимент, как и несколько других более мелких, не имел успеха, и Оуэн потерял значительную часть своего большого состояния.

В эту эпоху он проповедывал борьбу с „троицею зла“, частною собственностью, иррациональными религиозными системами и браком, основанном на частной собственности и религиозных системах.

Оуэн, как и Фурье, не был писателем. Его сочинения страдают неясностью и повторением. Его главное значение не в них, а в его общественной деятельности, направленной к практическому осуществлению его идей. Но так как Оуэн в течение своей жизни становился все радикальнее и все глубже желал реформировать существующий строй, то его проекты становились все менее легкими для их осуществления. Поскольку успешны были его начинания в области филантропических улучшений быта нью-ланаркских рабочих, постольку неудачны были его опыты, шедшие в разрез с установлениями буржуазного порядка, с которым Оуэн порывал все более.

Основною мыслью Оуэна было стремление изменить человека, изменяя условия окружающей его жизни. „Людей — твердил Оуэн — создают условия их жизни“. Человек является продуктом окружающих его внешних условий и воспитания. Чем они совершеннее, тем более облагораживается и совершенствуется человек. Особенным мотивом всех поступков является жажда счастья, прирожденная человеку. Способ-

ностью создавать идеи, из которых слагается знание, человек отличается от животных, движущие стремления которых, однако, тоже присущи человеку. Счастье человека зависит от тех степеней знания, каких достигают он и его окружающие. Поэтому Оуэн придает громадное значение влиянию воспитания, которому прежде всего ставит задачу устранить предрассудок, являющийся источником заблуждений, будто бы развитие характера зависит от самого человека. Достичь личного счастья легче всего заботами о счастье других. Положив эти идеи в основание своего первого нью-ланаркского эксперимента, Оуэн убедился в том, что подобные примеры „не заразительны“. Это привело его к борьбе за государственное невмешательство в положение рабочих фабричного законодательства. Неудача этой агитации, дальнейшее углубление мысли по вопросам социального порядка и возрастающая вера в торжество разума привели Оуэна к его утопическим планам, к организации „всеобщего счастья“, которое должно осуществиться при посредстве „системы единства и кооперации, основанной на всеобщей любви к ближнему и истинном познании его человеческой природы“. Это приведет к полному преобразованию всей промышленной системы, которая вообще построена на ложных основаниях. Разделение труда ухудшает расу, соперничество создает столкновение противоречивых интересов. Интерес общества всегда в том, чтобы предложение товаров превышало спрос, а между тем получение прибыли, на которой зиждется вся нынешняя промышленная система, возможно только тогда, когда спрос равен предложению и превышает его. Оттого с изобретением машин вся промышленная система не может выйти из критического положения, грозящего разорением фабрикантам и голодовкой рабочим. Из этих положений Оуэна и всей его социалистической критики системы промышленного капитализма вытекает теория кризисов, объясняющая их несоответствием производства с потребительными бюджетами масс. Устранение всех социальных зол произойдет только в том случае, если группы производителей, пользуясь почти безграничными производительными силами, соединятся в кооперации для производства при помощи собственного труда и капитала. При этом Оуэн мечтал заглушить индустрию земледелием. Ассоциация земледельцев, сельская коммуна должна стать новою социальной ячейкой, а средством для этой реформы он считал коммунистическое устройство землевла-

дения и создание больших земледельческих поселков. Вера во всемогущество разума и очевидность истины внушает Оуэну убеждение, что достаточно одного счастливого опыта для просвещения невежественных умов. Для достижения социального идеала он обращается с призывом к разуму всех просвещенных людей, а для усиления голоса разума — к правительствам. По мысли Оуэна, государственная власть должна явиться проводником социальной реформы. Построения Оуэна во многом родственны с построением Фурье. Подобно последнему, Оуэн проектировал устройство пробного фаланстера в деревне и отводил первое место сельскому труду. Подобно Фурье, полагавшему, что достаточно одного счастливого опыта для внушения людям желанья предпочесть организацию, обеспечивающую столько счастья, Оуэн утверждал: „Ни одна из этих ассоциаций не образуется без того, чтобы не внушить обществу желанья организовать другие; они быстро будут размножаться. Перемены в характере и поведении людей, под влиянием новой системы, тотчас же станут наглядным доказательством превосходства нового порядка вещей над старым, и старое общество не замедлит распасться“. Рабство человека, по учению Оуэна, зиждется на частной собственности, браке и религии. Брак противен природе и личному счастью, основан не на естественных склонностях и взаимных симпатиях, а на семейных и имущественных расчетах; он противоречит принципу равенства и приводит к плачевным результатам, как в смысле нравственности мужчины и женщины, так и для их счастья. Искусственным бракам старого безнравственного мира Оуэн противопоставляет естественные союзы „нового нравственного мира“, основанные на обоюдной симпатии, взаимной искренности и привязанности. В новом нравственном мире лица, желающие вступить в брак, объявляют об этом публично на воскресном собрании. Если через три месяца они остаются при своем намерении, то заявляют об этом вторично, и это заявление регистрируется обществом. При формальном своем атеизме учение Оуэна бессознательно проникнуто христианством и, как говорит Долеанс, — „сам Оуэн имел душу христианина времен апостольских“. Религиозные взгляды Оуэна исчерпываются тремя положениями: 1) существует всемогущая причина творения, непостижимая для человеческого разума, 2) человеческая природа не соответственна и может быть изменена внешними обстоятельствами, 3) близкое наступле-

ние земного рая при исполнении заповеди милосердия и любви.

Вызванное Оуэном движение прекратилось вскоре после его смерти (1858); из остатков оуэнистов развилось, так назыв., движение в свободномыслящих, уже лишенное оуэновского радикализма.

Наиболее видными оуэнистами были:

Д. Годскин: Защита труда против прав капитала. 1825.

И. Морган: Восстание пчел, 1821.

Отчасти Вильям Томпсон: Исследование о распределении богатств, 1829, о котором будет еще речь впереди.

И. Ф. Брей: Как эксплуатируется труд, 1839.

Чарльз Брей: Философия нужды, 1841.

Т. Эдмонс: Практическая, нравственная и политическая экономия, 1828.

Джон Грей: Социальная система, 1831.

В. Пэр: Справедливая торговля, 1854.

В России оуэнистов не было.

Из многочисленных сочинений Р. Оуэна переведено на русский язык одно: „Об образовании человеческого характера“, Спб. 1893 г.

По-русски об Оуэне писали:

1. Н. Добролюбов, „Р. Оуэн и его попытка общественных реформ“ в „Современнике“ № 1 за 1859 год. Перепечатывается во всех изданиях сочинений Добролюбова.

2. Каменский, „Р. Оуэн, его жизнь и общественная деятельность“. Биографический очерк, изд. Павленкова.

3. Волкова, Е. Ф., „Пророк разумного общества Р. Оуэн, его жизнь и деятельность“ („Научно-популярная библиотека“ № 7, изд. „Польза“, Москва).

Из переводных сочинений о Р. Оуэне можно указать:

4. Долеанс, Э., „Р. Оуэн (1771—1858)“. Москва, 1906.

5. Либкнехт, В., „Р. Оуэн. Его жизнь и общественно-политическая деятельность“. Спб. 1905, изд. „Молот“.

6. Об оуэновских коммунистических опытах в Соединенных Штатах Америки говорит Морис Халкуит, „История социализма в Соединенных Штатах“, 2 изд. Петербург, 1919.

Затем оценку Р. Оуэна дают: Энгельс, „Положение рабочего класса в Англии“; Гельд, „Развитие крупной промышленности в Англии“; Вебб, „Социализм в Англии“; Тойнби, „Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии“ и др.

Этьен Кабэ.

Великими утопистами не исчерпывается история утопического социализма. В XIX веке еще несколько раз вспыхивает это направление, уже вытесняемое новыми направлениями. Особенно сильна была вспышка, вызванная во Франции Кабэ, обосновавшим „икарийский коммунизм“.

Утопист Этьен Кабэ (1788—1856)—сын простого рабочего-бондаря. Он посвятил себя адвокатуре с целью защищать бедных и слабых. Под влиянием „Утопии“ Кабэ стал коммунистом и в 1840 году издал свое основное сочинение „Путешествие в Икарию“. В 1847 г. он с целью практического осуществления своих идей купил землю в Сев. Америке и организовал туда переселение французских рабочих. Когда колония начала терпеть неудачи, Кабэ лично отправился туда и временно добился некоторого ее благосостояния, но не надолго. Изгнанный, в конце концов, из колонии и осужденный учениками Кабэ умер в 1856 году.

Учение Кабэ проникнуто сантиментально-этическим характером. „Путешествие в Икарию“, в котором Кабэ изложил его, написано в форме путевых записок некоего английского лорда, посетившего „Икарию“, страну с идеальным государственным строем. „Народ Икарии — брат всем народам“ — такова надпись на громадной арке городских ворот столицы Икарии. Коммунистический строй был осуществлен в Икарии „постепенно“, без революции, путем мирного распространения идей. Убедившись в несовершенстве старого социального строя, икарийцы избрали Икара диктатором, возложив на него постепенное осуществление коммунистического идеала в течение 50 лет. Лорд застал этот идеал уже осуществленным. Все государство разделено на сто провинций, в каждой провинции 10 общин. В центре каждой провинции город, разбитый по плану столицы. Кабэ подробно описывает не только план города и его устройство, но и устройство квартир, мебель, украшения и все самые мельчайшие подробности. Жители Икарии заботятся о соединении прекрасного с полезным. Даже из реклам они делают украшения для стен. Произведениями искусства не приходится любоваться в тесных музеях: они

всюду—в садах, на улицах. У икарійцев общее имущество, общий труд, общие права и обязанности, общее бремя и общее пользование. Труд в Икарии обязателен от 6 до 7 часов для взрослых, при чем каждый гражданин избирает себе отрасль труда по своим способностям. Однако, раз избранная работа навсегда становится специальностью гражданина. Труд приятен настолько, что никто от него не уклоняется. Грязные и тяжелые работы исполняются машинами. Все в Икарии строго регулировано законом—время и порядок работы, даже домашняя жизнь. Во всем соблюдается строгое равенство. Гений не награждается лучше других: своими дарованиями он обязан природе, а их развитием—общественным учреждениям. Всем владеет республика, она организует промышленность, обработку земли, производит все необходимое для жизни и доставляет гражданам пищу, помещение, мебель. Брак почитается священным, супруги равны, заключается брак по собственному выбору, развод допускается только в виде исключения. Супружеской неверности не бывает. Имея в виду потомство, государство весьма заботливо относится к браку. Молодежь снабжается руководствами по анатомии, физиологии и гигиене. Женщинам читаются лекции по гигиене беременности. Оттого икарійцы рождаются хорошо сложенными.

Воспитывают детей в семье. С 5 до 18 лет мальчики и до 17 лет девочки посещают школу. Обучение совместное. В каждой школе ученики и ученицы вырабатывают нравственный кодекс, имеют свой выборный товарищеский суд, благодаря чему с раннего возраста дети развиваются, как граждане. Все урегулировав, икарійцы организовали и религию. „Как и все учреждения Икарии, религия представляет собою произведение самого народа“. Это—чистый деизм, при чем каждому предоставляется следовать тем или иным догматам. Ученики знакомятся с религией по окончании образовательной школы. Преподается она не священником, а профессором философии. Жрецы существуют не для богослужения, а только для нравственных назиданий. Печать в Икарии находится под строгой цензурой, так как Икар решил, что свобода печати необходима только для борьбы с аристократией и монархизмом. Правители избираются, но власть избранных правителей неограничена. Мнения большинства получают силу закона не только в вопросах общественного благоустройства, но и в вопросах науки и искусства.

Излагая в конце своего сочинения исповедание своей веры, внушившей ему его утопию, Кабэ говорит, что ве-

рит в неслучайное создание мира. Он создан первопричиной — природой, исследовать ее бесполезно, ибо она превосходит силу нашего разума. „Природа желала, чтобы человек был счастлив“. Природа — общая мать, поэтому люди должны считать себя братьями и образовать одну семью. Несчастье людей проистекает от невежества и дурного социального устройства, больше всего от неравенства источника преступлений; неравенство же является следствием частной собственности. Равенство не должно иметь никаких границ, кроме невозможного. „Естественная справедливость не допускает, чтобы один имел излишек, когда другой лишен необходимого. Не природа создала частную собственность, она — человеческое изобретение.

Кабэ отличался чрезвычайной нетерпимостью к чужим мнениям. Он считал себя единственным пророком коммунизма и полагал, что было бы полезно сжечь все книги напечатанные до него. Кабэ не был самостоятельным мыслителем, и его утопия является только соединением различных мыслей из предыдущих теорий. Но он был способным агитатором, и влияние его учения на французский пролетариат того времени было весьма значительно.

„Икарыйская попытка“ была последним отголоском в XIX веке идей великих утопистов, хотя утопическая форма распространения своих взглядов удержалась и до последнего времени. В XIX веке был отвергнут и самый способ осуществления нового строя путем организации небольших показательных общин, вкрапленных в старое буржуазное общество. Вместе с тем пала вера в отдельных преобразователей, „пророков“ и меценатов, способных единоличным своим талантом или деньгами изменить социальную структуру общества.

Так наступила эпоха разочарования утопизмом, и началось время определения новых путей, что составило содержание *переходной* эпохи 30-х и 40-х годов в Европе. Появляются новые учения, служащие мостом от утопизма к будущему научному социализму, учения Вильгельма Вейтинга, Луи Блана, Прудона и некоторых других писателей, выступавших до первой пролетарской революции 1848 года.

Относительно Кабэ русская литература очень небогата.

Люкс, Г. Этьен Кабэ и икарыйский коммунизм, пер. с нем. СПб. 19. г.
Гепнер, Адольф, Икарцы в Северной Америке. СПб.
„(Знание“) 1906.

М Кабэ, Луи Блан, Вейтинг

37-8-1/8. - 4-48

88
64-910

11-48
18-53

ГЛАВА XI.

Социализм в Англии.

I. Томас Спенс.

XVIII век в Англии был временем начала той индустриальной революции, которая бесспорно является одним из величайших исторических событий нового времени. „Все человечество — говорит один историк социализма в Англии—вовлекалось на путь индустриальной революции, при чем ее влияние было несравненно шире и глубже влияния других исторических событий—античной культуры, крестовых походов, ренессанса, реформации, великой французской революции, наполеоновских войн, национальной борьбы и новейшего империализма“¹⁾).

Индустриальная революция, вводя новую систему производства, тем самым создавала основу для нового социального уклада, выдвигала новые средства для устранения бедности и эксплуатации, угнетения и подавления человека и рабочего класса; словом, она создавала современный социализм, эту идеологию революционного—отныне складывающегося в новый грозный общественный класс—пролетариата.

В Англии промышленная революция к середине XVIII века выразилась и в обострении классовой борьбы, и в быстрой пролетаризации масс, и в усиленном введении машин, и в концентрации капиталов. Стаечная борьба этой эпохи была энергична и длительна. Материальное положение английского пролетариата было совсем невыносимо. Трехтомное исследование—первое в Англии в этом роде—некоего сэра Мортон Эдена („История рабочих классов в Англии“, Лондон, 1797) рисует очень тяжелую и беспросветную кар-

¹⁾ М. Беер, „История социализма в Англии“ (по-немецки). Штуттгарт, 1913 г.

тину нужды и горя. Она волнует более отзывчивые слои английского общества, тем более, что и раньше уже раздавались серьезные и предостерегающие голоса. Так, еще в 1756 году в Англии появилась обратившая на себя внимание анонимная брошюра, принятая первоначально за сочинение влиятельного лорда Болинброка: „В защиту естественного общества“. Здесь указывалось, что все социальное зло происходит от неравенства и отступлений от естественного порядка. Этот талантливо написанный памфлет оказался принадлежащим перу молодого Эдмунда Борка (Ed. Burke), — впоследствии яркого реакционера и влиятельного врага идеологии великой французской революции. Памфлет проникнут тогдашними передовыми идеями „естественного порядка“ Морелли и рассуждениями о неравенстве Жан-Жака Руссо. Весь строй мыслей Борка носит явно социалистический характер. В отличие от Руссо автор главное зло современности усматривает в государстве. Впоследствии, став влиятельным вельможей, Борк, хотя и переиздал свой памфлет, но, стыдясь идей своей молодости, в предисловии ко второму изданию пытается, но неудачно, придать своему сочинению характер сатиры на идеи естественного права.

Совсем в ином духе развивалась социалистическая критика другого писателя Томаса Спенса (1750—1814): Томас Спенс из Нью-Кэстля — пролетарий, сын сапожника и вязальщика рыбацких сетей, в молодости прокармливался профессией отца, а потом учительствовал. Как и большинство принципиальных английских социалистов, Томас Спенс — приверженец идей аграрного социализма. С 1775 года Спенс начинает резко и энергично агитировать за превращение всей частной собственности на землю в Англии в собственность коллективную. При наличии в этой стране чрезмерно крупных земельных владений, трудящееся население во всей стране испытывало от этого неисчислимые неудобства и стеснения. Страстная, открытая и неутомимая социалистическая пропаганда Спенса не могла не волновать английское общество. В начале от Спенса отвернулось консервативное население Нью-Кэстля, где родители воспретили детям учиться у Спенса, чем лишили его заработка и вынудили покинуть родной город. Затем с появлением первого его сочинения преследования приняли более систематический и серьезный характер со стороны суда и полиции. Спенс и в Лондоне, куда он перекочевал, был также неутомим и непреклонен.

В 1776 году, в Нью-Кэстле было опубликовано его первое, навлекшее на него гонение сочинение: „Полуденное Солнце Свободы или Свод прав человека“. За ним следовал ряд других однообразных по содержанию брошюр: „Конец гнета“ (1796), „Правда детей“ (1797), „Возвращение общества к естественному состоянию“ (1801) и „Руководство к созданию тысячелетнего царства или счастливого мира“ (1805). За последнее сочинение, более известное под названием „Спенсония“, — род утопии, — Спенс поплатился годовым тюремным заключением. В „Спенсонии“ излагается проект конституции будущего общества. Главнейший пункт этой конституции гласит: „все люди равны по своей природе и перед законом; все они имеют вечное неотчуждаемое право на землю и ее продукты“. Для осуществления этого в „Спенсонии“ вводится коммунизм на землю, для чего частное землевладение конфискуется государственною властью без компенсации за это землевладельцев.

С 1793 года Спенс в течение трех лет издает в Лондоне небольшой революционный орган под резким вызывающим названием: „Корм для свиней или поучение свинскому населению“. Тема этого странного заглавия для социалистического журнала взята из грубого окрика по адресу социалистов, произнесенного в одной из парламентских речей Эдмундом Борком, тогда уже врагом революции. Политическая реакция, охватившая Англию в дни великой французской революции, превратила скромного Спенса в олицетворение „ужасов“ революции. Спенса неоднократно арестовывали и держали в тюрьме. Бедняк Спенс ухитрился выживать за свой счет свои брошюры и журнал и даже распространять среди трудового населения Лондона особую отчеканенную им медаль с выбитыми на ней главнейшими лозунгами его воззрений. Постепенно вокруг Спенса собралась небольшая группа его единомышленников, и, в конце концов, образовалось общество для пропаганды его идей. В 1814 году Томас Спенс умер в нищете, а в 1817 году общество последователей Спенса было закрыто по распоряжению правительства. Учение Спенса не заглохло, оно легло в основу аграрно-социалистических воззрений Генри Джорджа, сочинение которого, „Прогресс и бедность“, много лет волновало европейское общество во второй половине XIX столетия.

Идеи естественного права воодушевили и другого англичанина, профессора эдинбургского университета Вильяма

О'гильви (1736—1869). Но О'гильви желал бы наделить английское трудящееся безземельное население землей из имений крупных феодалов. Часть их владений, разбитая на участки, должна была сдаваться в вечную и потомственную аренду по назначению правительства. Арендаторы обязывались за это своего рода барщиною лэнд-лордам. Этот своеобразный проект создания новой мелкой земельной буржуазии, закрепленной в феодальные тиски ради торжества идеи естественного права,—был изложен О'гильви в сочинении, озаглавленном: „Право на собственность земли“ (1782). Теоретические воззрения О'гильви были радикальнее и шире его умеренных, практических предложений и основывались на учении Локка о собственности и Руссо о неравенстве. Воззрения О'гильви оказали воздействие на вождя английских радикалов и индивидуалистов Вильяма Годвина (1756—1836), опубликовавшего „Исследование о политической справедливости“. Анархисты считают Годвина своим английским предтечею, хотя Годвин по своему анализу вопроса о происхождении дохода на капитал и по своему отстаиванию права рабочего на полный продукт своего труда с меньшим правом может быть зачислен в число английских предшественников научного социализма.

К этому же времени относится и появление сочинения социалиста Чарльза Галля (Hall; 1745?—1825?): „Влияние цивилизации на народы европейских государств“ (1805). Галль имел сильное влияние на развитие идей раннего английского социализма своими воззрениями на происхождение земельной ренты и дохода на капитал, которые он считает несправедливым вычетом из продукта труда. Галль ясно и мотивированно провозгласил право рабочего на полный продукт труда и исследовал влияние прогресса цивилизации на социальное положение трудящихся народных масс. Он определил пагубность этого влияния, как создающего, с одной стороны, рост нетрудового дохода богатых классов, с другой—увеличение размеров труда для бедных. Галль считает, что это социальное неравенство нигде не достигло такого размера, как в Англии, где, по его мнению, четыре пятых населения пользуются лишь $\frac{1}{4}$ частью дохода от своего труда. Они, по расчету Галля, работают в сутки на самих себя не более одного часа, расходуя все остальное время на нанимателей. Для проведения в жизнь своих взглядов Галль рекомендовал ограничение прав наследования и изготовления предметов роскоши, введение кол-

лективной собственности на землю с индивидуальной, впрочем, системой пользования и проведение в жизнь полностью трудового начала.

II. Рикардианские социалисты.

За первую более раннюю группу английских социалистов (Т. Спенс, О'гильви, Галль) в первой четверти XIX столетия выступила вторая, которую можно назвать, в виду обоснования ею своих воззрений на некоторых положениях ученика Адама Смита — Давида Рикардо, рикардианцами. Это Годскин, Грей, Эдмонс, Брей, Томпсон, Равенстон, Мудинкомб. Одни из них, как Равенстон и Годскин, обосновывают свою социальную критику на индивидуализме, другие, и их большинство, как оуэнисты, склонны к коммунизму. Как известно, последняя четверть XVIII столетия была эпохой коренного изменения в технике промышленного производства. Ряд вызывавшихся требованиями времени изобретений ¹⁾ произвел полный промышленный переворот в наиболее передовых европейских странах, в особенности в Англии. Быстро складывался и нарастал индустриализм, привлекавший к себе большие средства и сам, — в силу эксплуатации рабочего класса, ряды которого все возрастали, — ставший новым источником для роста капитала. Все способствовало развитию и обогащению новой промышленной буржуазии.

В 1776 году вышло замечательное сочинение английского философа Адама Смита: „Исследование природы и причины богатства народов“, теоретически оправдывавшее новые экономические условия, созданные промышленною революцией. Хотя личные симпатии Адама Смита были целиком на стороне земледелия и рабочего класса, но его теория, защищавшая систему разделения труда, частную инициативу и свободную конкуренцию, восхваляла экономическую политику промышленников, а поэтому стала рассматриваться, как Евангелие новой буржуазии. Адам Смит излагал преимущественно общие теоретические вопросы политической экономии, которую он первый привел

¹⁾ Напр., Харгривс в 1765 г. изобрел прядильную машину, Аркрайт в 1767 г. — водяную раму, что произвело переворот в хлопчатобумажной промышленности, Джемс Уатт в 1769 г. — паровую машину и т. д.

в одну стройную систему, получившую в силу своей законченности название классической. Его ближайшие ученики, Давид Рикардо и Роберт Мальтус, распространили его учение на важнейшие вопросы прикладной или практической политической экономии или, так назыв., экономической политики. Рикардо доказывал, что громадный земельный доход, „земельная рента“, извлекавшийся английскими крупными землевладельцами (лэнд-лордами) из труда своих арендаторов, происходил от причин, ничего общего с социальными отношениями не имеющих. Рикардо объяснял земельную ренту, как доход, происходящий из разницы (дифференции) между расстоянием или плодородием различных земельных участков, а отнюдь не из присвоения труда земледельцев землевладельцами, т.е. он доказывал, что земельная рента не является в результате социальных отношений, а как итог естественных условий.

Роберт Мальтус доказывал, что вообще никакого рабочего вопроса не существует, и что все бедствия рабочего класса, численно к этому времени сильно возросшего, происходят не от социальных причин, а от причин естественных, биологических, т.е. усиленного и неурегулированного размножения пролетариата. Он положил основание особому решению рабочего вопроса—мальтузианству, перелавшему ответственность за социальные бедствия с общественного строя и капиталистов на самих рабочих.

Несмотря на свои реакционные социально-экономические воззрения, и Мальтус и особенно Рикардо не могли отрицать принципиального и непримиримого противоречия, обнаруженного ими между интересами труда и капитала. Эти взгляды Рикардо, изложенные в его „Основаниях политической экономии“, вышедшей в 1817 году, явились исходным пунктом для воззрений ряда английских социалистических писателей двадцатых и тридцатых годов, получивших общее наименование рикардianских социалистов. Они доказывали непримиримость основных интересов буржуазии и пролетариата и рассматривали доход капиталиста, как присвоение труда рабочего.

Наиболее выдающимся писателем этого направления является Вильям Томпсон (1783—1833), ирландец по происхождению, автор сочинения: „Исследование принципов распределения богатства“, появившегося в Лондоне в 1824 году. Биография Томпсона мало известна. Сохранились сведения, что он был другом философа Бентама и, повиди-

тому, умер в молодости. Его идеи были родственны Оуэну, под влиянием которого он находился, и несомненно были известны К. Марксу и Прудону. Томпсон, как и Р. Оуэн, агитировал в пользу кооперации. Томпсон доказывает, что ценность, созданная трудом, должна поступать лишь тому, кто явился ее создателем, другими словами, что каждый рабочий имеет право на весь продукт своего труда. А так как в современном строе рабочие получают лишь то, что необходимо только для поддержания их существования, то остаток созданных ими ценностей достается собственникам земли и капитала в форме земельной ренты и прибыли на капитал. Томпсон указывает, что при современном общественном строе, при котором существует частная собственность на землю и капитал, рабочий вынужден отдавать часть своего трудового дохода собственникам помещений, машин, инструментов и сырья. Он полагает, что такое ограничение права на весь продукт труда заходит далее, чем то необходимо даже для соблюдения интересов собственников, и что тем самым создается несправедливый принцип распределения. Но, признавая за рабочим право на весь продукт его труда и рассматривая доход капиталиста, как вычет из всего продукта, Томпсон не делает из этого никакого практического вывода. Вообще, резкий в своей критике существующего строя, Томпсон осторожен в деле предложения изменений и реформ. И хотя несомненно, что перед его умеренным взором встает картина будущего социалистического устройства, он стремится к социализму историко-утопическим путем. Так же, как и Роберт Оуэн, который оказал на него громадное влияние, Томпсон желал бы насадить в существующем строе социалистические общины. Группа лиц, могущих совместным трудом произвести предметы, необходимые для удовлетворения потребностей, добровольно соединяется в хозяйственную организацию. Здесь, пользуясь всеми средствами науки и искусства, они сообща производят все им необходимое, согласуя тем самым спрос и предложение. Общины занимаются земледельческим трудом, поскольку это нужно для собственного потребления. Остальная масса труда идет на промышленное производство, как для собственного потребления, так и для обмена. Земля, жилище и инструменты покупаются и при недостатке средств арендуются. Все выработанное распределяется не согласно труду, а согласно потребностям, ибо каждый имеет право на существование. Зато все работо-

способные члены общества работают одинаковое время. Особое внимание Томпсон уделял вопросу распределения. Типичны три основоположения Томпсона, касающиеся социального распределения:

1. Труд должен быть свободен, как со стороны руководства, так и со стороны его выполнения.
2. Весь продукт труда должен быть обеспечен производителю этого продукта.
3. Обмен этих продуктов должен быть свободен.

Эти положения имеют много сходного с идеями фритредерства или манчестерства, защищающего до конца свободную торговлю и свободный обмен. Таким образом, Томпсон и буржуазная английская политическая экономия приходят к различным выводам, хотя исходят из одной и той же точки зрения. Буржуазная экономия классической школы считала своим идеалом проведение принципов полной экономической свободы (экономический либерализм) и стремилась сохранить современный частно-хозяйственный правовой строй с индивидуальной собственностью на землю и капитал. Социалисты начала XIX столетия под влиянием критики утопистов и наблюдения над положением рабочего класса настаивали на государственном вмешательстве в экономическую жизнь, на ограничении экономической свободы и на изъятии из рук собственников орудий производства. Они доказывали поэтому, что доход капиталиста — не трудовой доход, что всякая ценность — результат человеческого труда, и по Томпсону, — труд единственный источник ценности. Чей труд — того и продукт. Но в существующем строе этого нет. Труд получает только долю, полученную трудом, идет на образование ренты и процента владельцам земли и капитала.

Впрочем, Томпсон считает, что рабочий должен выдать владельцу зданий, машин, орудий и сырья вознаграждение за пользование этими материалами.

Это вознаграждение не должно быть больше, чем жалование лучшего мастера того же предприятия. Но, по мнению Томпсона, многого еще не хватает до такого порядка, ибо капиталисты захватили в свои руки законодательную власть.

Такая организация гарантирует, по мнению Томпсона, наивысшее счастье наибольшему числу людей. Этот, так назыв., „великий принцип утилитаризма“, заимство-

анный им у Бентама ¹⁾, Томпсон соединяет с утопизмом Дюэна, т.е. в области общих образований своих воззрений ничем не отличается от многих своих современников. Но теоретические экономические воззрения Томпсона на прибыль, капитал и ренту выгодно отличают этого писателя от его современников-экономистов. Томпсон первый в истории социалистической мысли вывел и установил понятие прибавочной ценности (surplus value) и притом, как ценности, создаваемой в итоге неполной отдачи рабочему продукту его труда. Прибавочная ценность, по Томпсону, получается в итоге ограбления рабочего. Кроме идеи права на полный продукт труда, Томпсон отстаивает также идею равенства распределения. В этом смысле Томпсон является прямым предшественником Карла Маркса, обосновавшего свою систему на тех же принципах.

Основную точку зрения Томпсона разделяют Абрахам Комб (1785—1827) и Джон Грей (1798—1850), социалистический писатель, начавший свою литературную карьеру „Писем о человеческом счастье“ (1825) и изложивший свои экономические воззрения на производительные и на непроизводительные классы общества, на ценность, как результат труда, защищавший идею права на полный продукт труда в сочинении „Социальная Система“ (1831). Джон Грей писал в резком и приподнятом тоне, имевшем в то время успех.

Отголосок социалистических идей можно найти и у других авторов того времени, Томаса Годскина (1789—1869), выступившего в 1825 году против капитала в защиту рабочего класса и обосновавшего свои воззрения против права частной собственности на идеях естественного права. Много решительнее и радикальнее его—Джон Фрэнсис Брей, энергично выступивший в конце 30-х годов на защиту английского пролетариата и полагавший, что при современных условиях нельзя улучшить условий его труда и жизни. Но Брей так же, как и его учитель Томпсон, против революционного метода борьбы и ищет мирных путей разрешения социальной проблемы и радикального переустройства общественной системы.

1) Утилитаризм [от латинского слова utilis (utilis)—полезный] или нравственно-философская система измерения человеческих поступков исключительно с точки зрения их пользы была предложена английским философом Иеремиею Бентамом.

В отличие от остальных английских предшественников К. Маркса, Брей доказывал, что экономические силы определяют социальную организацию, и дал экономическое объяснение всему социальному процессу. Но от Маркса Брей отличается непониманием имманентности экономического процесса (экономический детерминизм) и основывает свою добровольную систему социальной перемены на доводах человеческого разума. Противоречия между заработной платой наемных рабочих и нетрудовым доходом капиталистов ясно и определенно сформулировал в 30-х годах писатель Эдмонс, а в самом начале 40-х — Чарльз Брей.

Воззрения этой группы социалистических писателей не имели распространения среди английского пролетариата, который в 30-х годах увлекался преимущественно политической проблемой. Стремление английского рабочего класса к уравниванию своих гражданских прав с имущими нашло себе выражение в движении чартистов, в котором вавшем английский пролетариат целое десятилетие (1838—1848). Основные пункты „хартий“, т.е. свода требований, были намечены в английском радикальном лагере еще задолго до начала движения, парализовавшего в конечном итоге развитие социалистической идеологии в Англии.

О движении чартистов можно прочесть по-русски в книгах: Гаммедж, Р., „История чартизма“, пер. с англ. СПб. 1907; Боркгейм, С., „Движение чартистов“, пер. с нем. СПб. 1905; Ф. Энгельс, „Положение рабочего класса в Англии“, пер. с нем. СПб. 1905; Гиббинс, „Английские реформаторы“. М. 1896; Меттен, „Социализм в Англии“. СПб. 1898; Брентано, „Христианско-социальное движение в Англии“, пер. с нем. М. 1906.

ГЛАВА XII.

Германия.

I. Тайные общества.

Париж в тридцатых годах XIX столетия представлял обою тот центр, где бурлило море разнообразных социалистических течений и откуда расходились по Европе нити эволюционного движения. Здесь же соединялись воедино немецкие беглецы. В Париже организовался и первый, скорее, впрочем, закрытый французским правительством ерейн—для поддержки южно-германской оппозиционной печати. Революционная традиция движения через Буонаотти, жившему под старость в Швейцарии, восходила к бабефу, опиравшемуся в своей работе на массу. Таким образом, бабувизм сохранялся в течение 30 лет после его официального подавления.

В 1843 году возник в Париже первый тайный демократически-республиканский Союз—Bund der Geächteten (союз отверженных“, изгнанников или опальных). Эта организация ставила себе задачей освобождение и возрождение Германии, обоснование и упрочение социального политического равенства, свободы, гражданской доблести и единства сперва немецкого народа, затем народов всего мира. Союз представлял собою тайную организацию со строгою дисциплиною и централизованным управлением. Центр назывался—аг, группы—„шатры“ и „хижины“. Во главе его стояли а приват-доцента: Вильгельм Шустер из Геттингена Якоб Венедей из Гейдельберга. Несколько сот молодых людей, и почти исключительно ремесленники, как рижские, так и кочевавшие по городам Германии, вошли в состав его членов. Но общество все же просуществовало недолго, так как подвергалось преследованиям лиции, открывшей его в 1804 году. „Шатры“ были

обнаружены в пяти германских городах. Союз имел в 1834 году свой редактировавшийся Венедеем орган, „Изгнанник“, начавший появляться с первого же года основания общества. Сам редактор примыкал к якобинизму и к христианскому социализму в духе Ламенне, ярким поклонником которого он был. Но у него был и свой мрачный оттенок, который формулировался девизом: „Нам нечего делать — нам нечего есть“. Ряд членов союза сочувствовал коммунизму Бабефа, некоторые — идеям Сен-Симона и Сисмонди ¹⁾. Шустер был более радикален.

В 1836 году из союза во главе с Шустером выделились самые крайние, большею частью пролетарские элементы, которые образовали новый союз под названием: „Союз справедливых“ (Bund der Gerechten).

Об этих двух организациях Фридрих Энгельс рассказывает следующее:

В „Материнском Союзе“ остались лишь наиболее сопливые элементы, а Иакобус Венедей вскоре совершенно снул: когда в 1840 году полиция выследила несколько секций в Германии, он представлял собою едва лишь тень прежнего“. Новый союз, напротив, развивался относительно быстро. Первоначально он был германским отпрыском связанного с бабувистическими воспоминаниями французского рабочего коммунизма, который около того же времени сформировался в Париже; общность имущества требова-

¹⁾ Подробности об их платформе можно найти в книге: Шарль Андлер, „Введение и комментарий к Коммунистическому Манифесту“, М. 1906 г., стр. 4.

„Союз Справедливых“ воспринял от „Союза Изгнанников“ понятие классовой борьбы и теорию неизбежности социальной революции, добавил и теорию конспиративную диктатуры выборным началом, добавил и развил ряд новых пунктов программы: уничтожение права собственности на землю и права наследования, план общественных распахов и мелораций, создание промышленных армий и сочетание воспитания и материального производства. Это были в значительной мере уже старые идеи, но один из участников союза, Вильгельм Вейтлинг, вдохнул в них жизнь и оживил революционные традиции Союз Справедливых, как и сам Вейтлинг, колебался между пропагандой и социальной революцией и неохотно участвовал в обсуждении активных выступлений. В революционном и социалистическом смысле этот союз был смелее и радикальнее первого Союза, к тому же и состав участников был уже почти пролетарский. Он погиб, вовлеченный в революционную авантюру Вланки и Барбеса в мае 1839 года, когда тайное „Общество времен года“ неожиданно и безуспешно открыло один из кварталов Парижа баррикадами.

лась, как необходимое следствие „равенства“. Цели были те же, что и у парижских тайных обществ того же времени: наполовину союз пропаганды, наполовину заговор, при чем, однако, всегда центральным пунктом революционных действий считался Париж, хотя далеко не исключалась подготовка возможных вспышек в Германии. Но так как Париж оставался главным полем битвы, то „Союз“ был тогда не более, как немецкой ветвью французских тайных обществ, а именно руководимого Огюстом Бланки и Барбесом „Общества времен года“ (Société des Saisons), с которым он состоял в тесной связи. Французы открыли бой 12 мая 1893 года; секции „Союза“ приняли участие в предприятии и, таким образом, были вовлечены в общее поражение.

Из немцев были захвачены Карл Шаппер ¹⁾ и Генрих Бауэр ²⁾; правительство Луи-Филиппа удовлетворялось их высылкой после продолжительного заключения (Энгельс в предисловии к „Кельнскому процессу коммунистов“ Карла Маркса, рус. пер. Петр. 1919, стр. 4). Шаппер и Бауэр эмигрировали в Лондон, где вместе с часовщиком Иосифом Моллем собрали остатки союза, сделавшись центром агитации. „Я познакомился со всеми троими в 1843 году в Лондоне,—говорит Энгельс,—это были первые революционеры-пролетарии, которых мне приходилось видеть“. Они уже были коммунистами, опиравшимися исключительно на требования равенства, что несомненно было остатком бабуизма.

Из Лондона союз поддерживал связи с Парижем, Гераниею и Швейцариею, где имелись разветвления и секции. Там, где законы разрешали устройство легальных организаций, параллельно устраивались открытые общества рабочих. Так, в феврале 1864 года немецкие рабочие-комму-

¹⁾ Шаппер из Нассау, будучи студентом, „в 1832 году был членом устроенного Георгом Бюхнером заговора; 3 апреля 1833 года вместе с другими ходил на штурм франкфуртского полицейского участка, бежал за границу и в феврале 1834 года принимал участие в походе Мадзини на Савойю. Богатырского сложения, решительный и энергичный, всегда готовый поставить на карту буржуазное существование и жизнь, он был образцом того профессионального революционера, какой играл известную роль в тридцатых годах“.

²⁾ Генрих Бауэр из Франконии был „башмачником по профессии; живой, подвижной, остроумный человек, в маленьком теле которого, однако, тоже крылось много хитрости и решимости“.

нисты основали в Лондоне открытый немецкий образовательный фереин (Arbeiter-Bildungsverein), служивший тайному союзу резервуаром для вербовки новых членов. Так как коммунисты, — говорит Энгельс, — были активнейшими и наиболее интеллигентными членами ферейна, то, само собою разумеется, его управление находилось целиком в руках союза. „Вскоре в Лондоне возникло несколько таких небольших добавочных организаций, именовавшихся хижинами“ (Hütten).

Ядром „Союза Справедливых“ были портные. „Немецкие портные, — говорит Энгельс, — встречались тогда повсюду: в Швейцарии, в Лондоне, в Париже. В последнем городе немецкий язык был настолько господствующим языком этой отрасли промышленности, что мне, например, в 1846 году пришлось познакомиться там с норвежским портным, прибывшим во Францию морским путем, который в течение 18 месяцев не выучил ни единого французского слова, но прекрасно научился говорить по-немецки. Парижские общины в 1847 году состояли преимущественно из портных, одна — из столяров-мебельщиков“.

„С того времени, как центр тяжести был перенесен из Парижа в Лондон, на первый план выступил новый момент: Союз из немецкого мало-по-малу сделался интернациональным. В рабочем фереине, помимо немцев и швейцарцев, встречались представители всех тех национальностей, у которых для сношения с иностранцами служил преимущественно немецкий язык, т.е. скандинавцы, голландцы, венгерцы; чехи, южные славяне, также эльзасцы и русские. Фереин вскоре принял название „Коммунистического рабочего образовательного фереина,“ и на членских билетах стояло изречение: „Все люди — братья“ — по меньшей мере на двадцати языках, хотя кое-где и не без грамматических ошибок. Как открытый фереин, так и тайный союз вскоре тоже приняли более интернациональный характер; сначала интернациональность его была несколько ограничена; практически интернациональный характер его выражался в различии национальностей членов, теоретически же он вытекал из понимания, что всякая революция, чтобы быть победоносной, должна стать европейской. Далее этого еще не шли, но основы были уже положены“.

„С французскими революционерами через лондонских изгнанников, их боевых товарищей в 1839 году (восстание

Бланки), поддерживалась тесная связь. То же и с более радикальными поляками“.

И в иных отношениях характер Союза изменился с течением событий. Хотя на Париж все еще смотрели—и тогда с полным правом—как на революционную отчизну, все же зависимость от парижских заговорщиков уже исчезла. Распространение Союза подняло его самосознание. Чувствовалось, что он пускал все более и более глубокие корни в немецком рабочем классе, и что эти немецкие рабочие исторически призваны идти впереди рабочих европейского севера и востока. В лице Вейтлинга они имели коммунистического теоретика, которого смело можно было поставить на ряду с его тогдашними французскими конкурентами. Наконец, опытом 1839 года были научены, что практика революционных вспышек пока ничего не даст. И если все еще продолжали каждое событие истолковывать, как предвестник приближающейся бури, если старые полуконспиративные уставы, в общем, удерживались, то это было скорее результатом старого революционного упрямства, которое уже начинало приходить в столкновение с надвигающимися более совершенными новыми взглядами.

Напротив, общественная доктрина Союза, как ни неопределенна она была, заключала в себе один весьма крупный, но обусловленный самыми обстоятельствами недостаток. Члены Союза, поскольку они вообще были рабочими, были почти исключительно ремесленниками в собственном смысле. Человек, их эксплуатировавший, сам был в крупных мировых городах большею частью лишь мелким мастером. Даже эксплуатация портняжества в крупном стиле, так называемая, теперь „конфекция“, путем превращения портняжного ремесла в домашнюю промышленность за счет одного крупного капиталиста, находилась тогда даже в Лондоне в зародышевом состоянии. С одной стороны, эксплуататор этих ремесленников был сам мелким мастером; с другой стороны, все они надеялись, в конце концов, сами стать мелкими мастерами. И притом тогдашний немецкий ремесленник был еще опутан целою массою унаследованных цеховых взглядов. К величайшей чести их поэтому служит тот факт, что они, не представляя собою настоящих пролетариев, но лишь придаток мелкой буржуазии, который находился на пути превращения в современный пролетариат и не стоял в прямой противоположности к буржуазии,

то-есть к крупному капиталу, что эти ремесленники были в состоянии инстинктивно предугадать свое будущее развитие, хотя они еще и не могли с полным сознанием конституироваться в партию пролетариата. Но недостаток этот был и неизбежен, так как старые ремесленные пред-рассудки каждую минуту подставляли им ногу, как только приходилось подвергать существующее общество детальной критике, то-есть исследовать экономические факты. И я не думаю, чтобы во всем Союзе в то время нашелся хоть один единственный человек, который прочел когда-либо книгу по экономической науке. Но это мало кого смущало; „равенство“, „братство“ и „справедливость“ помогали пока справляться со всякой теоретической трудностью.

В Германии ветви Союза распространялись преимущественно в крупнейших тогдашних городских центрах, как Берлин и Магдебург. Они были многочисленны, но переходящего характера, т.-е. то возникавшие, то распадающиеся.

Оставшуюся было парижскую секцию в 1840 году собрал портной Вильгельм Вейтлинг, виднейшая фигура того времени, о котором будет еще речь ниже. Переселившись в Швейцарию, Вейтлинг вместе с Августом Беккером создали довольно сильный центр, принявший вскоре особый именно „вейтлингский“ оттенок. Это была своеобразная и талантливая смесь идей первохристианства и боевого пролетарского самосознания. К 1847 году новый союз, „Союз Коммунистов“, уже окончательно сформировался и сделал шаг вперед в смысле развития идеологии „Коммунизм равенства“, которым был проникнут „Союз Справедливых“, и коммунизм Вейтлинга в немецких и швейцарской его группах уже не удовлетворяли вошедших в круг этих идей молодых Маркса и Энгельса, начавших развивать уклон, с одной стороны, в сторону политики, с другой, в сторону выработки нового теоретического обоснования социализма—материалистической теории истории. Поэтому Маркс и Энгельс начали вместе с художником Пфендером и портным Эккарисуом создавать параллельно свою обособленную организацию проникнутую новыми идеями, как они тогда называли „критического“ коммунизма. Этот новый центр, довольно влиявший одно время на весь „Союз Справедливых“ не окрепнув организационно, к 1847 году растворился в Союзе, в который теперь окончательно вошли Маркс

Энгельс. Союз идейно окреп, деятельность его оживилась, и в течение 1847 года им было созвано два съезда для выработки общей программы и тактики. Здесь-то,—преимущественно на втором съезде,—и был выработан новый краеугольный камень социалистической теории и тактики, бессмертный отныне „Коммунистический Манифест“. Вместе с тем был реорганизован старый „Союз Справедливых“ и превращен в „Союз коммунистов“ с центром в Брюсселе, где тогда жил Маркс. Новый центральный комитет был в марте следующего 1848 года арестован, но этим дело не кончилось. Спустя четыре года, а именно осенью 1852 года возник процесс немецкой ветви Союза в Кельне. 12 человек по этому подробно описанному Марксом процессу („Кельнский процесс коммунистов“) были осуждены. „Союз коммунистов“, утратив свои наиболее живые отделения, распался.

II. Тайные съезды коммунистов.

„Союз коммунистов“ созвал летом 1847 года первый съезд в Лондоне, куда собрались представители секций Союза разных стран. На съезде между прочим присутствовал Фридрих Энгельс, как делегат от парижской группы. Вот, что он рассказывает об этом съезде: „Здесь сначала была произведена реорганизация Союза. Что еще оставалось от старого мистического имени из эпохи конспирации, было теперь тоже уничтожено; Союз распался на общины, районы, руководящие районы, центральные учреждения и конгресс и отныне стал называться „Союзом коммунистов“. Цель Союза—„низвержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на классовых противоречиях буржуазного общества и основание нового общества без классов и без частной собственности“—так гласит первый параграф. Самая организация была вполне демократическая, с избираемыми и сменяемыми властями, и одним этим был положен предел всем конспирационным поползновениям к диктатуре, и Союз, по крайней мере, для обыкновенного мирного времени,—превратился в чистое общество пропаганды. Эти новые статуы—так демократически стали поступать теперь—были предложены общинам для обсуждения, затем еще раз рассмотрены вторым съездом и приняты им окончательно 8-го декабря 1847 г.

Второй съезд происходил в конце ноября и начале декабря того же года. Здесь присутствовал также Карл Маркс и в продолжительных дебатах—съезд продолжался, по крайней мере, десять дней—защищал свою новую теорию. Все возражения и сомнения были устранены; новые основы приняты единогласно, а Марксу и Энгельсу было поручено выработать „Манифест“, что и было ими исполнено. За несколько недель до февральской революции „Манифест“ был отослан в Лондон для напечатания. „С того времени,—говорит Энгельс,—он совершил путешествие вокруг света, переведен почти на все языки и служит еще и теперь в различнейших странах руководящей нитью пролетарского движения“. На место старого фурьеристского эпиграфа союза: „Все люди—братья“ был помещен новый боевой клич: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“, открыто провозглашавший международный характер борьбы. Семнадцать лет спустя, этот боевой клич прогремел по свету, как военный лозунг „Международной Ассоциации Рабочих“ (Интернационала). Современный революционный пролетариат всех стран начертал его на своем знамени.

Началась февральская революция. Лондонский центральный комитет перенес свои работы в руководящий округ— в Брюссель. Но „это решение было принято в тот момент, когда в Брюсселе господствовало уже фактически осадное положение, особенно же немцам уже нигде более нельзя было собираться“. „Мы все уже были готовы перебраться в Париж“,—рассказывает Энгельс,—„и поэтому новый центральный комитет решил также распустить себя, передать все свои прерогативы Марксу и уполномочить его немедленно конституировать в Париже новый центральный комитет. Едва успели разойтись пять человек, принявшие это решение (3 марта 1848 года), как полиция ворвалась в квартиру Маркса, арестовала его и принудила в течение ближайших дней выехать во Францию, куда он как раз и собирался сам“.

В Париже все вскоре встретились. Там-то и был составлен следующий, подписанный членами нового центрального комитета документ, распространенный затем по всей Германии.

Вот, что гласили эти „требования“ коммунистической партии в Германии:

1. Вся Германия объявляется единой и нераздельной республикой.

2. Народные представители получают плату, чтобы в парламенте германского народа могли заседать рабочие.

3. Всеобщее вооружение народа.

4. Княжеские и другие феодальные поместья, все рудники, шахты и т. д. становятся государственною собственностью. В этих поместьях устанавливается крупное земледельческое производство при помощи самых современных средств науки на пользу всего общества.

5. Ипотеки на крестьянские имения объявляются государственной собственностью; проценты по этим ипотекам уплачиваются крестьянами государству.

6. В местностях, где развито арендное дело, земельная рента или арендный шилинг уплачивается, как налог государству.

7. Все перевозочные средства: железные дороги, каналы, пароходы, пути, почта и т. д. превращаются в государственную собственность и предоставляются в распоряжение неимущего класса.

8. Ограничение права наследования.

9. Введение прогрессивного налога и уничтожение налогов на предметы потребления.

10. Устройство национальных мастерских. Государство гарантирует всем рабочим „право существования“ и призывает неспособных к труду.

11. Всеобщее бесплатное народное образование.

„В интересах же германского пролетариата, мелкого бюргерства и крестьянского сословия—немедленно со всей энергией приняться за проведение в жизнь только-что изложенных мер, так как только осуществление их может дать миллионам людей, которые до сих пор эксплуатируются в Германии небольшой кучкой лиц и которых стараются и дальше держать в угнетении, возможность добиться своих прав и достичь той власти, которая им подобает, как производителям всего народного богатства“. Комитет в лице: Карла Маркса, Карла Шаппера, Г. Бауэра, Ф. Энгельса, И. Молля, В. Вольфа.

1848 год был неблагоприятен для Союза Коммунистов, неудача первой пролетарской революции целиком отразилась на ее идейном авангарде. Дольше всех продержалась немецкая ветвь Союза, но и та окончательно растаяла после Кельнского процесса коммунистов. Духовные вожди движения рассеялись. Карл Маркс окончательно водворился в

Лондоне, Вильгельм Вейтлинг перебрался через океан в Соединенные Штаты. Наступили годы тяжелой реакции.

III. Вильгельм Вейтлинг.

Мы уже видели, что в 30-х годах XIX столетия утопизм из Франции начал распространяться по Европе. Германия не осталась чужда этому движению, хотя немцы в эту эпоху представляли собою одну из консервативных национальностей. „Верхние слои“ общества знакомились с воззрениями Фурье и Сен-Симона из сочинения Лорэнца фон - Штейна, одного из первых осведомителей Германии о социализме за границей, из произведений и писем Генриха Гейне и Беттины фон Арним. Мысль интеллигенции уже и ранее подготавливалась к восприятию социализма, с одной стороны, философом Фихте, который в своем трактате „Изолированное торговое государство“ (1800 г.) решительно порвал с экономическим либерализмом и требовал государственного вмешательства в хозяйственную политику народа, с другой стороны, рядом описательных сочинений, изображавших тяжелое положение трудящихся.

„Низшие слои“, главным образом ремесленники, заимствовали коммунистические идеи непосредственно у источника. Их Меккою был Париж, тогда еще вполне гостеприимный немцам. Сюда со всех концов Германии стекались паломники для поклонения новым идеалам. Тут были и просто радикалы и ех-революционеры, беглецы от зверского прусского сыска, и неудачные политические агитаторы, и модные тогда юноши, „пораженные мировой скорбью“ и разочарованием. Все они тонули в широком потоке странствовавших в силу многовекового обычая своего класса—немецких ремесленников. Их бесконечные вереницы неустанно тянулись из города в город, через таможенные границы и за государственные пределы. Побывав в Париже, где они легко обходились одним своим родным языком, немецкие подмастерья возвращались затем в различные концы своей родины, но уже политически и социально вполне определенно настроенные, с жадностью радикальных преобразований и тем самым подготовляли почву для смены увлечения книжным утопизмом—новым пролетарским. Отныне социалисты из замкнутых и малочисленных кружков интеллигенции переходили к массам, к трудовому народу, ко всему германскому пролетариату.

Утопизм, таким образом, от заоблачных мечтаний превратился в серьезное очередное дело трудящихся.

В числе попавших в Париж немецких ремесленников был и Вильгельм Вейтлинг, пролетарий по рождению, бродячий портной по профессии, оригинальный мыслитель и недюжинный агитатор по призванию.

Освоившись в Париже с доктринами французских утопистов, Фурье и Сен-Симона, особенно с учением Этьена Кабэ, Вейтлинг переработал воспринятое им по-своему и к началу 40-х годов развил свои мысли в целое своеобразное коммунистическое учение. Это учение проникнуто религиозным настроением, полно энтузиазма, убеждения и веры в силы рабочего класса. Пролетариат для него все—и цель и метод. Свои задушевные думы Вейтлинг излагал в книжках и в статьях им же издаваемых газет. Друзья его деятельно распространяли его сочинения. Одаренный от природы красотой и мощною фигурой, красноречивый и фанатичный, Вейтлинг говорил пламенным полубиблейским языком, напоминающим проповеди первых вождей христианства.

В итоге, упорный и даровитый агитатор не мог не иметь успеха. Его пропаганда вызвала первое сознательное массовое движение в пользу коммунизма среди обездоленного рабочего люда тогдашней Германии. Появился пролетарский коммунизм. Внедряя в пролетариат социальное недовольство и начатки стремительного самоопределения, прививая яд идеалистического искания лучшего будущего, поддерживая энергию и восхваляя борьбу, Вейтлинг, тем самым, создавал зародыш будущей социал-демократии.

Итак, это он—гениальный рабочий, самоучка—сожмнул цепь идеи и среды, вызвал контакт и, перевернув страницу социальной истории, стал родоначальником немецкого рабочего движения.

Итак, это он—портновский подмастерье и бедняк—схватил первый в свои мозолистые, исколотые иглою и обожженные утюгом руки пылающий факел социализма и высоко поднял над головами масс его волнующееся пламя.

Биография Вейтлинга. Жизнь этого исторического человека интересна и поучительна. Немецкий рабочий Вильгельм Вейтлинг родился 9 октября 1808 г. в немецком городе Магдебурге в очень бедной семье. Кто был его отцом—мы не знаем. В метрической книге записано имя его матери, Христины Вейдлинген из города Геры, и ука-

заны два воспитанника: сапожник Иоахим Кемпф и каменщик Иоанн Вейтлинг. Таким образом, ясно, что новорожденный Вейтлинг был внебрачным ребенком. Он вырос, по собственному указанию, в крайней нищете и больших лишениях. В школе его обучили только начаткам грамоты. Затем юный Вильгельм становится портновским учеником, потом подмастерьем и, по обычаю немецких ремесленников, как подмастерье, уже с двадцатилетнего возраста, т.-е. с 1828 года, ведет бродячую жизнь по всей Германии. Эта „школа жизни“, погубившая многих, обогащала, конечно, наблюдательный ум молодого человека. Она дала возможность обостриться тому горячему чувству негодования против социальной неправды, которая в высшей мере характеризует Вейтлинга. В конце 30-х годов наш странствующий подмастерье попадает в Париж, куда в то время был открыт доступ для всякого немецкого ремесленника. В Париже Вейтлинг остается несколько лет подряд, и, работая иглой, кормившей его, и занявшись самообразованием, Вейтлинг не тратит времени даром. Париж того времени был центром борьбы различных коммунистических школ. Властителями дум не только молодых поколений, но, в известной мере, и всех передовых людей того времени были Фурье, сен-симонисты Анфантен и Базар, Кабэ. Бедный немецкий ремесленник, попав в Париж, быстро проникается коммунистическими идеалами, увлекается ими и с азартом истинного прозелита решает посвятить свою жизнь на их проповедь. Все это заставляет Вейтлинга изменить и его прежнюю профессию и все мировоззрение, ранее довольно неопределенное и нейнтересное. В свою очередь, французский коммунизм претерпевает решительную переработку в уме талантливого и бывалого немецкого ремесленника.

В Париже Вейтлинг вошел в местный отдел „Союза Справедливых“. В Париже, как позднее в других местах, Вейтлинг, в силу его природного красноречия и благодаря опубликованию его первой и весьма поучительной брошюры: „Человечество как оно есть и как оно должно быть“, сразу обратил на себя внимание тогдашних радикальных кружков. Еще больший успех Вейтлинг имел в Швейцарии, куда он переселился из Парижа в 1841 году.

Переезд в Швейцарию был уже по-своему шагом в Германию. Дело в том, что Швейцария в 30-х и 40-х годах XIX века играла для Германии ту же роль, что позднее Бельгия для Франции, Лондон и Женева для русских эми-

грантов. Из Швейцарии Вейтлингу было легче распространять свои идеи на родине, чем из Парижа.

И вот из Швейцарии, стараниями Вейтлинга, новые французские воззрения проникают в Германию. Страна Флориана Гейера и Томаса Мюнцера вновь начинает прислушиваться к совершенно утраченной ею социальной идее. Франция, таким образом, сыграла роль воскресительницы социального настроения в немецкой стране, погрязшей к тому времени в мещанских и мелко-буржуазных настроениях.

Эта связь была ясно понята и формулирована в 1844 г. Карлом Марксом, который на страницах журнала „Франко-немецкий ежегодник“ пророчески возвестил миру следующие замечательные слова: „эмансипация Германии будет эмансипацией всего человечества, но когда в Германии все будет готово, то восстание вспыхнет только по пробуждающемуся пению галльского петуха“. Как уже было сказано, Вейтлинг в 1841 году поселился в Швейцарии, в Женеве. Здесь его взгляды нашли себе полное сочувствие в среде бедных немецких ремесленников. В многочисленных, ютившихся тогда в Швейцарии немецких рабочих ферейнах горячее слово Вейтлинга имело большой успех. В Швейцарии Вейтлинг стал еще более радикален и резок, подпав одно время под влияние ученика Прудона, анархиста Мозеса Гесс, оригинальность мысли которого, запальчивость и резкость приемов сильно влияли на людей впечатлительных. В целях более успешной пропаганды Вейтлинг, живя в Веве, с осени 1841 года приступает к изданию рабочей газеты: „Воззвание к немецкой молодежи“. Но вышло только четыре номера этой газеты. Этот орган издавался им позднее под заглавием: „Молодое поколение“.

В 1842 году Вейтлинг выпускает в свет свое главное сочинение: „Гарантия гармонии свободы“, в Веве. Эта книжка была отпечатана в значительном для того времени количестве 2 тысяч экземпляров. Верные друзья и единомышленники Вейтлинга, рабочие Август Бекер и Симон Шмидт, переезжали из кантона в кантон, распространяя в рабочей среде, и не без успеха, книжку своего друга.

Отзывы современников об этом сочинении очень внушительны. Карл Маркс считает, что в буржуазной прессе нет сочинения ему равного. „Сравнивая трезвенную робкую посредственность современной немецкой литературы с этим неукладающимся ни в какие рамки полным блеска лите-

ратурным дебютом немецких рабочих, сравнивая это первое выступление пролетариата с миниатюрным политическим багажом буржуазии, мы должны признать, говорит Карл Маркс,—что немецкий замарашка, когда придет в возраст, будет отличаться необыкновенным ростом“.

Эти слова Маркса оказались пророческими.

Из маленького городка Веве весной 1843 года Вейтлинг отправился в Цюрих, несмотря на предупреждение друзей, доказывавших, что в консервативном швейцарском кантоне ему долго не прожить. Так и случилось. В Цюрихе уже знали Вейтлинга, как автора „Евангелия бедного грешника“, где Христос изображается провозвестником коммунистического учения, и высказывается ряд радикальных взглядов на роль духовенства и устанавливается необходимость коренного преобразования социального строя.

В Цюрихе Вейтлинг был арестован. Сидя в тюрьме, Вейтлинг составил сборник „Тюремной поэзии“, который появился в свет с посвящением матери автора. Стихи Вейтлинга просты и прочувствованы,—это прекрасный образец бесхитростной пролетарской поэзии.

Выпущенный из тюрьмы Вейтлинг был выслан в Германию. На баденской границе его снова арестовали и вывели на север, вначале в Пруссию, а затем в Гамбург. Здесь он познакомился с знаменитым немецким поэтом Генрихом Гейне.

Знакомство их произошло в книжной лавке, и, рассказывая об этом, Гейне попутно характеризует немецкое революционное движение, сравнивая его с английским. Великий германский поэт говорит: „Английские чартисты руководились только голодом, а не идеей; если они утоляют свой голод ростбифом и плум-пуддингом, а жажду—добрым элем, то становятся неопасными: они отваливаются (от социального вопроса), как напившиеся пивки“. Иное впечатление произвели на него отечественные агитаторы, в частности Вейтлинг. „Более или менее тайные руководители немецких коммунистов,—говорит он далее,—великие логики, а самые сильные из них вышли из школы Гегеля“.—„Они единственно живые люди в Германии“,—удостоверяет Гейне,—„и им—пророчески добавляет гениальный сатирик—принадлежит будущее“.

Той же верою в будущность немецкого рабочего класса был проникнут и другой замечательный современник Вейтлинга Карл Маркс, выступивший позднее Вейтлинга на

общественную арену. Карл Маркс, высоко ставит и Вейтлинга, а суровый Маркс вообще хвалил немногих.

Из Гамбурга Вейтлинг переселился сначала в Брюссель ¹⁾, а затем в Лондон, где английские, немецкие и французские социалисты встретили его с распростертыми объятиями, называя „мужественным и высокоталантливым вождем немецких коммунистов“. Но в Лондоне Вейтлинг все же не обосновался, а, получив письмо в 1846 году от Кригея, перебрался в Америку, где принял предложенное ему редактирование „Volksbund'a“, и где продолжал попрежнему агитировать. Центром его деятельности и пропаганды был „Союз Освобождения“—американское общество немецких коммунистов. Издание „Volksbund'a“ не пошло, и литературная склонность Вейтлинга вылилась в издания и личной продаже им же написанных брошюр. Так, впервые появились здесь в 1847 г. „Воззвание к мужам труда и забот“ и английский перевод „Евангелия бедного грешника“. Друзьями Вейтлинга в этот период его жизни были: Альберт Брисман и некоторые другие американские фурьеристы. Часть из них принадлежала к обширному по тогдашнему времени союзу „Союз Освобождения“ (Befreiungsbund). Программа союза представляла собою смесь государственно-социалистических и коммунистических идей, облеченных в масонскую внешность. Пропагандируя свои идеи и агитируя в пользу „Союза Освобождения“, неутомимый Вейтлинг предпринял в начале 1848 г. обширную поездку по Соединенным Штатам и доехал до Нового Орлеана. Вернувшись в Нью-Йорк, он узнал о революционном движении в Германии и поспешил на родину.

Революция 1848 года увлекла Вейтлинга в Берлин. Здесь он принял энергичное участие в движении и даже издавал коммунистический листок: „Избиратель“ („Urwähler“). В октябре того же года он участвовал во втором де-

1) О пребывании Вейтлинга в Брюсселе осталась следующая записка Ф. Энгельса: „Он уже не был более наивным юным портняжным подмастерьем, изумляющимся своей собственной одаренности, который старается уяснить самому себе, какой же вид должно иметь коммунистическое общество. Он был великим человеком, преследуемым завистниками за свое превосходство, который повсюду чувствовал соперников, тайных врагов, коварные козни,—гонимый из страны в страну пророк, имевший в кармане готовый рецепт осуществления неба на земле и вообразивший, что всякий только о том и думает, чтобы украсть его у него“ (К. Маркс: „Кельнский процесс коммунистов“, русск. изд. 1919 г., стр. 12).

мократическом конгрессе в качестве делегата от Нью-Йорка, а спустя месяц был выслан из Берлина.

В Гамбурге, где он вновь временно обосновался, ему удалось организовать несколько отделений „Союза Освобождения“ с крайней революционной коммунистической программой. Когда в августе 1849 года гамбургская полиция выступила против этой агитации, Вейтлинг вторично уезжает в Америку. Здесь с 1851 по 1854 г. Вейтлинг издает газету: „Республика Рабочих“. Он пытался также основать в штате Висконсин коммунистическую общину при содействии организованного им рабочего союза. Но осуществлению его идей помешала распря между его последователями. С этого времени, впрочем, Вейтлинг уже совершенно сходит со сцены. Наступают тяжелые дни. Пятидесятилетний Вейтлинг поступает писцом в переселенческое бюро, а свое свободное время посвящает астрономии и изобретению портновской машинки для выделки петель. Но эти занятия были уже совершенно бесплодными; его астрономические открытия, как оказывается, были известны за тысячу лет до него, а секрет остроумной машины для выделки петель так и остался неоткрытым. Безвестным и всеми забытым Вейтлинг умер в Америке 15 января 1871 года, 63 лет от роду.

Так печально окончилась богатая гонениями и лишениями жизнь родоначальника современного немецкого пролетарского движения. И только теперь в дни великих исторических потрясений наступило время для изучения и оценки заслуг и сочинений этого замечательного человека.

Присмотримся теперь ближе, в чем содержание его сочинений, каковы заключающиеся в них идеи и какое место в истории социализма занимает Вильгельм Вейтлинг.

Сочинения Вейтлинга. I. „Проект общества коммунистического развития“,—до сих пор не напечатанная рукопись. Содержание здесь изложенных идей следующее: пропаганда всегда возможна, ее может вести и небольшое число людей, пользуясь всяким подходящим случаем. Для перехода к лучшему социальному будущему необходимы: общее братство, забвение собственности, обращение на „ты“, прощение обиды, постоянное общение и точка зрения на неприятности, как на болезненное явление, обучение и обсуждение всех социальных систем, умеренность. Все сочувствующие этому организуют союз. Принимая нового члена, ему предлагают вопрос: „Мы, рабочие,

наконец, устали трудиться для лентяев и пр., мы желаем жить вместе новою жизнью, хочешь ли так, как и мы?"

II. „Человечество, как оно есть и как оно должно быть“, 1838 г.

Социальное неравенство ныне порождается „неравномерностью распределения труда и производимых трудом богатств“. Между тем, „кто не работает, тот не должен и есть“. „Никто не должен иметь больше того, сколько нужно для удовлетворения его потребностей“. В итоге „одинаковое для всех материальное положение“, что приводит „к отсутствию забот и к дружелюбию и, следовательно, к всеобщему счастью“. Все „дело... только за борьбу, которую вы, ведь, желаете“,—говорит Вейтлинг, обращаясь к рабочим. Он убеждает бросить „рабский страх, мать трусости“. „Рабочий должен вырвать этот вредный плевел и возлелеять на его месте отвагу и любовь к ближнему“. Истинное счастье, по Вейтлингу, может осуществиться только при соблюдении ряда основоположений, из которых важнейшее: 1) равное для всех распределение труда и одинаковое для всех пользование жизненными благами, 2) одинаковое воспитание и равные для всех права и обязанности, 3) уравнение правителей с прочими гражданами, 4) уничтожение прав владения и наследования, 5) всеобщее соединение всего человечества в великий семейный союз и уничтожение всех узких и черствых понятий о национальности. Эти новые начала осуществляются в том новом социальном строе, в котором будет общность имуществ, но не будет денежной системы.

Проводите свободу и равенство, устраните панов, не дайте постоянное войско и обложите налогами, этим вы многого достигнете, но счастье далеко еще не утвердите“. Чтобы и это надо устроить жизнь на основе общности имущества, уничтожить денежную систему, и поднять нравственность“. „Пока существуют деньги в их современном значении, наш мир никогда не увидит свободы“. „Деньги—смертный грех человечества“. „Порча нравов, обусловленная неравенством состояний, с своей стороны также способствует увеличению нищеты и людских страданий“.

Для практического осуществления этих идей необходимо, по мнению Вейтлинга, предварительное просвещение народов и признание народом его проекта кон-

ституции общества. „Заблаговременное просвещение народа необходимо“ потому, чтобы народ после крушения старого строя быстро нашелся и осмотрелся среди новых общественных порядков и не сделался бы жертвою безначалия или послушным орудием кучки тиранов“. „Конституция великого семейного союза человечества“ покоится на двух основаниях—труд и наслаждение. На труде основывается деловой или рабочий строй, другой,—семейный строй или строй наслаждения (потребление),—основывается потреблением, связанным с наслаждением.

Семейный строй предлагаемого Вейтлингом коммунистического устройства покоится на иерархической организации индивидуальных семей, управляемых старшинами. 1000 семей образует семейную общину. Десять таких общин—семейный округ, избирающий окружное начальство. От каждого округа выбирается один депутат в верховный „великий семейный союз“, уже из своей среды выбирающий высший законодательный орган—сенат.

Сходным образом устроен и рабочий строй, распадающийся на четыре отдела или гражданских состояний: земледельцев, лиц промышленного труда, учителей и промышленную армию. Все граждане в возрасте от 15 до 18 лет подлежат особой, обязательной для всех, трудовой повинности. Эта молодежь составляет обширную промышленную армию труда всеобщего союза. Эта армия исполняет все общественные тяжелые необходимые и неприятные работы, например: очистку гаваней, улиц и зданий.

В государстве Вейтлинга каждая семья получает отдельное жилище с своею обстановкою и садом. Но семьи пользуются общемою кухнею и общим столом. Продукты производятся и распределяются коммуно.

Но „одно равномерное распределение к жизни не в состоянии дать человечеству „полного счастья“. В коммунистическую систему полного равенства необходимо внести поправку. „Строго регламентированное однообразное равенство будет для человечества тем же, что для утомленного дорогою проголодавшегося путника лишенное соли кушанье, на первых порах его едят жадно, затем со дня на день оно становится менее вкусным, а напоследок начинает тошнить“. „Вечно живому, вечно подвижному духу человека должен быть дан простор, чтобы скука и равнодушие не овладели человеком“. Этому началу личной свободы должен быть дан простор, и „каждому

должно быть дозволено работать сверх общенормированного времени (в начале 6 часов), еще добровольно избыточные часы". Этот избыточный труд также регистрируется и идет на удовлетворение индивидуальных желаний и вкусов. И, так как все товары оцениваются и рассчитываются по количеству затраченного на их производство времени, то их можно получить в обмен на удостоверение об избыточном сверхнормированном труде. Владение такими добавочными предметами—только пожизненное. Всякое наследование, как ведущее к усилению неравенства, вообще отменяется. „Таким образом,—думает Вейтлинг,—мера, предусматривающая институт избыточного труда, открывает полный простор проявлению индивидуальных наклонностей отдельных лиц, а потребление и пользование предметами роскоши скорее возрастет, чем сократится“.

Новый порядок, по мнению Вейтлинга, приносит неисчислимые материальные выгоды. Неравенство исчезает, жизнь удешевляется, количество труда сокращается, сумма наслаждений возрастает. Водворяется умеренность вместо развращающей неводержанности. Но умеренность не есть ограничение—люди едят не по порциям, а сколько пожелают.

Этот порядок особенно выгоден в эпохи войны, в дни, когда страна в опасности. Тогда только наступает момент „установления точных порций“. Любопытно отношение коммуниста Вейтлинга к войне. Война с врагами—исключительное событие. Оно ставит на ноги все сильное и взрослое население. В случае ее „мы обязаны приносить самые большие жертвы“. „Члены союза могут тогда делить между собою лишь то, что останется за вычетом потребностей армии, ибо войны наши не должны ни в чем терпеть недостаток. Если остальным пришлось бы испытывать нужду, то нужду эту будут переносить все без исключения, а на миру, как известно, и смерть красна. Мы будем, по крайней мере, избавлены от зрелища, как со ртов немногих течет жир, и как в их шкафах висят десятки костюмов, тогда как большинство терпит голод и стужу“. И когда граждане возьмутся за оружие, чтобы бороться за свободу и равенство, то „остальные, конечно, с радостью возьмут на себя во время войны несколько добавочных часов труда сверх установленного, чтобы вновь поднять размеры внезапно сократившегося производства“.

И, несмотря „на все эти неизбежные жертвы, они все же будут жить неизмеримо счастливее, чем преобладающее

большинство в современном строе". Такой самообороняющийся вооруженный народ Вейтлинг считает непобедимым. „Встав на защиту своих прав против народных угнетателей хотя бы всей Европы“, такой народ выходит из этой борьбы только победителем. Но война—редкое событие. В обыкновенное время человек должен стремиться к совершенствованию. „Человек может все больше приблизиться к нему, но не достигнуть его вполне в своей земной жизни“. „Совершенство—это всемогущий бог, и стремиться достигнуть его значит—сделаться ему более подобным“.

Вейтлинг не считает своего проекта социального преобразования окончательным. Он предлагает его лишь вниманию тех, „кто не имел случая познакомиться с системами общности имуществ, представленными Фурье и многими другими“. „Все до сих пор представленные проекты общественного преобразования представляют доказательства возможности и необходимости его усовершенствования“. „Чем больше книг об этом пишется, тем больше народ может убедиться в справедливости этих доказательств“. „Самую лучшую книгу об этом нам придется написать нашею кровью“—пророчески думает Вейтлинг.

III. „Гарантии свободы и гармонии“ 1842.
Основные идеи этого произведения следующие:

Язык, границы, отечество—все это не нужно, как не нужны и следующие догмы. Люди должны жить общею равною и свободною жизнью. Новая организация общества должна порвать со всем старым. Каждый должен иметь дело на то же удовлетворение потребностей, что и другой. Работа должна давать возможность проявлять все способности.

Коренная причина социальной неурядицы—нарушение гармонии и равновесия между потребностями и способностями. Гармония заключается в дружественном семейном союзе, обнимающем все человечество. Все управление должно находиться в руках ученых и гениев: философов, физиков, механиков. Верхнюю инстанцию является „Совет трех“. Во всей системе управления, как в центральных, так и в местных органах—выборное начало. „Центральные компании“ ведают управление „провинциальными компаниями“ и занимаются преимущественно научными и техническими вопросами.

Существуют, по Вейтлингу, три сорта труда: необходимый, полезный и приятный. Первые два определяются в часах и делятся на число способных к труду. По мнению Вейт-

линга, примерно, для удовлетворения жизненных потребностей государство должно требовать от каждого шестичасового труда. Самое занятие, выбор вида труда и профессии, вполне зависят от воли каждого. Но так как у каждого человека могут найтись и другие потребности, например, к роскоши, комфорту, то для удовлетворения таких потребностей надо работать большее количество, чем шесть часов. Каждый час сверх общей шестичасовой рабочей нормы заносится в особую „коммерческую“ книгу, как „коммерческий“ час. На деньги, полученные за коммерческие часы, каждый в конце года может приобретать все то, что ему лично нравится. Воспитание детей производится за общественный счет, все дальнейшее образование также за счет общества. Суд и тюрьмы во всей стране уничтожаются, а все преступники лечатся в особых учреждениях, как больные.

Для реализации этих идей Вейтлинг видел два пути — пропаганду и коренное изменение существующих условий, — революцию. Второй путь Вейтлинг считал более действительным. Для предварительного же приведения в исполнение своих планов Вейтлинг считал необходимым: уничтожение всех грязных жилищ, всего грязного платья и белья, полную отмену всех долгов.

IV. „Евангелие бедного грешника“, Цюрих, 1843. В этом страстно и гневно написанном памфлете Вейтлинг, основываясь на текстах Евангелия, пламенно обрушивается на ханжество и лицемерие официальной церкви, которая является союзницей буржуазного общества и правительственной власти. От Евангелия попов нужно, по мнению Вейтлинга, обратиться к Евангелию любви, мужества и надежды. Пролетарии — эти „бедные грешники“ — не должны смущаться ни своей бедности, ни своих мелких грешков. В существующем строе они и так наказываются в то время, когда крупные проделки сходят большим мошенникам с рук. „Если вам, не обращая внимания на ваши намозоленные в работе руки, отравят горьким упреком стакан вина или водки, раскройте это Евангелие. В нем вы найдете того, кто не отвергает с презрением радости трапезы, найдете друга мытаря и грешника, пред которым с’ежится мораль ваших врагов. Расточительной рукой ты расплескала свой драгоценный елей, кающаяся Магдалина. Грешница с томными глазами! Ты позволяла маленькому божку любви рыться нескромными руками в весенних почках своей красоты и

оказывала ему слабое сопротивление. Ты ослабляла страдание, одерживая над ним победу за победой. Королева страданий, теперь ты их победила“.

Христос, по мнению Вейтлинга—коммунист. Он требовал уничтожения денег, отмены наказаний, отрицал семью и брак, не уважал частную собственность. Христос рекомендовал свободу и равенство, общность труда и общность наслаждений. Всякий раз, когда христианские реформаторы обращались к христианству, они оживляли свои демократические идеалы. Атеисты и теисты, как Вольтер,—вредны. Каждую из этих мыслей Вейтлинг обосновывает соответственным текстом евангелия, которых в книжке более ста.

IV. „Вейтлинговский“ социализм и его историческое значение.

Основные идеи Вейтлинга были заимствованы у французских утопистов, но усвоены и переработаны на его, Вейтлинга, упрощенный и притом пролетарский лад. Не даром Энгельс говорит об особом, „Вейтлинговском“, коммунизме.

Вейтлинг не просто заимствует и перелагает. Французский утопизм, изысканный и аристократический в своем изящном полете фантазии, превращается в уме Вейтлинга в суровое демократическое учение. Сектантская замкнутость и известное самодовольство, которым проникнуты все эти великолепные картины будущего, сменяются у Вейтлинга боевым настроением разгневанной улицы, революционным порывом. То, что Фурье и Сен-Симон ждали от королей и миллионеров, Вейтлинг ожидает от революции. Вместо чуда он верит в свои силы и силы сплотившихся рабочих. Ведь Вейтлинг, как рабочий, привык полагаться только на себя, справедливо думая, что социальное счастье не дается, а берется с бою. И кто упрекнет энтузиаста-бедняка, что он, этот первый дерзнувший пролетарий, чуждый систематического образования, делает ошибки в своих исторических и философских доводах. Не в них, не в объективной логичности и сухой эрудиции его сила и власть над поколением. И пусть он всю историю культуры наивно считает историей разбоев, пусть он искренно верит в свою убогую, как и его бюджет, бухгалтерию „коммерческих часов“,—его пути прямее утопистов ведут к цели, его учение дает уже не что

всем тем, кто, как и он, перенес на себе все ужасы нищеты, всю тяжесть обратной стороны буржуазной цивилизации.

Итак, общие места и блестящие мысли французского гения Вейтлинг превращает в практические наставления и реальные требования честной немецкой натуры. Вместо изысканного пафоса умозрительного благожелательства у Вейтлинга горькие замечания обездоленного, но глубоко верующего в просвет и победу труженика, беззаветно любящего угнетаемых тружеников и пламенно ненавидящего угнетателей. Не чуждый жизни сектант интеллигент, а пропагандист агитатор рабочий. Какие искренние и проникновенные ноты находит он для изображения своих чаяний и упований. Он гневен, как пророк, и радостен, как ребенок.

Все это несомненно крупный исторический шаг вперед по пути развития социализма, но все еще — не окончательный. Несмотря на свой революционный демократизм, ремесленник Вейтлинг еще чужд истинной пролетарской принципиально выдержанной классовой точки зрения, того специфического чувства, той проникновенности определенного и острого мировоззрения, которое дается усвоением учения Карла Маркса. Вейтлинг не отрицает значения политической свободы и политических партий, но, в конце концов, чисто-анархически думал, что при наличности современной денежно-товарной системы никакую политическую борьбу ничего нельзя сделать. Хотя Вейтлинг осуждает Фурье и фурьеристов, по системе которых не только труд, но и талант и капитал получают соответственное вознаграждение, но сам он еще не чужд утопизма и наивного коммунистического сектантства. Его мечты об общих столовых так напоминают эгалитарные предприятия старой социальной рецептуры. В то же время Вейтлинг, хотя и не ясно, но все же признает и значение политической власти для рабочего класса. Вейтлинг к тому же проникнут религиозностью, хотя и очищенную идеализацией апостольской жизни перво-христианства, и руководится верою в хорошего первобытного человека.

Вейтлинг, по своим воззрениям, почти целиком человек восемнадцатого века. На человека вообще и на историю он смотрит глазами века просвещения. Эволюционные понятия ему совершенно чужды. Всей революционной роли капитализма этот немецкий ремесленник еще совсем не подозревает. Ему не известна возможность роста и победоносного развития пролетариата внутри современных условий.

Лишенный исторических перспектив, Вейтлинг во всей предшествовавшей истории видит только одну темную страницу человеческого бытия. В современности он совсем не ценит принципов экономической борьбы и боевого классового объединения. Подобно всем французским коммунистам, Вейтлинг главнейшим оружием социального преобразования считает нравственный порыв энтузиазма и, подобно им, считает своим долгом представить готовый проект лучшего будущего.

В результате, Вейтлинг чужд и последующего пролетарского самосознания, первые проблески которого у него все же замечаются, и того буржуазного рационалистического утопизма предыдущей эпохи, от которого он все же не окончательно освобождается. Другими словами, Вейтлинг типичная переходная фигура от кабинетного утопизма к пролетарскому социализму, т. е. образная фигура, своего рода символ переходной эпохи.

Стоя еще во многом на почве французских утопистов, Вейтлинг уже революционер нового времени и нового типа и, как первый успешный агитатор немецкого рабочего класса, может-быть, по справедливости, назван и родоначальником немецкого рабочего движения.

Литература социальной истории XIX века не справедлива к Вейтлингу: в исторических описаниях рабочего движения Европы хотя и вспоминают имя Вейтлинга, но о роли его позабыли и значение его умалили. В исторической перспективе Вейтлинг как бы прячется за великими тенями полубогов дальнейшей истории социализма. Колоссальные фигуры Фердинанда Лассаля и особенно Карла Маркса, Родбертуса и Фридриха Энгельса заслонили скромного рабочего, но ему место рядом с ними.

Это, впрочем, сознавали его современники. Людвиг Фейербах, получив от одного ремесленника книгу Вейтлинга, был поражен силою его слова и воскликнул— „это пророк своего сословия“. Суровый и скупой на похвалы Энгельс называет Вейтлинга „единственным немецким социалистом, который, действительно, что-либо сделал“. А беспощадный и саркастический Маркс гневно спрашивает, может ли вся блестящая буржуазия указать на такое свое евангелие, как рабочий класс в труде Вейтлинга. „Где те философы и книжники буржуазии, которые могли бы противопоставить по вопросу о политическом освобождении сочинение, подобное „Гарантиям гармонии и свободы“ Вейтлинга?“ — спра-

шивает Карл Маркс. Он же величает Вейтлинга „атлетом пролетариата“.

И мы должны воздать должное забытому. Вейтлинг открыл триумфальное шествие рабочего движения Запада, первый влил пламенную мысль в дремавший пролетариат. И всюду, где создается классовое движение, всюду, где соединяются обездоленные в защиту своих интересов, должны помнить имя родоначальника немецкого рабочего движения — портного Вильгельма Вейтлинга.

Сам Вейтлинг мало надеется на своих современников. Его мысли и упования с будущими поколениями. Он думает, что только третье поколение людей, принявших коммунизм, будет, действительно, поколением новых людей. Только у них будут общие — язык, обычаи, образование. Только у них общность имуществ будет осуществлена с железною необходимостью. „И тогда будет один пастух и одно стадо“. „Общность имуществ — не устает восклицать Вейтлинг — есть средство спасения для человечества. Оно превратит землю в рай, заменив обязанности правами и уничтожив в корне массу преступлений“. „Но где надежда на его осуществление, и как нам достичь его?“ — спрашивает Вейтлинг. „Мудростью, отвагою и любовью к ближнему, особенно отвагою“.

„Докажите свою отвагу и решимость принять вызов на борьбу за ваши убеждения. Напишите на ваших знаменах: „Мы не хотим более нищеты и угнетения“. — Выбирайте сами своих предводителей, не останавливайте своего взора на богатых и знатных. Пусть ваш генерал не имеет больше прав, чем самый молодой доброволец. Перед лицом врага пусть будет он вашим отцом, за трезвой — вашим братом. Помните, что крестьянину обязана Швейцария своей свободой“.

„Смерть на всех налагает свою руку, и лучше бросить свою юную жизнь на железную чашку ее весов, чем предать ее за корку черствого хлеба в руки кабалы и высокомерия“.

Вейтлинг высоко ценит своих героев и мучеников гражданского долга и революционного подвѣма. „Пусть будут святы, трижды святы, для нас и для потомков наших. — восклицает он, — имена первых мучеников, напоивших со знаменем любви в руках родную землю своею кровью и запечатлевших смертью непоколебимую веру свою“... Трижды святы да будут нам имена тех, кто выдержал до конца“...

„Итак, пусть мудрость будет вашим вожаком, отвага—вашим счетом, а любовь к ближнему—вашим лозунгом, под этими знаменами вы победите“.

Заветы Вейтлинга—нетленны, они всегда будут живы, пока живет, страдает и борется пролетариат.

О Вейтлинге можно прочесть:

1. Франц Меринг, В. Вейтлинг, пер. с нем. Мандельштама. СПб. 1906 („Молот“).
2. Величкина, В. М., В. Вейтлинг. СПб. 1906 („Вперед“).
3. Калер, Э., Вильгельм Вейтлинг, его жизнь и учение. СПб. 1906 (Просвещение). 2 изд. М. 1919.
4. Святловский В., Вожди пролетарского движения в. I. Вильгельм Вейтлинг (1808—1871). Петроград, 1918.

ГЛАВА XIII.

Переходная эпоха во Франции.

I.

Тайные общества и бланкизм.

Аудиторию великих утопистов служила интеллигенция. Все последователи Сен-Симона, Фурье и Кабэ,—все эти „сенсимонисты“, „фурьеристы“ и „кабетинцы“ или „икарийцы“ представляли собою небольшие разрозненные, часто враждовавшие между собою группы и кружки писателей, врачей, инженеров, банкиров и рантье, к которым изредка примыкали и представители мелкой буржуазии. Их социализм носил головной, филантропический или чисто-теоретический характер. Иногда этот социализм приобретал и религиозно-мистический характер, как это было в тридцатых годах во Франции под влиянием аббата Ламеннэ. В этот период социализм носил этический характер, покоился на убеждении и примере и чуждался идеи революционности. Но во Франции после Гракха Бабефа идеи бабувизма не умирали. Они тлели в низах трудового народа и готовы были при случае вспыхнуть с новою силою. Революционные традиции, отголосок Великой Революции, питались не только новыми условиями, в которые при капиталистическом производстве все более попадал пролетариат, и мелкая буржуазия, чем ближе к 1848 году, тем все более становилась радикальной. Она давно научилась вырабатывать свои программы и требования в тайных обществах, куда теперь охотно вступали и рабочие.

Эти тайные общества были заговорщические организации. Особенно стройно был организован тайный союз „Общество времен года“. Здесь господствовала полная дисциплина и царствовала строжайшая конспирация. В основе организации была „неделя“,—каждый заговорщик

считался за один день,—„дни знали только одного руководителя недели — „воскресенье“. Четыре руководителя недель подчинялись своему старшему—или „месяцу“, четыре „месяца“ составляли верховную ячейку—„сезон“ или „время года“, откуда и самое название общества. В недрах общества были два опытных и фанатичных заговорщика Бернар Барбес и Огюст Бланки. Особенно революционным темпераментом отличался Бланки, вечный заговорщик и вечный узник бесчисленного множества тюрем, где он провел более половины своей героической жизни. Бланки не даром получил наименование „святого революции“; его жизнь—одна из замечательных страниц революционной энергии и решительности. Бланки—продолжатель дела Бабефа, без его непрактичности и мягкости.

Не менее решительными становятся в эту эпоху и промышленные рабочие Франции. Когда лионские ткачи были доведены наглостью эксплуатации предпринимателей до эксцессов, то они, разбивая и громя машины и жилища нанимателей, выставили своим девизом: „Жить, работая, или умереть в борьбе“. Но лионское восстание являлось только эпизодическим случаем, которых во Франции было немало. В тайных революционных обществах развилась та программа и система заговорщичества, которая вскоре получила название бланкизма. Это строго дисциплинированная конспиративная система, направленная на устройство тайных заговоров. Но общей идейной программы не было. Кустарному и бесплодному образу действия заговорщической кружковщины содействует отсутствие у пролетариата той эпохи хорошей принципиальной, глубоко продуманной теоретической программы.

Отсутствие ее особенно остро почувствовалось в дни первой пролетарской революции, т. е. революции 1848 года, в эпоху обилия мелких социалистических течений. Некоторые из них продолжают в основе дело Фурье (таковы Дезами, Видаль, Бюшез, и Некер), другие—Сен-Симона (Пьер Леру). Все они мало согласованы между собою, но каждое претендует на внимание. Таковы воззрения Дезами, Луи Блана, Прудона, Пьера Леру и некоторых других.

Дезами выступил в 1842 году с сочинением „Сборник законов, регулирующих общность имущества“. В отличие от идеалистического деизма Кабе, Дезами борется за

материализм и атеизм. Он коммунист, соединивший коммунизм равенства Бабефа с идеями Фурье и Сен-Симона. У Фурье он заимствует некоторые детали будущей организации общества, заменяя фаланстеры „коммунальными дворцами“. Кроме Дезами в предреволюционную эпоху, а также в течение 1848 года наиболее выделились Пьер Леру, Луи Блан и Прудон.

Пьер Леру (1798—1871) резко критиковал капитализм и провозглашал принципы, способные положить начало коммунизму. Но практическая программа у него, как у Сен-Симона, уступала теоретической. Его основная книга „Научная система человечества“ (1840) проникнута идеями Гегеля, бессистемна и туманна.

II.

Луи Блан.

Луи Блан родился 29 октября 1811 года; сын небогатого чиновника, он получил воспитание в коллегии города Родеса. По окончании последней 17-тилетний Блан уже должен был снискивать себе пропитание уроками. Окружающие долгое время мало доверяли юному педагогу, бывшему к тому же очень небольшого роста.

В конце 30-х годов Луи Блан впервые выступил в качестве литератора. Две его стихотворные поэмы получили премию Аррасской академии, а политические статьи охотно печатались в одной из местных газет.

В 1833 году Л. Блан переселился в Париж, где сотрудничал в газете „Добрые чувства“. Статьи его имели большой успех. В 1838 г. он основал свою собственную газету, значительное место в которой было отведено рабочему вопросу. В следующем году, за статью против Луи Бонапарта, Л. Блан подвергся внезапному ночному нападению, едва не стоившему ему жизни. Будущий император, тогда только Л. Бонапарт, издал книгу „Идеи Наполеонов“, на которую Блан отвечал резкою критикою. „Вы нам предлагаете—писал Луи Блан—все то, что было делом вашего дяди, кроме войны... Ах, милостивый государь, ведь это будет деспотизм, только без славы; это двор над нашими головами, но без Европы у наших ног, это империя, но без императора“. В том же 1839 году на страницах его газеты появилось самое известное его сочинение „Организация

труда“, которое сыграло важную роль в ходе социальных событий Франции. Оказав громадное влияние на рабочих Парижа, эта книга имела выдающийся успех и далеко за его пределами. Ошибочно думать, что она содержала что-либо социалистическое: вообще Л. Блан не был социалистом, хотя некоторые сен-симонистские идеи не были ему чужды.

Газета Л. Блана прекратилась в самом начале сороковых годов, так как Луи Блан перешел к ряду исторических работ, обширных по замыслу и талантливых по изложению,—„История десяти лет“, первый том вышел в Париже в 1841 году. Покончив с этим сочинением, Л. Блан приступил к новому самому большому из своих трудов—„История французской революции“. Из 15-ти напечатанных им томов—до 48-го года вышли два. Обе „Истории“ имели колоссальный успех, особенно „История десяти лет“, которая в короткий промежуток времени выдержала ряд изданий, несмотря на свой большой объем.

В то же время Луи Блан принимал участие во влиятельной парижской газете „Реформа“. В итоге имя его стало настолько известным, что в 1846 году ему предлагали быть членом палаты депутатов. Особенно выдвинула Л. Блана революция 1848 г., в которой передовым бойцом являлся пролетариат. В этом движении были моменты, когда самое осуществление нового социалистического строя казалось практически легко исполнимым, и тогда первые шаги в новом направлении связывались с именем Л. Блана.

Но вскоре восставший пролетариат был раздавлен артиллерию Кавеньяка. Раскрывшаяся таким образом пропасть между пролетариатом и буржуазией больше не исчезала, несмотря на усилия многих перебросить через пропасть спасительные мостики примирения.

Классовый антагонизм стал резко проявляться во Франции еще с самого начала сороковых годов. С этого времени пролетариат все больше приходит в возбуждение, движимый двумя магическими формулами: организация труда и право на труд. Буржуазия глядела встревоженно на предвестников новой бури. Король, между тем, был занят династическими планами и интригами против мешавших ему английских министров. Когда суровый и набожный Гизо вступил в 1840 г. на пост премьера Франции, против короля и капиталистов в обществе и парламенте подняла голову либеральная оппозиция. Эта оппо-

иция требовала реформ в самой парламентской системе Франции. „Но среди рабочего населения Парижа—говорит Райф—действовали другие силы и другие идеи сравнительно с теми, что занимали политиков собрания. Теории социализма, увлекавшие в первые годы царствования Луи-Филиппа только немногих мыслителей и читателей, глубоко аспространились в массы народы и обратились в символ эры бедняка“.

Смелые парадоксы Сен-Симона и Шарля Фурье разбудили дремавшую мысль, а редкий по фанатизму энтузиазм их последователей и иступленная страстность, непоколебимая вера в свое учение—двинули общество в сторону экономических вопросов. Аполитический экономизм и радикальное переустройство социального строя стали отныне визитом дня. Тут уже не трудно было указать на роль пролетариата, особенно страдавшего от тогдашней экономической системы. И на эту роль впервые указал Луи Блан.

„Идея нового общественного строя,—говорит Л. Штейн,—владела умами рабочего сословия в предместьях Парижа в какой-либо сложной форме. Рабочий читал у Луи Блана, самого нового и понятного из преподавателей, о праве труда, об обязанности государства доставлять работу своим гражданам. Это было нечто действительное и обязательное. За это он был готов, в случае надобности, взяться за оружие и был совершенно равнодушен к распространению избирательных прав на другую часть буржуазии или переходу власти из рук одних искателей мест в руки других“.

Датика общественных событий с неумолимою последовательностью вела к тому, чтобы и в момент дарования парламентской реформы рабочие массы оставались в оппозиции. Действительно, 24 февраля 1848 года пролетариат, несмотря на уступки Луи-Филиппа буржуазии, свергнул трон во Франции. Поводом была подымавшаяся в то время агитация в пользу реформы выборов. Король в тронной речи в парламенте в 1847 году высказывается против агитации за реформу. Тогда оппозиция организует целый ряд митингов. Один из них, устроенный в западном Париже, на Луврских полях, 24 февраля 1848 г., правительство объявило незаконным. Оппозиция, имевшая намерение вместе с банкетом устроить мирную демонстрацию, не хотела доводить дела до кровавого столкновения. Депутаты уклонились от участия в банкете. Но явившиеся на улицу рабо-

чие устраивают баррикады. Доселе верная „царю и отечеству“ национальная гвардия на этот раз не обнаруживает особенного желанья „подавлять крамолу“ и изменяет Луи-Филиппу. Растерявшийся король дает отставку Гизо. В Париже по этому поводу всеобщее ликование, но пролетариат и его вожди деятельно готовятся к новому выступлению. Убийство в тот же день 80 рабочих перед зданием министерства иностранных дел дает сигнал к новому восстанию. Рабочие берутся за оружие снова. На этот раз окончательно перепуганный Луи-Филипп отрекается от престола в пользу своего внука. Но уже поздно. Толпа, ворвавшись в палату депутатов, избирает временное правительство. В числе членов временного правительства был и Луи Блан. Он опирался на многочисленный парижский пролетариат, усиленно предлагавший ему диктатуру. „Если бы Л. Блан,—говорит Л. Штейн,—в этот великий исторический момент имел мужество восстать против своих товарищей по министерству и захватить предлагаемую ему специальную диктатуру, социалистическое государство было бы создано. Надолго ли—это другой вопрос, но все же оно существовало бы.“

Итак, 24 февраля 1848 г. Луи Блан попал в число членов временного правительства. Уже на другой день, 25 февраля, по настоянию Л. Блана, временное правительство признает „право на труд“. Далее, так как предложение Блана об учреждении министерства труда было отвергнуто, правительство учредило известную Люксембургскую комиссию, под председательством Блана. Благодаря инициативе этой комиссии было устроено несколько производительных ассоциаций.

Правительство в 1848 году дало ассоциациям заказ на изготовление 100.000 мундиров и седел для кавалерии, что заняло труд 2.000 человек. Впрочем, вскоре, а именно в 1851 г., эта работа сдавалась уже не ассоциациям, а всем желающим,—поштучно. Организацией национальных мастерских, „этой—по выражению историка французского социализма Поля Луи—каррикатурой на социализм“, противники Луи Блана хотели подорвать его авторитет, а, главное, дискредитировать социализм.

Тома, стоявший во главе национальных мастерских и составивший их историю, прямо говорит о том, что национальные мастерские были организованы с целью довести до абсурда „теоретические построения Луи Блана. На са-

мом же деле, ни Луи Блан, ни Люксембургская комиссия тут не при чем. Правительство восстановило это учреждение, существовавшее как институт временного характера в 1789 и 1830 г.г. Поэтому все авторы, приписавшие, в противоположность мнению Лассаля, учреждение национальных мастерских влиянию Луи Блана, в этом ошибаются.

После июньских событий и сражения между правительственными войсками и рабочими национальных мастерских, Л. Блан был привлечен к суду за его „преступную“ роль в этих событиях. Луи Блану ничего не оставалось, как бежать в Англию, что он и сделал. В Англии он пробыл 20 лет. Его „Письма из Англии“ (4 тома, Париж, 1865 г.) имели в свое время громадный успех. И только после франко-прусской войны Л. Блан вернулся во Францию, где был немедленно избран членом национального собрания. Коммунары предлагали ему быть диктатором, но Блан отказался; до своей смерти он был только деятельным членом парламента. Но зато, когда в 1879 году Блан предпринял путешествие по Франции, он был как бы вознагражден за свое 20-тилетнее изгнание: его повсюду встречали с необычайным триумфом. В 1881 году, 6 декабря, Л. Блан скончался. Похороны его были устроены за счет государства.

Основные воззрения Луи Блана, главным образом, изложены в его сочинении „Организация труда“. Развитию же отдельных вопросов посвящено много места в других его работах исторического и публицистического характера.

В общем, Луи Блан не был социалистом, но вообще его мировоззрение находится под сильным влиянием сен-симонизма, а отчасти Фурье и Жан-Жака Руссо. Однако, ни одно из этих течений вполне не подчинило его себе. Л. Блан во многом расходится и с Руссо, отрицая, напр., его идею непосредственного народного законодательства, и с Фурье, который внушил ему лишь общую идею ассоциации и навел на мысль о значении привлекательного труда; расходится Л. Блан и с сен-симонизмом; историческая точка зрения последнего хотя и была им целиком усвоена, но все же с значительными поправками.

Так называемое, идеалистическое понимание истории, часто заслонявшееся у сен-симонистов прямо противоположными воззрениями, выдвигается Л. Бланом на первый план. По его мнению, историческое развитие всецело обуславливается успехами

знания. Только наука может поэтому открыть выход из того ненормального положения, в каком находится современное общество. И, будучи признана, научная истина не может не повлиять на ход истории. Если до сих пор человеческое общество, переживая различные стадии своего развития, не могло освободиться от социальных бедствий, то это объясняется для Луи Блана лишь недостаточным знанием истинных условий общественного благополучия. „Язва общества,—по его мнению,—заключается прежде всего в невежестве, жертвою которого становятся все классы. Нужно повлиять на людей, изменить их нравственное и умственное состояние для того, чтобы люди переменили тогда и свой общественный строй. Этого же можно достигнуть только с помощью науки“. Известно выражение Луи Блана, что „не сила руководит миром, а мысль“ и что „история делается книгами“.

Общественная эволюция рассматривается Луи Бланом как смена различных стадий умственного развития. Он так же, как и сен-симонисты, находит в истории три главных фазиса, характеризующиеся тремя различными и противоречивыми друг другу принципами. Но характеристика этих фазисов не совпадает у него с той, какую дали сен-симонисты. История, по воззрению Луи Блана, представляла поочередно преобладание трех принципов: власти, индивидуализму и братству. Власть регулировала жизнь людей помощью внешнего принуждения и навязываемых верований. Освободившись от слепого подчинения власти, человек провозгласил абсолютное значение своих индивидуализированных прав и стал полагаться на свои личные силы. Наконец третья эпоха истории, и притом только теперь начинающаяся, является эпохой братства: солидарность людей вытекающая из признания ее необходимости организовать в гармоническое целое должна устранить как рабство, содаваемое властью, так и все бедствия, связанные с эгоистическим существованием ничем не связанных между собой людей.

Признавая вместе с сен-симонистами факт расчленения общества на классы и преобладания одних классов над другими, Луи Блан не видит, однако же, в классовой борьбе средства общественного прогресса. Наоборот, для прогресса необходимо устранить антагонизм классов и привлечь все члены общества к примирению и сознательному устройству жизни на новых началах. Общество приобретет силу, и

обходимую для разрешения современных противоречий лишь в единении и в общей коллективной деятельности. Здесь на помощь является наука, призывающая к разумному отношению к жизни и утверждающая ту истину, что личный интерес человека не противоречит интересам общества, а находится с ним в полной гармонии.

Отрицание классовой борьбы не приводило, однако, Луи Блана к отрицанию революции, как неизбежного момента в развитии общества. Наоборот, он сам называл себя революционером. Развитие новых идей, совершающееся медленно и постепенно, приводит неизбежно к перевороту, который может совершаться более или менее быстро и заключается в замене одной общественной организации другою, ей противоположною. Революция, как ее понимает Луи Блан, не всегда принимает бурный разрушительный характер. Чем больше в обществе будет распространено правильное, научное понимание вещей, чем большее участие будет принимать народ в законодательстве, тем легче революция может совершиться мирным бескровным путем. Всеобщая подача голосов, по мнению Луи Блана, окажет в этом отношении неопределимую услугу.

Современный строй, в котором с особенной силой проявляют себя начала индивидуализма, должен быть изменен, если общество не желает погибнуть. Должна произойти революция, которая поставит во главу угла принцип братства. Поэтому необходимо прежде всего подвергнуть критике самые основы современного строя и позаботиться о распространении правильных научных воззрений на общественную жизнь.

Но особенно обстоятельной и жестокой критике подвергается Луи Бланом принцип конкуренции, царящий в современном обществе. Конкуренция является источником всего зла. Она, не в одинаковой, правда, степени, но все же губительна, как для рабочих, так и фабрикантов. Подробно описывая самый процесс, так называемого, свободного договора между работником и работодателем и указывая причины постоянного понижения цен, к которым рабочие вынуждаются голодом, Луи Блан подчеркивает безвыходность положения рабочего и его полную необеспеченность. Конкуренция создает бедность, а бедность порождает пороки. Она обуславливает перепроизводство и промышленные кризисы. В среде же предпринимателей конкуренция создает постоянную вражду и служит часто причиною разо-

рения. Мелкая собственность поглощается крупной, и, в конце концов, создается олигархия „финансовых вельмож“. Конкуренция обращается, по словам Луи Блана, во „всеобщую экспроприацию“.

Луи Блан считает поэтому необходимым бороться с распространенным в его время учением фритредеров, провозглашавших принцип „laissez faire—laissez passer“. По его словам, совершенно непоследовательно для государства, берущего на себя защиту граждан от опасностей, являющихся результатом свободной конкуренции, отказываться от мероприятий, которые могли бы предупредить эти опасности, т.е. от вмешательства в экономическую жизнь.

Но такое зло, как конкуренция, должно быть устранено силой, равной ему по могуществу. От него можно избавиться обществом, противопоставив конкуренции конкуренцию же, только иначе осуществляемую. Как известно, предприятие, ведущееся в крупных размерах с более крупным капиталом, в силу своей большей мощности оказывается победителем в борьбе за рынок. Поэтому—рассуждает Луи Блан—нужно найти капиталиста, который мог бы померяться с самыми крупными предпринимателями—и тогда эти последние будут побеждены. Таким капиталистом может явиться только государство, поддерживающее своими капиталами ассоциации производителей. Ассоциация—это единственная форма, которая может избавить человечество от угнетающих его бедствий. Наемный труд должен быть совершенно уничтожен, оплата же труда должна производиться сообразно с количеством рабочих часов. Ассоциация не представляется Луи Блану чем-либо искусственно изобретенным и навязываемым человечеству, вопреки его общим стремлениям. Наоборот, это есть наиболее приспособленная к человеческим инстинктам форма труда, так как личное и общественное начала неразрывно связаны в человеке. Всякое право личности, по мнению Луи Блана, получает силу лишь при отождествлении его с общественным интересом. Все граждане должны обратиться постепенно в члены ассоциации. Это последнее требование выставлялось Луи Бланом, как идеал, к которому должно стремиться общество. Оно понимал, что ассоциация может действительно привести к желаемым результатам лишь в том случае, если она является всеобщей, если она охватывает все отрасли промышленности. Именно поэтому Луи Блану представлялось существенно необходимым участие

государства в деле организации ассоциаций. Но нельзя сказать, чтобы этот взгляд проводился Луи Бланом последовательно. У него заметно некоторое колебание в вопросе о роли государства. В некоторых местах он даже высказывается так, как будто имеет в виду свободное самостоятельное образование ассоциаций, без участия государственной власти. Он предлагал иногда иной путь: постепенное завоевание основываемыми самими рабочими, за свой страх и риск, общественными организациями, сперва одной, затем нескольких и, наконец, всех отраслей промышленности. Однако, государству вообще принадлежит в системе Луи Блана весьма видное место. Он придает громадное значение организаторской деятельности прогрессивного государства. Поэтому можно сказать с уверенностью, что в общем в понимании Луи Блана переход от конкуренции к ассоциации представляется рядом политических мероприятий.

Луи Блан совместно с Видалем и Пикером выработал план организации ассоциации с помощью государства. По этому плану правительство должно было сделать крупный заем, который пойдет на постройку общественных мастерских. Частные мастерские медленно и постепенно будут поглощаться этими крупными предприятиями. Государство же должно обеспечить личности ее право на труд и на помощь, в случае каких-либо бедствий или в виде пособий.

Предоставление государству такой роли не вызывало у Луи Блана никакого смущения, потому что он имел в виду государство, в котором общество решает дела через посредство народных представителей. Для свободы частных лиц организаторская деятельность такого демократического государства не может, по его мнению, представлять никакой опасности.

Вообще же никакого принуждения ко вступлению в ассоциацию Луи Блан не предполагает. Он думает, напротив, что ассоциация будет привлекать к себе работников помимо каких бы то ни было обязательных требований со стороны государства. Государство ограничится помощью желающим образовать ассоциацию. Единственным же стимулом ко вступлению в нее будет привлекательность самого труда в ассоциации. Луи Блан вообще, вслед за Фурье, настаивает на привлекательности труда, которая еще увеличивается в случае коллективной организации работы. В его общественных мастерских работа организуется сама

собой, исключительно вследствие привлекательности труда, так как согласованность различных профессий с соответствующими естественными стремлениями сделает из труда наслаждение.

Возлагая все свои надежды на ассоциацию, Луи Блан не был, однако, коммунистом в том смысле, чтобы отрицать вообще всякую собственность. Он уже совершенно отчетливо понимает различие между собственностью на средства производства, на капитал и собственностью на средства потребления. Право собственности вообще им не отрицается, но оно, по его мнению, должно быть подчинено задачам общественного благополучия. Допустима лишь та собственность, которая не противоречит принципам коллективного сотрудничества. Отсюда вытекает, что право собственности должно распространяться лишь на продукт труда, поскольку он является средством потребления; что же касается средств производства, то таковые, при коллективной организации труда, не могут быть частною собственностью. Все орудия производства должны быть только собственностью ассоциации. Собственность же на предмет потребления должна находиться в строгом соответствии с трудом. Поэтому нет никаких оснований для сохранения института наследственной собственности. Обмен, однако, не устраняется Луи Бланом даже и для того идеального строя, где царит вообще ассоциация. И хотя оплата труда производится непосредственно ассоциацией, распределяющей между своими членами все необходимое, однако, желающим предоставляется получать взамен продуктов денежные знаки. Но и в этом случае все же предполагается, что оплата труда является не заработной платой в нашем смысле этого слова, а осуществлением прав работника на полный продукт труда. Исходя из этого принципа, Луи Блан отрицает для идеального состояния общества, когда ассоциация станет всеобщей, всякое представление о доходе. Таковой признается им лишь для переходной стадии.

Воззрения Луи Блана, ближе подходя к жизни и не заключая в себе слишком широких мечтаний, нашли гораздо больше доступа к массе, чем учение Фурье и Сен-Симона. Исходя из коммунизма, Блан от него отрешается и почти подходит к принципам существующего строя, исправляя его только в смысле организации труда за государственный счет.

По-русски о Луи Блане можно прочесть.

1. Елисеев, А. В. Луи Блан в „Вест. Евр.“ за 1883, кн. 1, 3.
2. Жуковский, Ю. Материалы для общественной науки. Прудон и Луи Блан. СПб. 1866.
3. Щеглов, Н. История социальных систем, т. II-ой, стр. 445—695. СПб. 1889.
4. Поль Луи. Французские мыслители и писатели XIX в. СПб. 1905.
5. Чернов, И. Луи Блан. („Молодая Россия“) 1906.
6. Г. К-ша. Национальные мастерские во Франции в 1848 г. Ростов на Д. 1906.

ГЛАВА XIV.

Научный социализм до Карла Маркса.

I. Новые идеи.—Принцип государственности.—Фихте.

Индустриальная революция создала торжество и социальную мощь промышленной буржуазии, завладевшей орудиями производства и сконцентрировавшей в своих руках все виды крупного капитала. Новый класс осознал свои интересы в блестящей и законченной идеологии—в учении школы Адама Смита, получившей наименование классической. Руководящею мыслью этой идеологии были хозяйственный эгоизм и индивидуализм, лежавший в основе деятельности новой буржуазии. Подготовленная теоретически физиократами, индивидуалистическая идея составила остов экономических воззрений царственного триумvirата Смит-Рикардо-Мальтус и выразилась в ряде направлений, получивших начало в классической школе и наполнивших собою общественную мысль первой половины 19-го столетия. В то время, когда мировая промышленная буржуазия нашла свое Евангелие в смитианстве, обосновывавшем и оправдывавшем ее деятельность и существование, созрел, как итог той же индустриальной революции, новый комплекс идей, совершенно противоположный индивидуализму. В недрах мечтательной германской философии послекантовского периода начало складываться приводящее к социализму мышление, и начали намечаться первые идеи, близкие тому новому классу, который вместе с буржуазией выносила на поверхность истории революция,—класса пролетариата. Итак, в то время, когда индивидуализм еще переживает свое розовое утро, начинают определяться и вехи его противоположности—социализма.

Социализм отстаивает преимущество общества, коллектива, целого, а следовательно идеи государства перед идеею личности. Таковую постановку социального вопроса ставит впервые философия начала 19-го века.

Немецкий философ Иоганн-Готлиб Фихте в 1800 году объявляет социальным идеалом такое государство, в котором все, не исключая и правительства, являются слугами целого, за что и получают справедливое участие в благах целого („Staat, wo alle Diener des Ganzen sind und dafür den Gerechten Anteil empfangen an den Gütern des Ganzen“).

В своем „Замкнутом Торговом Государстве“ (1800) ¹⁾ Фихте набрасывает смелую картину будущего „государства разума“, как он его называет, стремящегося „в корне устранить современную ему свободу ограбления всего остального мира великой европейской компанией, свободу торговли и приобретения, свободу от контроля и полиции, свободу от порядка и нравственности и установить такие общественные сношения, при которых не смогут уже иметь места ни головокружительные спекуляции, ни случайные барыши, ни внезапные обогащения“ (кн. 3. гл. 8).

Государство не должно быть ни полицейским, ни правовым. Государство, по Фихте, должно быть основанным на договоре, на гражданском договоре. Последний распадается на две части: на договор о собственности и договор защитительный ²⁾.

Без „договора о собственности“ не может быть ни правового общения, ни государства, ни гражданского договора: это первое условие существования государства. Но „договор о собственности“ Фихте—особый договор; его „собственность“ шире обычного понятия о собственности. Собственность, по Фихте, не только мое признанное владение, но условие, при котором нет несобственника, нет состояния, при котором бы кто-либо не имел своего признанного владения. Каждый признает чужую собственность при признании его,—состояния непризнания, и нужды, отсутствия—быть не может. Если таковые все же наступают—это угроза безопасности. Отсюда единственный вывод: государство должно заботиться о безопасности и не должно допускать нужды. Не может быть поэтому „ни праздных, ни нуждающихся“.

¹⁾ J.-G. Fichte, „Der geschlossene Handelstaat. Ein philosophischer Entwurf als Anhang zur Rechtslehre“. München. 1800 („Соб. соч.“, отд. II, т. I., цитаты взяты с разрешения переводчика Эдуарда Эдуардовича Эссена из его перевода Фихте (Замкнутое торговое государство. 1922).

²⁾ J.-G. Fichte, „Grundlage des Naturrecht nach Principien der Wissenschaftslehre. Zweiter Teil oder angewandtes Naturrecht“. Jena. 1796. § 17, стр. 191, 197, 198 (в „Собрании сочинений“, отд. II, т. II).

Поэтому-то государство и должно иметь право надзирать за деятельностью отдельного лица, чтобы не допускать праздности. Государство должно также иметь возможность устраивать учреждения вспомоществования (т.-е. учреждения безопасности). Таким образом, „бедный имеет абсолютное принудительное право на вспомоществование“. Отсюда не только—обязательство труда, но и „право на труд“. В итоге, „государство, по Фихте,—говорит один из его исследователей,—должно следить за тем, чтобы, во-первых, все необходимые для жизненных потребностей объекты создавались в количестве, соответственном числу граждан, и, чтобы, во-вторых, каждый мог приобретать своим трудом, в чем он нуждается“¹⁾.

II. Теория „Замкнутого Торгового Государства“

Фихте.

Мы видели, что государство должно охранять „собственность“ каждого, т.-е. право распоряжения продуктом и фабрикатом в пределах, установленных договорами, охраняемыми правительством. Когда же оно может дать такие гарантии?—Только при экономическом строе государства, строго регулируемом.

Основа всякого государственного строя—думает Фихте,—земледельческая, добывание сырья и продуктов питания, т.-е. „производство“, простирающееся до того момента, когда природа заканчивает свою работу“ (кн. I). Она дает сырые продукты. С их количеством должно сообразоваться фабричное производство, а именно не больше перерабатывать, чем нужно для граждан. Отсюда промышленность должна быть замкнутою, строго регламентированною, т.-е. по-своему цеховою. Иначе говоря, свободы торговли и свободы промышленности в благоустроенном государстве не должно быть. Более тонкие продукты питания и предметы роскоши могут производиться лишь после того, как удовлетворена нужда всех в насущно-необходимом.

Далее, количество купцов должно соразмеряться с числом производителей сырья и числом фабрикантов, а самая

¹⁾ Кун Фисер, „История новой философии“. Т. VI, Фихте, рус. изд. 1909 г., стр. 432.

торговля—регламентирована и не свободна. Число торговцев должно быть ограничено, а цены установлены твердо. Таможенных пошлин с их спутником контрабандой и тайною торговлею тоже не должно быть. Отсюда—наступает состояние равновесия оборота товаров; нет свободы, но нет и нужды. Создается то, что Фихте и называет „Замкнутым Торговым Государством“. Естественными его границами являются наличность территории с почвою, достаточною для собственного производства, и местные деньги. Создаются: монополия внешней международной торговли и монополия международных денег. Далее следуют, как естественный результат, полное выявление национальной физиономии народа, упрощение личной жизни, отказ от роскоши. Связь же с другими нациями и участие в общих интересах человечества достигается не через товарообмен, а через науку. Ни одному государству не будет никакого смысла скрывать от других своих открытий (кн. 3. гл. 8); „каждое государство стремится сделать у себя обычными изобретения другого“—такими словами заканчивает Фихте свое „Замкнутое торговое государство“. Итак, вместо индивидуализма, вместо триумфа самодовлеющей личности,—античная государственная идея, идеал верховного руководства экономической жизнью—новым кумиром, государством. Таково „новое“ государство. Здесь естественно возникает вопрос: почему же не быть такому государству монархией? Она ведь может быть социальной—думает Карл Родбертус-Ягетцов, социалист, выступающий в первой трети 19-го столетия. Другой ученый, сочувствующий социализму, Лоренц фон-Штейн прямо предлагает теорию Социальной монархии. Но нужно посмотреть, каких результатов достигла социалистическая идея,—это делает тот же Лоренц фон-Штейн. Он вообще имеет громадное влияние на своих современников. Отсюда его теория социальной монархии не остается анемичным продуктом кабинетного творчества. Он излагает ее прежде всего в своей „Истории Социального движения во Франции“ (первое издание 1842 г., второе 2-хтомное—1848 г. и 3-хтомное 1850 г.), где дается первый серьезный смотр успехов социализма.

Лоренц фон-Штейн—ученик Гегеля. Гегель, как известно, развивает теорию социальной гармонии, различает понятия: государство и общество, общество, семья и индивидуум. Для удовлетворения своих потребностей индиви-

дуумы должны вступать в связь между собою, отсюда система всесторонней зависимости. Гражданское общество и конструируется на основе удовлетворения потребностей, разделения труда и сотрудничества разных условий.

Чем выше разделение труда, тем выше качество труда и тем больше материальное обогащение. Но вместе с тем—антитеза—упрощается труд, давая все больше места машине, которая вытесняет человека. Это уже знаменует деградацию работника, создает его отчужденность от капиталистического общества и вызывает растущую зависимость от организаторов производства; итак, образуется толпа, резервная армия—Röbel, плебс.

Прогресс человеческого общества, по Гегелю, выражается в росте народонаселения и росте индустрии. Вследствие обобщения взаимных связей людей на почве удовлетворения потребностей и в силу способов, какими добываются средства для удовлетворения их,—на одной стороне увеличивается накопление, на другой разобшение, зависимость и нужда.

Но при скоплении богатств гражданское общество все же недостаточно богато, чтобы предупредить образование черни и спасти народ от грядущей нищеты.

Социализм, по Штейну, может сложиться и в рамках старого политического строя.

Штейн думает, что каждый обладает рабочей силой, но количество „материи“ ограничено. Собственники не все, а часть. Отсюда располагающие силою попадают под власть собственников. Отсюда разные социальные классы и их борьба. Государство тоже вступает в борьбу с обществом. Внутри его идет развитие идеи социальной демократии. Выявление ее неизбежно и приведет к диктатуре этой группы, к диктатуре пролетариата. Наследственная монархия должна быть внеклассовою; под'ем низшего класса должен покоиться на единоличной решимости монарха. Монархия общественной реформы возможна лишь при отсутствии парламентаризма. При его наличности, политическая партия пролетариата должна стремиться к власти, в конечном итоге этого стремления—к захвату власти. Отсюда—социалистическая программа ближайшей политической деятельности рабочего класса.

Параллельно с развитием идей Лоренца фон-Штейна, приведших к теории социальной монархии и государствен-

ному социализму, идет развитие другого комплекса идей, как итог разложения утопического социализма. Здесь социализм, понимаемый как смена капитализма в виде коммунистических общин, сменяется социализмом, как классовым государством пролетариата, завоевываемым с момента революции и захвата власти.

Итак, развитие новых капиталистических отношений выдвигает на первый план рабочий класс—пролетариат, как орудие новых целей. Его идеология—социализм, который теряет утопическую окраску и становится революционным и политическим. Но пролетариат выступает на историческую арену изолированно, самостоятельно и революционно в 1848 г. и терпит полное поражение: у него нет еще ни определенной программы, ни законченной идеологии, отсюда разгром и поражение.

Пролетариат Европы после 1848 года, т.-е. после первой пролетарской революции, смотрит на все иными глазами, он отрешается от прежних верований и готовится к восприятию совершенно иначе конструированной идеологии, зачатки которой он уже разбирает в знаменитом „Коммунистическом Манифесте“ 1848 г., где от былого коммунизма остается только одно наименование.

Здесь сказалась и вся глубина переворота, происшедшего в философии. Продолжатели Канта, Фихте и Гегель, каждый по-своему, указывают новые пути в сфере социально-политической мысли.

Иоганн-Готлиб Фихте в своем „Замкнутом Торговом Государстве“ набрасывает, как мы выше видели, смелую картину будущего социалистического государства, осуществляющего идею „права на труд“ и устраняющего капиталистические отношения.

Гегель дает европейской науке и обществу—гениальное оружие—диалектический метод, позволяющий отныне применять к историческому анализу плодотворный эволюционный принцип. „Левые“ последователи этого мыслителя разъясняют всю революционную сущность основоположений Гегеля и дают блестящую критику существующих социальных отношений, убивая всякую иллюзию социального равновесия и естественной социальной гармонии,—этот основной принцип экономических построений буржуазной политической экономии.

И Фихте и Гегель—оба с разных точек зрения выдвигают значение принципа—государства, роль и значение

которого в экономической жизни начинает впервые ясно со-
знаваться. Новая идея находит, как мы видели, отзвук в
сочинениях Лоренца Штейна. Это же государство, как со-
циальную силу, мыслит вскоре и первый по времени систе-
матически-социалистически мыслящий писатель Родбер-
тус-Ягетцов. Но он понимает пока только государство
как социальную монархию. Идеи Родбертуса уже настолько
оригинальны, а анализ капиталистических отношений на-
столько глубок и ярок—что с ним наступает новая эра в
социалистической мысли. Она достигает своего наивысшего
развития и напряжения у гениального писателя середины
19-го века, у Карла Маркса, создающего особое на-
правление—„марксизм“ или революционный проле-
тарский социализм. Последний резко отмежевывается от
всех других социалистических направлений, начиная с
Вейтлинга, кончая Фердинандом Лассалем. К
марксизму примыкает группа, так назыв., государственных
социалистов: Марло, Роб. Мейер, Адольф Вагнер,
А. Шефле, как особая разновидность социалистического
направления.

ГЛАВА XV.

Карл Родбертус-Ягетцов.

(1805—1875).

I.

Биография. Карл Иоганн Родбертус-Ягетцов родился в 1805 году в городке Грейфсвальде, маленьком университетском центре северной Германии. Он был сыном профессора римского права местного университета, где и сам начал учиться юриспруденции. Прослушав затем лекции в геттингенском и берлинском университетах и сдав установленные экзамены, молодой Родбертус поступил на государственную службу. Чиновничья карьера продолжалась недолго. Двадцати-пяти лет он бросает службу и, после ряда лет скитаний по Германии и за границу, в 1836 году оседает, прочно и надолго, в своем купленном им большом имении „Ягетцов“, где хозяйничает всю свою долгую жизнь. Таким образом, Родбертус—крупный землевладелец и образованный человек в глухой немецкой помещичьей провинции, и поэтому значительная часть его сочинений трактует вопросы землевладения и его нужд, например, земельного кредита.

Как большинство экономистов той эпохи, Родбертус чужд политики, в которой он плохо разбирается. В основе он монархист и таким образом дает своеобразный пример сочетания консервативной политики с социалистическими воззрениями в экономике. Эта двойственность типично отразилась на всей его деятельности. Так, Родбертус, в качестве крупного землевладельца, участвовал во всех местных политических собраниях, окружных и провинциальных, а также в провинциальном парламенте („ландтаге“—1848 г.), но примкнул не к буржуазно-либеральной партии левого центра, а даже был, правда, только в течение 10 дней министром в либеральном министерстве Ауерсвальда в то время, когда его экономические убеждения были на стороне

пролетариата. Этим случайным эпизодом политическая деятельность Родбертуса и закончилась. Столкнуть его с позиции безразличия не смог даже его друг Фердинанд Лассаль, который в начале 60-х годов, в разгар своей агитации, пытался увлечь Родбертуса на политическую арену. Дружба с Лассалем и замечательная переписка с вождем германского рабочего движения—яркая страница в жизни стареющего Родбертуса.

В самом начале 70-х годов, в годы объединения немецких государств в одно большое политическое целое, старик Родбертус возлагал большие надежды на „железного канцлера“ (князя Бисмарка), с которым его сближали идеи важности централизма. Он наивно думал, что германское правительство, решив национальный вопрос, перейдет к социальной проблеме. Но связь между „монархией“ и „социализмом“ не только не создавалась, как он мечтал, а, наоборот, эти силы стали врагами. Тут впервые старик Родбертус явно и определенно склоняется к рабочему движению. 30 ноября 1871 года он пишет: „поскольку ядро социал-демократической партии чисто, я могу принять в ней участие“. Узнав об этом, один из представителей парламентской фракции социалдемократов, депутат Газенклевер, вступает в переговоры с Родбертусом об его формальном участии в рабочем движении; о том же просят и рабочие, желающие избрать Родбертуса в депутаты. Но знаменитый экономист все еще в колебании, он хочет поставить некоторые условия. Эти переговоры так и остались не оконченными и не выясненными: в декабре 1875 года Родбертус внезапно скончался.

II.

Основные идеи Родбертуса. Родбертус-социалист во многом—единомышленник Маркса и Энгельса. Теоретические взгляды их сходны, хотя иначе обосновываются, но Родбертус противник социальной революции, которую он допускает „не ближе, чем через 400 лет“. В то же время он не разделяет лассальянского и лублановского взгляда на важность поддерживаемых государством производительных ассоциаций, как способа решения социального вопроса.

Будучи теоретически врагом основ буржуазного строя—частной собственности и нетрудового начала, примыкая к

144

трудовой теории ценности и становясь на точку зрения пролетариата, Родбертус наивно верит в спасительную силу—идеальной социальной монархии, как способа без парламента и борьбы сразу и сверху разрешить социальный вопрос.

В основе экономического учения Родбертуса лежит учение об образовании процента на капитал исключительно путем эксплуатации рабочих, и создания всех материальных благ исключительно путем труда рабочих. Эту теорию в экономической литературе принято для сокращения называть „теорией эксплуатации“.

Содержание этой теории может быть кратко сформулировано следующим образом: все блага, имеющие ценность, представляют собой продукты человеческого труда и притом исключительно этого труда. Но рабочие не получают всего продукта, который они одни создали, ибо часть его идет к капиталистам, при содействии института частной собственности, давшего капиталистам в руки неустрашимые вспомогательные средства для производства. Формой, в какой совершается эксплуатация, служит договор, при помощи которого рабочая сила действительных производителей, вынужденных к тому голодом, покупается только за часть того, что ею будет сделано. Между тем, остаток продукта попадает в руки капиталиста, как прибыль, полученная без труда. Таким образом, процент на капитал и рента вообще содержит в себе часть продукта чужой работы, полученного путем эксплуатации стесненного положения рабочих.

Для понимания идей Родбертуса нужно вспомнить мысли Рикардо и Прудона о ценности. По Прудону, трудовая ценность представляет собою идеал, не достигнутый еще современным обществом. В то время, как для Рикардо ценность есть теория существующего капиталистического строя, для Прудона трудовая теория ценности—революционная теория будущего—теория освобождения пролетариата. Родбертусу принадлежит третий вариант трудовой теории ценности, так назыв., абсолютная теория трудовой ценности. Он говорит, что абсолютная ценность—ценность сама по себе—общественный труд, как бы заключенный и кристаллизованный в трудовом продукте. Труд есть субстанция, существо, природа ценности (познание вещи в себе, нумен). Труд—не главнейший верховный фактор, а сама ценность, един-

170

ственная ценность. Где нет труда — нет ценности, что не содержит труда — не имеет ценности.

Теория эта находится в противоречии и с теорией Рикардо, признающей и другие источники ценности, и с теорией Прудона, — ибо, если уже теперь абсолютная трудовая ценность осуществлена, то она не может быть идеалом для будущего. Все приведенное было высказано Родбертусом еще в 1842 году, в первом его сочинении в „Познанию наших государственно-хозяйственных условий“.

Из теории абсолютной трудовой ценности Родбертус выводит и свою теорию земельной ренты; она изложена во втором и третьем социальных письмах к Кирхману и резюмирована в начале четвертого письма, носящего название „Капитал“. Общественный доход, получающийся в итоге производства, распадается на две главные части: на заработную плату и ренту. Рента вообще есть „часть продукта национального труда рабочих, которая отнимается у рабочих, благодаря существованию частной собственности“¹⁾. Последняя, в свою очередь, разделяется на прибыль, на капитал и на земельную ренту. Рента представляет собою доход, получаемый также в силу владения имуществом.

Особенно важными являются воззрения на земельную ренту, на разделение труда и на процент. В связи с ними стоят основные взгляды на причины торговых кризисов и источники пауперизма. Он полагает, что все уменьшающаяся доля рабочего при общем росте национального богатства создает хроническое, все усиливающееся недопотребление рабочих, а отсюда небольшие задержки в сбыте и производстве товара.

Отсюда, по его мнению, причина кризиса заключается в том, что в нынешней государственно-хозяйственной организации при возрастающей производительности труда заработная плата рабочего класса составляет все меньшую и меньшую долю национального продукта²⁾.

Пауперизм Родбертус рассматривает как факт, неизбежно установленный статистикой, и притом факт новой истории. При прежних отношениях бывало или общее или частное и притом временное обеднение. С появления же разделения труда, легшего всею тяжестью на класс рабочих, и с присвоением функций государственно-хозяйственных отдель-

1) Родбертус, „Капитал“, рус. пер.; изд. 1906 г., стр. 18.

2) Родбертус, „Предисловие к первому социальному письму фон-Кирхману“. Спб. 1906.

ными поземельными собственниками и капиталистами, частичное обеднение общества и к тому же все одного и того же класса стало постоянным. Это постоянное обеднение рабочих, растущее быстрее, чем растет народонаселение, развивается параллельно с другим, также постоянным фактом: неуклонным, обгоняющим рост населения возрастанием национального богатства. „Это одновременное обеднение и обогащение возможно в силу того, что только часть общества пользуется национальным имуществом“¹⁾.

Впрочем, как эти, так и вообще экономические взгляды Родбертуса не имели при его жизни широкого распространения, хотя многие из них не могли не стать достоянием более передовых писателей его эпохи. На Маркса Родбертус не имел никакого влияния. Только спустя много лет, с ростом социал-демократии, Родбертус был выдвинут умеренными социалистами и радикальными либералами в противовес авторитету Маркса. Из тех же побуждений особенно сильно настаивал на значении Родбертуса его издатель в 80-х годах, берлинский экономист профессор Адольф Вагнер, указывавший на заимствования Маркса у Родбертуса, что, в действительности, не имело места.

Родбертус на русском языке имеется в следующих изданиях:

1) „Исследования в области национальной экономики и классической древности“, перевод под ред. И. Тарасова, вып. 1, Ярославль. 1881—1887.

2) „Нормальный рабочий день“. Пер. М. Я. Герценштейна. „Юридический Вестник“, за 1891 г., т. I.

3) (I письмо).— „I социальное письмо к фон-Кирхману“. Пер. И. Давыдова, издание „Начало“ (В. В. Святловского). Спб. 1906 г.

4) (II и III письма).— „К освещению социального вопроса“. Социальные письма к фон-Кирхману, письмо II и III. Пер. проф. М. Н. Соболева. Изд. Глаголева, Спб. 1905.

5) (IV письмо).— „Капитал“. Четвертое социальное письмо к фон-Кирхману, с портретом автора. Пер. И. Давыдова, изд. „Начало“ (В. В. Святловского). Спб. 1906.

6) Родбертус, „Теории рент и исследований о капитале“. Сокращенный перевод и введение (т.-е. с предисловием А. А. Кауфмана). М. 1908 г.

¹⁾ Родбертус, „Первое письмо к фон-Кирхману“ (рус. пер.). Спб. 1906 г. („Начало“), стр. 9.

О Родбертусе по-русски между прочим писали:

- 1) Н. Зибер, „Карл Родбертус-Ягетцов“, „Юридический Вестник“, 1881. № 1—3.
- 2) „Переписка Родбертуса с Ад. Вагнером“. „Русская Мысль“, 1886. Декабрь.
- 3) Кононов, А. (К.), „Родбертус“, в томе XXIV „Энцикл. Словаря“ Брокгауз-Ефрон. Спб. 1899, стр. 891—902.
- 4) М. Туган-Барановский, „Очерки по новейшей истории политической экономии“. С.-Петербург, 1903 г., стр. 252—292.
- 5) Лучшим на русском языке сочинением о Родбертусе является работа Г. В. Плеханова: „Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягетцова“. Напечатанная сначала в „Отечественных Записках“ (за подписью—Валентинов) она вошла затем в том собрания сочинений Плеханова „За двадцать лет“. С.-Петербург. 1906 г. (стр. 503—647).

СПбГУ

ГЛАВА XVI.

Фердинанд Лассаль.

(1825—1864).

I.

Великие утописты—Генрих Сен-Симон, Шарль Фурье и Роберт Оуэн—и их последователи в XIX столетии придавали исключительное значение экономическим вопросам. Вся социальную проблему они рассматривали только как вопрос хозяйственный; вся жизнь человечества сводилась у них к нуждам распределения, обмена и производства. О связи политической жизни с экономической они не думали. Великий утопист Сен-Симон настолько чужд политических вопросов своего времени, что совсем не отозвался на происходящий вокруг него грандиозный водоворот событий Великой Французской Революции. Он даже наивно думает, что самые коренные реформы мог бы ввести в стране любой просвещенный монарх.

Революция 1848 года, первая пролетарская революция нового времени, также обошла вопросы политической жизни и парламентаризма, которые в то время являлись монополией буржуазии. Этому положению дел способствовало и тогдашнее политическое бесправие народа, почти повсюду лишенного прямых избирательных прав, а также общее политическое равнодушие широких слоев населения к политической жизни.

Выяснить всю важность политической жизни и политической борьбы, разбудить спавших и создать пламенное желание рабочего класса участвовать в политических переживаниях своей страны—спаяться в сильную политическую партию пролетариата—вот задача, которая выпала на долю Фердинанда Лассаля, гениального и смелого немецкого ученого, недюжинного писателя и замечательного оратора середины XIX столетия.

II.

Лассаль не рабочий, а интеллигент, юрист и философ по образованию, писатель и оратор, только к концу своей красивой и бурной жизни ставший во главе им же вызванного в свет массового движения германских рабочих. Он в короткий срок стал истинным вождем поднятого им на борьбу германского пролетариата. Назревавшее давно в силу условий времени рабочее движение под его замечательным руководством получило определенный смысл, направление и громадное историческое значение. Это произошло в начале 60-х годов 19 столетия, когда немецкие рабочие были в массе малокультурны, разрознены и совершенно лишены классового самосознания. В то время кроме предпринимателя, против рабочих стояли зоркая полиция и непримиримо-суровая администрация; сами же рабочие еще не знали, как и с чего начать дело своего освобождения. Начать движение, взять его в свои руки и повести вперед—было тогда делом не легким, громадным, по своему—титаническим. Все это выполнил, когда, конечно, к тому настало время, один человек—Фердинанд Лассаль. Неудивительно поэтому, что вокруг имени Лассаля сложилось много рассказов, легенд, преувеличений, как вообще о каждом герое, которого выдвигают вперед, забывая об массе и об условиях времени. Но герой, как всегда, только символ, только сконцентрированный образ, только своего рода фетиш, заслоняющий действительную историю. Но человечество не хочет знать правды. Ему легче мыслить упрощенно и красочно, легче запоминать имена королей и полководцев, героев и вождей, чем понимать истинные объективные пружины, движущие народными массами. Суб'ективизм приятнее и проще, чем анализ имманентного процесса реальных условий историй. Поэтому-то, вообще история, и история гениев в особенности, знает одно удивительное явление: двойственность лица, два образа—реальный и мифический—одной и той же исторической фигуры. Возьмите, например, Наполеона. Наполеон исторической правды и Наполеон, так называемой, наполеоновской легенды: это два разных типа, два разных лица, два чуждых друг другу профиля.

Один,—по истории,—раздраженный, одутловатый, мелочный интриган и себялюбец, бездушный и алчный тиран,

с мещанскими вкусами и солдатским мировоззрением, случайная игрушка исторически сложившихся условий,—другой,—согласно легенде,—красавец, титан энергии и мысли, задумчивый и величественный, гениальный могикан из плеяды величайших кумиров человечества, как Ганнибал, Александр Македонский или Юлий Цезарь. То же и с Фердинандом Лассалем. Мы знаем двух Лассалей:—исторического исследования и Лассалья легенды.

Второй Лассаль, это Лассаль, так сказать, посмертный, но неумирающий от острого ножа исторического анализа и критической проверки фактов, ибо легенда имеет живой источник: она питается духом и формой его произведений, а вся фигура освещается тем грандиозным факелом социального движения, который держится мозолистыми руками все возрастающей многомиллионной массы.

Мы поймем эту двойственность, если обратим внимание на то, что жизнь Лассалья „прожита была с такой страстной интенсивностью и такую бурную поспешностью, что человек как бы пролетел перед современниками, прежде чем они могли опомниться ¹⁾. Весь характер Лассалья как бы поддерживает эту двойственность.

В одном из своих писем, полном нетерпения по поводу медленного развития событий, Лассаль употребляет выражение: „моя пламенная душа“. Из тысячи людей, употребляющих это, ставшее ныне такой опошленной фразой, выражение, Лассаль один произнес его без всякого преувеличения: в глубине его сильной души было действительно нечто, напоминавшее пламя. Его пламенная любовь к науке и расширению своих познаний, его острая жажда справедливости и истины, его высокое одушевление, его исключительный социальный пафос, как и его неукротимое самолюбие, любовь к власти и его глубокое тщеславие—все носило пламенный, всепожирающий характер. „Лассаль был носитель света и носитель пламени; носитель света, смелый и дерзкий, как сам Люцифер, факелоносец, охотно освещавший самого себя отблеском факела, которым он вносил свет и ясность—*grand oseur et grand poseur*. В Гераклитовом мире господствующим принципом было соединение лука и лиры; лира—символ гармонии, т.-е. совершенного образования, лук со своей смертоносной огненной

¹⁾ Лассаль: Франц фон-Зикинген. Перевод А. и С. Крыль. СПб. 1873 г., стр. 130.

стрелой обозначает деятельность и уничтожение. Точно так же и в характере Лассалья господствовало соединение лука и лиры—совершенное теоретическое образование и неутомимая жажда практической деятельности“¹⁾. Глубокая, доходящая до страстности преданность, не останавливающаяся перед самопожертвованием, и рядом с ней бьющееся через край чувство своей собственной грандиозной личности, уверенность в себе, выражающаяся в самоуверенности, потребность главенствовать и вести за собой—вот та канва, та почва, на которой создавалось то, что дало повод говорить о „двойственности“ Лассалья.

Обратимся теперь и к биографии этого выдающегося деятеля на политическом и научном поприщах, и тогда мы легче поймем, как эту „двойственность“, так и его воззрения.

III.

Фердинанд Лассаль родился 2-го апреля 1825 г. в Бреславле. Он сын купца средней руки, еврея. О жизни Лассалья в юношеском возрасте мы знаем, между прочим, из его юношеского „Дневника“, позднее опубликованного.

В 1840 году, 15 лет от роду, юный Лассаль пишет в своем дневнике следующие характерные строки: „родись я принцем или князем, я был бы душой и телом аристократ, но так как я сын простого буржуа, то буду в свое время демократом“. Как все дети его среды и времени, молодой Лассаль учился сначала в классической гимназии, затем в университете. В гимназии в Бреславле он учился недолго, ибо за свое „легкомыслие“ получал плохие отметки. По собственному желанию и во „избежание столкновений с отцом“, он был переведен в коммерческое училище в Лейпциг. Но и здесь Лассаль не изменился. На его свидетельстве директор отметил: „высочка, дерзок, беспутен и заносчив“. Естественно, что отношения между Лассалем и педагогическим персоналом становились все более и более натянутыми, и в мае 1841 г. Лассаль заявил в разговоре отцу, что он уходит из школы и избирает теперь предметом изучения „величайшую, обширнейшую науку в мире—историю“. Все же выдержав экзамен на аттестат зрелости,

¹⁾ Г. Брандес. Литературные портреты, рус. пер. стр. 15—16.

Лассаль поступил в университет, сначала в бреславльский, затем, спустя два года, в берлинский (1844 г.). Здесь он занимался историей, философией и юриспруденцией. В мае 1845 года Лассаль покидает университет и возвращается домой в Бреславль, но к концу того же года он уезжает из дому, на этот раз в Париж—изучать сочинения древнегреческого философа Гераклита в тамошних книгохранилищах.

В Париже Лассаль знакомится с знаменитым германским поэтом Генрихом Гейне; Лассаль оказывает уже больному и стареющему поэту услугу—в процессе о наследстве, который тот вел. Лассаль произвел выгодное впечатление на Гейне и тот (1846 г.) написал свое пророческое письмо: „Мой друг, господин Лассаль, который вам вручит это письмо,—молодой человек с необычайными дарованиями: с основательною ученостью, глубочайшими познаниями, с пронизательностью ума, какой я никогда не встречал, с богатейшим талантом изложения—он соединяет энергию воли и такую *habilité* в действиях, что положительно повергает меня в изумление, и если он не утратит симпатии ко мне, то я жду от него очень существенной помощи. Во всяком случае, это соединение знания и мощи, таланта и воли было для меня приятным явлением... Г-н Лассаль вернейший сын нового времени, не желающего ничего знать о том самоотречении и кротости, с которыми мы в наше время носились, которыми бредили более или менее лицемерно. Это новое поколение хочет наслаждаться и господствовать в мире видимом; мы, старики, смиренно преклонялись перед невидимым, мечтали о поцелуях теней и небесных пахучих цветах, отрекались и плакали, и все же были, может быть, счастливее, чем эти суровые гладиаторы, которые так гордо идут навстречу смерти“.

С 1846 г. Лассаль бросает научные занятия, так как одно практическое дело увлекает его на целых восемь лет его жизни (1846—1854). Дело заключалось в следующем.

Вскоре после приезда в Париж Лассаль познакомился с некоею графиней Софиею Гацфельд. Угнетаемая и обобранная негодяем мужем София Гацфельд принуждена была для своего существования начать против мужа судебный процесс, требуя выдела ей части ее же имущества. Прусские суды под давлением придворных сфер, в которых граф был своим человеком, неоднократно решали дело в пользу графа. Возмущенный несправедливостью и трону-

тый несчастием графини, которую он считал правой, Лассаль вмешался в дело в качестве адвоката графини. В своей речи перед судом присяжных (авг. 1848 г., в г. Дюссельдорфе) он объяснил мотивы, побудившие его взяться за дело Гацфельд: „Семья молчала. Но сказано ведь: где молчат люди, там говорят камни. Где оскорблены все человеческие права, где молчит самый голос крови, и человека оставляют беспомощным его природенные защитники,—там по праву восстает первый и последний родственник человека—человек“.

Речь Лассаля была превосходна; такой речи никогда не слышал суд, таким языком никто не говорил с чиновниками этого почтенного учреждения. Лассаль к тому же обвинялся противною стороною в *моральном соучастии* „в краже шкатулки“, т.-е. в том, что для успеха дела яко бы подговорил двух молодых людей выкрасть у графа Гацфельд шкатулку, в которой находились важные документы по этому процессу.

„В этом процессе я увидел не частное дело, а воплощение общих принципов и общих основных точек зрения“—говорил Лассаль в той же защитительной речи, и из его дальнейших слов становится понятно—почему Лассаль с таким упорством и даже упрямством вел борьбу в течение столь долгого времени. „Дело графини,—говорит один биограф,—сразу выбило молодого Лассаля из обыденной колеи, заставив его забыть все его планы относительно ученой карьеры“. Родители его были огорчены, узнав, что филологические занятия брошены, тем более, что такие авторитетные ученые, как Бек и Александр Гумбольд, уже предсказывали Лассалю блестящую будущность. Но жажда борьбы, жажда достижения раз поставленной хотя бы и трудной цели—была сильнее.

„Я понял, говорит как-бы о себе сам Лассаль, для чего родился
И для чего так крепко закален;
Я был в горниле тяжких испытаний.
Огнем забушевала кровь во мне,
И бешенно, с каким-то сладострастием,
Я кинулся в великую борьбу,
Как бешенно волна стремится в море.
Обрушивал на головы врагов
Я громы грозного негодования,
Насмешки едким жалом их язвил,
И при единодушном одобреньи
И громком хохоте Европы всей,
В своих пародиях неумолимо,

Я пригвождал к позорному столбу
Их жалкое ничтожество. Но вызвал
Я этим ненависти целый мир,
И, в рукопашной схватке с этим миром,
Борюсь я грудь о грудь на жизнь и на смерть“.

IV.

Исторический 1848 год,—эта первая зарница назревшей пролетарской грозы,—застает молодого, 23-х летнего Лассалья видным деятелем крайней демократической (республиканской) партии, в Прирейнской Пруссии.

Он сотрудничает в газете „Neue Rheinische Zeitung“, редакторами которой в те дни состояли: Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Родственный им по широте кругозора и революционности настроения молодой Лассаль начал сближаться с более зрелым Марксом и, естественно, что суровый ум Маркса оказал сильное влияние на юного и впечатлительного Лассалья, хотя последний остался до конца своей вполне оригинальным.

Вместе с группой Карла Маркса и Энгельса, Лассаль принимает активное участие в революции. Он произносит целый ряд речей, призывая к вооруженной борьбе с правительством. 22 ноября 1848 г. Лассалья арестовывают за речь, произнесенную на митинге в городке Нейссе. Его вторая защитительная речь, приготовленная для этого процесса, представляет собою в высшей степени интересный документ. Речь эта, напечатанная до суда, не была им произнесена, так как суд решил дело вести при закрытых дверях, а Лассаль отказался произнести свою речь при такой унижительной обстановке. И эта речь, как и все речи Лассалья, представляет собою образец ораторского искусства.

„Необычайное знание—соединяется тут с вполне современным, строго логическим и строго деловым красноречием. Между строк сквозит сдержанное одушевление и огонь, которые по временам вспыхивают то тут, то там, неопишуемая смелость натиска поддерживается непоколебимой, стальной твердостью, при всяком отражении и защите; язык и стиль сами по себе—целый тип. Ни следа декламации. У автора чересчур много знания и силы, чтобы ему пришла охота декламировать. Но нет следа и научного балласта. Здесь выступает в бой тяжело-вооруженный, но редко кто так легко владел тяжелым оружием“¹⁾.

¹⁾ Георг Брандес. Там же, 9 стр.

Последующие пятидесятилетия, особенно конец их проходит у Лассалья в интенсивной умственной деятельности. Но вся недюжинная мозговая работа этого человека не сосредоточилась на одной теме, одной группе тем, или в одной отрасли. Лассаль разбрасывается, давая необычайный диапазон, развернув исключительный размах выдающихся способностей. Он — поэт-драматург, философ, юрист, экономист. В области драматического искусства он создает в это время блестящую социально-историческую пьесу „Франц фон-Зикинген“. В сфере философских изысканий он пишет замечательный трактат — „Гераклит Темный“. В области экономической науки он становится отныне известен, как защитник теории, так называемого, „железного закона“ и развивает свою программу рабочего движения. В сфере юриспруденции он обогатил науку выдающимся трудом — „Система приобретенных прав“. Всего этого хватило бы на несколько жизней нескольких выдающихся людей, а Лассаль совместил в себе одном.

В итоге, к началу 60-х годов, Лассаль становится заметной и видной фигурой. Между тем, назревают новые события и настроения в массах. В воздухе чувствуется потребность в новых политических лозунгах. Политическое общественное напряжение сосредоточивает и разрешает неожиданно резко выступивший вперед Фердинанд Лассаль.

V.

Весною 1862 года Лассаль прочел в Берлине три лекции: „О философии Фихте“, „О сущности конституции“ и „Об особенной связи современного исторического периода с идеями рабочего сословия“. Последнюю он издал в виде брошюры с подзаголовком: „Программа работников“. В ней содержатся пламенные призывы рабочих к действию, к активному политическому выступлению, выставляются требования организованной политической борьбы.

„Высокая всемирно-историческая честь такого предназначения должна преисполнять собою все ваши помыслы“, — говорит Лассаль в „Программе работников“, поднимая вопрос о необходимости для рабочих сделать свою идею руководящей идеей всего общества. „Вы — скала, на которой созиждется церковь настоящего“... „Вы уже достаточно испытали, чтобы знать, что такое цезаризм. Поэтому, прочь новый компромисс! Нож к горлу и колено на грудь!“

В другой раз он восклицает: „Важнейшие центры завоеваны, Лейпциг и фабричные округа Саксонии за нас! Гамбург и Франкфурт на Майне стали под наши знамена!..“

„Прусский Рейн выступает вперед полным маршем. Если Берлин присоединится—движение станет непреодолимым!..“

„Захотите ли вы, рабочие Берлина, принять на себя ответственность в том, что своим образом действий задержали это великое германское движение, триумф нашего общего дела? Захотите ли вы, рабочие столицы, навлечь на себя упреки в том, что вы, которые обязаны были шествовать впереди,—последними присоединились к движению?“..

„Удары палицы“, „смотр“, „батальоны“—вот эпитеты и сравнения Лассалья. Это было сильно и ново в ту эпоху, когда рабочий класс еще совершенно безмолвствовал, когда он не подозревал своей политической силы, как класс. Формулируя настроение Лассалья, а с ним и его программу, можно сказать: Лассаль сам еще не хочет революции, но он чувствует, что она наступит. Конечно, революция не наступит, если во время и сверху у правительства хватит ума исполнить то, что диктует время. Если опоздать, то сила восставшего пролетариата прорвется среди всех „конвульсий насилия, с дикоразвевающимися локонами, с железными сандалиями на ногах“.

Лассаль много думал о социальной революции в Европе и оставил много замечательных мыслей на эту тему. Много думал он и о роли пролетариата в мировой и, в частности, в германской истории. Лассаль еще летом 1862 г. в Лондоне развивал Маркеу свои планы относительно широкой агитации среди рабочих. И вот наступил удобный случай для осуществления задуманного. 11 февраля 1863 г. он получил от Комитета для созыва германского конгресса рабочих письмо, в котором, между прочим, говорилось: „Ваша брошюра об особом соотношении в развитии современной исторической эпохи с рабочим сословием встречена с громадным сочувствием среди рабочих“. Такой же лестный отзыв дал Центральный Комитет в своей Газете и на вышедшие к тому времени памфлеты Лассалья. „В заседании 10 февраля,—говорится далее,—Исполнительный Комитет постановил „просить Вас в любой, Вам кажущейся подходящей, форме изложить свои взгляды на средства развития рабочей идеи и особенно на значение ассоциаций“.

На это письмо Лассаль ответил своею знаменитой отныне брошюрой: „Гласный ответ Центральному Комитету,

утвержденному для созыва обще-германского рабочего конгресса в Лейпциге“, 1863 г., переведенной вскоре на все европейские языки.

Здесь Лассаль прежде всего возражает тогдашнему представителю либеральной буржуазии Шульце-Деличу, утверждавшему, что рабочие могут „обходиться“ без собственной политической партии, что рабочие могут не интересоваться политикой. Лассаль, наоборот, полагает, что именно рабочие не должны идти в хвосте других, хотя бы и прогрессистов; голос пролетариата должен раздаваться самостоятельно. Об отношении же рабочих к прогрессистам Лассаль говорит: „Всегда сознавать себя и являться партией самостоятельной и совершенно отдельной от партии прогрессистов, поддерживать ее в вопросах и пунктах общего интереса, но решительно отворачиваться от нее и идти против нее, как скоро она удаляется от интересов рабочего сословия; таким образом, заставить ее или идти вперед и превзойти свой нынешний уровень, или все глубже погружаться в болото ничтожества и бессилия, в котором она теперь погрязла уже по колена,—такова должна быть простая тактика германской рабочей партии против партии прогрессистов“.

Организация рабочих в свою особую политическую партию является отныне, по мнению Лассалья, исторической необходимостью.

Переходя к вопросу об экономическом улучшении положения рабочего класса, Лассаль находит, что „сделать рабочее сословие своим собственным предпринимателем — единственное средство устранить жестокий и закон, определяющий заработную плату, а это возможно только при производительной ассоциации: единственное средство уничтожить жестокий закон, определяющий заработную плату, закон, к которому рабочее сословие приковано, как к лобному месту, состоит в поощрении и развитии свободных индивидуальных рабочих ассоциаций государством“. „Но как склонить государство к этому вмешательству?“—спрашивает Лассаль и отвечает:... „и на этот вопрос представляется ясный, как солнце, ответ:—это возможно только при всеобщем и прямом избирательном праве“. Итак, одновременно указывается, как средство борьбы—и политическое и экономическое направление в деятельности рабочего класса.

Во всей той программе, которую Лассаль выставляет в „Гласном ответе“, чувствуется священное рвение, напоминающее рвение религиозных новаторов,—пылкая инициатива, но в то же время бросается в глаза крайне слабая практическая сторона этой программы. Но все недостатки этой программы объясняются и искупаются верою во всемирно-историческое значение данного момента и в признание собственной личности. Здесь Лассаль, по справедливому замечанию проф. Онкена¹⁾, „действовал гораздо более, как политик, чем как социальный теоретик и практик“.

В письме к своему дюссельдорфскому другу Леви Лассаль сравнивал свой „Ответ“ с бессмертными вюртембергскими тезисами Мартина Лютера в 1517 года, с тезисами, положившими начало грандиозному движению Реформации. Результатом „Гласного ответа“ было то, что 23 мая 1863 г. в Лейпциге состоялось учредительное собрание Обще-германского Рабочего Союза, на котором присутствовали представители 11 городов.

В основу статута организуемого Союза был положен принцип *централизации*; президенту Союза принадлежала почти диктаторская власть, и таким президентом был на 5 лет избран Лассаль. Впрочем, приток новых членов в Союз был очень невелик: через 3 месяца было всего 900 членов.

Поэтому, желая привлечь новых членов, Лассаль отправился в агитационную поездку. В городах Бармене, Золингене и Дюссельдорфе он произнес речи на тему: „Празднества, пресса и франкфуртская палата депутатов; три симптома общественного настроения“. Его речи и поездки были настоящим триумфальным шествием по Германии. Моши и красоте слова Лассаля поклонялись все, его раз слышавшие.

VI.

Кипучей натуре Лассаля было мало роли вождя „рабочих батальонов“. Он пытался оказать влияние на ход всей имперской политики. Он давно уже вел осторожные, но полные достоинства негласные переговоры с главою правительства Бисмарком, указывая, что у власти, стремившейся к реформе, и у рабочего класса один общий враг—это либеральная буржуазия. Он предлагал союз правительства и

¹⁾ Герман Онкен: Лассаль, как политический деятель. Пер. с нем. А. Ивашкевич. Изд. О. Н. Поповой. СПб. 1905 г. Стр. 219.

пролетариата на основе дарования последнему всеобщего избирательного права. Это был блестящий тактический шаг, понятый вполне только позднее.

В Золингене с ним произошла известная история с телеграммой Бисмарку. Во время речи Лассалья довольно бурное собрание было распущено прогрессивным бургомистром. Лассаль телеграфировал Бисмарку: „Прогрессивный бургомистр, в сопровождении десяти вооруженных ружьями жандармов и нескольких полицейских с обнаженными шапками, только что распустил без всякого законного повода созванное мною рабочее собрание. Я тщетно протестовал, ссылаясь на закон о союзах. Я едва удержал народ—около 5.000 человек, в большой зале Стрелкового общества и несколько тысяч вне ее стен—от насилия. Меня сопровождали на телеграф жандармы и десять тысяч народа, которые думали, что я арестован. Знамя эльберфельдских рабочих конфисковано. Прошу о самом строгом, самом быстром законном удовлетворении“. За эту телеграмму Лассалья долго осуждали. Даже историк немецкого рабочего движения Эдуард Бернштейн думает, что посылка ее служит показателем того, как сильно Лассаль начинал уже в это время утрачивать чувство политического такта.

В действительности же поступок Лассалья был строго обдуман; он имел целью вызвать возбуждение, подчеркнуть антиобщественные действия прогрессистов, а также свою личную руководящую роль в начавшемся рабочем движении. Вообщем Лассаль полагал, что время власти прислушаться и стать на сторону рабочего движения, а рабочим советовал союз с борющейся против буржуазии правительственной властью и даже рекомендовал в одном случае рабочим подать королю петицию. Подачей рекомендуемого адреса Лассаль хотел „показать правительству силу, чтобы принудить его к решению, которое более всего было нужно ему самому“. Путь получения всеобщего избирательного права под давлением рабочей партии на правительство казался ему слишком долгим. Он сближается с Бисмарком, надеясь своим влиянием на него укоротить этот путь.

Лассаль знал о намерении убеждаемого им Бисмарка ввести всеобщее избирательное право и потому-то он в Берлинской защитительной речи сказал, что Бисмарк сыграет роль Роберта Пиля. Но тактические приемы Лассалья мало кем тогда были поняты. „К счастью для доброго имени революционера-Лассалья, к счастью для великого дела выра-

ботки самосознания немецких рабочих, которое он так хорошо начал и которое он теперь коверкал, физические силы Лассалья летом 1864 года совершенно исчерпались¹⁾).

Хроническая болезнь горла требовала лечения, и Лассаль отправляется на горы, в Риги-Кульм. Здесь он встречается с дочерью баварского дипломата Денигеса—Еленой, которую он знал еще в Берлине. В это время она была невестой румынского магната Янко фон-Раковица, но из-за Лассалья она отказывается от жениха. Вскоре Лассаль сделал предложение ей и просил руки Елены у ее отца, но получил отказ. Мы не будем приводить здесь данные печальной дуэли Лассалья²⁾. Результат ее—смерть трибуна, последовавшая 31 августа 1864 г.

Когда великого человека не стало, члены Лассалевского Союза долго не хотели верить, что их вождь так бесславно покончил свое земное поприще. Они твердо были убеждены, что „убийство“ совершено на политической подкладке. В своем завещании Лассаль рекомендовал Союзу в свои преемники Бернгарда Беккера. Союзу он оставил 500 талеров ежегодной ренты. Похоронен Лассаль на еврейском кладбище в Бреславле. На могиле его имеется эпитафия знаменитого знатока классической филологии Августа Бекка: „Здесь покоится то, что осталось смертного от Лассалья, мыслителя и борца“.

„Смерть,—говорит Бернштейн³⁾,—вернула Лассалья рабочему движению“. Мы думаем, что он с ним никогда не расставался, только пути его были не прямолинейны, а сложны, как сама его жизнь.

VII.

Имя Лассалья стало знаменем, так как он первый сломил лед *политического* индифферентизма рабочих масс. Оценки и характеристики Лассалья разнообразны. Француз Э. де-

1) Гумплович: Ф. Лассаль. Изд. „Луч“. СПб. 1906 г. Стр. 35.

2) „В письме к К. Марксу (1858 г.) Лассаль говорит о дуэли... „я считаю дуэль бессмысленной окаменелостью уже пройденной культурной степени не только на основании моих собственных принципов, но я всегда думал, и думал бы также твердо и теперь, если бы дело шло не обо мне самом, что она исключается именно принципами демократической партии“. Письма Ф. Лассалья к К. Марксу и Ф. Энгельсу. СПб. 1905 г. Стр. 117.

3) Бернштейн, Э.: Ф. Лассаль. Собр. соч. Лассалья. Изд. Н. Глаголева. Т. I, стр. СХI.

Лавеле преувеличенно говорит: „Ф. Лассалья его приверженцы считают мессией социализма. При его жизни они его слушали, как оракула, а по смерти чтили, как полубога. Он для них предмет настоящего культа: в 1874 г. они праздновали десятилетнюю годовщину его смерти такими церемониями, которые казались богослужением новой религии. Они даже дерзают сравнивать его с Христом и верят, что его доктрины так же пересоздадут настоящее общество, как христианство обновило древнее общество“.

„Лассаль,—говорит другой писатель Фридрих Альберт Ланге,—был одною из тех редких натур, которые почерпают вдохновение к активному вмешательству в окружающую жизнь не в слепой вере в маленькую, сравнительно близкую цель, а в идеальном радикализме; а это возможно, конечно, лишь в том случае, когда такая голова верит с наивной страстностью истинного пророка во всемирно-историческое значение данного момента и в признание своей собственнй личности“¹⁾.

„Его партия,—говорил Ланге перед этим²⁾,—выступила с пылкой инициативой, со священным рвением, напоминающим беззаветных религиозных новаторов,—но с поразительно мизерной и двусмысленной программой. Конечно, при этом не следует предполагать, что Лассаль весь высказался в своей программе“.

Один наш писатель говорит: „Не доктор философии или права, не профессор, не академик—а один из учнейших философов и юристов своего времени. Не министр, не член парламента—а один из влиятельнейших общественных и политических деятелей эпохи, значение которого не умерло вместе с ним, но росло после смерти и выросло в огромную общественную силу“³⁾.

Любопытна характеристика Лассалья, сделанная профессором Августом Онкеном⁴⁾. „В жизни Лассалья... политические и научные стремления постоянно сменяли или, скорее, отстаивали друг друга, и то единство мышления и

¹⁾ Ланге, Ф. А.: Рабочий вопрос. СПб. 1895. Изд. Павленкова стр. 261.

²⁾ Ланге, Ф. там же, стр. 262.

³⁾ Петр Струве: В сборн. статей „На разные темы“. СПб. 1902 г. Стр. 259.

⁴⁾ Герман Онкен: Ф. Лассаль. Изд. О. Н. Поповой. СПб., 1905 г. стр. 129.

бытия, которое установил Гегель, казалось, воплощалось в стремлениях ученика, когда он то брался за чистую науку, чтобы при ее посредстве влиять на политику, то пытался осуществить в политике постулаты науки. Такова была жизненная идея Лассалья, исходя из которой только и можно понять связь между различными фазами его деятельности“.

VIII.

Все сказанное выше о Лассале необходимо иметь в виду при рассмотрении мировоззрения Лассалья, прежде всего при анализе его философии. Все труды Лассалья проникнуты философским духом, притом единством этого духа.

Лассаль—первоначально, как и Карл Маркс, идеалист-гегельянец; но не довольствуясь, как и Маркс, Гегелем, Лассаль также задумал „полную реформацию“ гегельянства в духе его универсальных основ и по его методу, но с новым содержанием. Этой задачи, впрочем, Лассаль не выполнил: ее выполнение стало исторической заслугой его учителя и друга—отца исторического материализма—Карла Маркса.

В „Гераклите“, первом главном философском труде Лассалья, он говорит, что в настоящее время нельзя понимать и излагать историю философии в виде „изолированной дисциплины“.

Но изложенное здесь настойчивое требование исторического изложения может заставить нас считать точку зрения Лассалья в указанном сочинении менее гегельянской и более марксистской и более новой, чем она есть на самом деле. Предисловие, в котором так сильно подчеркивается эта историчность, написано несомненно после всей книги. В остальных частях работы точка зрения—чисто метафизическая, на что уже неоднократно указывалось. Лассаль в философии—типичное порождение немецкой идеалистической философии; он не только побывал в школе Канта, Фихте и Гегеля, как Маркс и Энгельс, ушедшие в материализм, но в нем сохранился этот дух до конца его бурной деятельности. Этот дух с необычайной силой отразился на его социально-философском мирозерцании, так и не ставшим до конца ни материалистическим, ни космополитическим.

В речи „О философе Фихте“ Лассаль говорит, что дух гегельянского идеализма есть священное Вестово пламя метафизического мышления,—пламя, с которым, несмотря

на его метафизическую сверхчувственность, точно так же, как и с огнем римских весталок, неразрывно связаны земные судьбы немецкой нации. Этим же идеалистическим пламенем питается и весь политический пафос Лассалья; оно же сказывается и в особом лиризме его речей.

Специфическое гегельянство — тоже нашло себе место у Лассалья. Например, в его анализе отношений труда и капитала:

1) *Тезис*. Средние века—первую роль играет *труд*; со времени французской революции—наступает новая эпоха, т.-е.

2) *Антитезис*,—когда первую роль играет *капитал*; наконец, идет

3) *Синтез*—новая историческая эпоха: труд опять приобретает значение, но с подчинением себе капитала.

Воззрения на право и юриспруденцию изложены у Лассалья в его „Системе приобретенных прав“. Это оригинальное и самое систематическое сочинение Лассалья. „Целью всего сочинения,—говорит он,—является уничтожение пропасти между догматической и исторической разработкой права“.

„Наше время стремится выработать себе новое социально-политическое мировоззрение; задача „Системы приобретенных прав“ — раскрыть основную его идею. Только плоский буржуазный либерализм отделяет в гражданском праве социальный элемент от политического, тогда как оба эти элемента составляют одно неразрывное целое. Основная мысль — „в соединении политики и экономики — моя главная сила“, писал Лассаль Родбертусу.

В „Системе приобретенных прав“ Лассаль со ссылкой на Фихте превосходно замечает и разъясняет, что „обычно словоупотребление, отождествляющее буржуазный либерализм с индивидуализмом, решительно не мирится с буржуазными принципами и учреждениями“.

Лассаль в письме к Дункеру—своему издателю и другу—говорит: „я вообще пытался создать то, чего до сих пор не хватало, и недостаток чего был особенно чувствителен: т.-е. я хотел создать оплот для революции и социализма в лучшем и возвышеннейшем смысле из научной юридической системы“. Таково было задание Лассалья.

Лассаль—горячий защитник социализма и убежденный сторонник идеи социальной революции. В своих замечательных письмах к Марксу Лассаль говорит об это

с прямою и откровенностью, не оставляющими никаких сомнений. Но социализация строя и социальная революция мыслятся им как конечный идеал; для текущего дня, да еще дня будничного, в реальной германской действительности у него имеется иная, меньшая программа, так сказать, узкая программа *minimum*. В ней Лассаль защитник парламентаризма, национализма, государственного централизма и государственного кредита. Его специфическая „лассальская“ программа, составившая символ веры его ближайших последователей, представляла собою не что иное, как такую „временную и местную“ программу *minimum*, которую Лассаль, как осторожный и дальновидный реальный политик, предлагал своим современникам для данного момента. Но тот, кто принимает именно эту программу,—а так, к сожалению, делают биографы Лассалья,—за суть воззрений этого мыслителя,—делает ошибку, не отличая основных убеждений от практически осуществимых условных положений временного значения.

Такова вторая „двойственность“ Лассалья, весьма существенная и интересная. Только принимая ее во внимание, нужно рассматривать и принимать изложенные далее взгляды Лассалья.

Вообще, для понимания Лассалья важно определить соотношения между Лассалем и Марксом. Лассаль был другом и учеником Маркса, учеником не в школьном, а в идейном смысле. Франц Меринг, детально и добросовестно изучивший отношения между этими великими вождями мирового пролетариата прямо свидетельствует: „Лассаль был учеником Маркса и охотно признавал себя таковым“¹⁾. Это в точности устанавливает их поучительнейшая и интереснейшая переписка, которой биографы Лассалья не уделили никакого внимания. Действительно, по всем общим теоретическим вопросам, во всех принципиальных суждениях и особенно в общих положениях, касающихся социального движения, Лассаль и Маркс были вполне солидарны, как два социалиста, как

¹⁾ Предисловие Ф. Меринга к „Письмам Фердинанда Лассалья к К. Марксу и Ф. Энгельсу“, рус. пер. СПб. 1905 г. Стр. IX.

Эти письма действительно имеют „громадную историческую ценность“. „Они не только являются ценными данными для первоначальной истории германского и европейского рабочего движения, но имеют чуть ли не большую ценность для психологического понимания тех людей, которые дали этому движению классические черты“. (Меринг, стр. XIII).

два революционера, как два соратника в деле борьбы за пролетарское дело. Но в деле тактики к началу 60-х годов они разошлись. „Свое бессмертное имя Лассаль приобрел тем, что в решительный момент, в сознательном и непримиримом противоречии с Марксом, он на свою собственную ответственность перед судьейским столом истории совершил историческое дело, создающее эпоху“. Так говорит Меринг, все еще так мало оцененный в России, Меринг-биограф не Лассалья, а именно Маркса, следовательно, в данном случае особенно беспристрастный судья.

IX.

Политические взгляды Лассалья к началу 60-х годов лучше всего характеризуются его словами, обращенными к рабочим: „Всеобщее и прямое избирательное право — это не только ваш политический, но и ваш основной социальный принцип, основное условие всякого социального улучшения“. Вообще же Лассаль выступает в это время, как *республиканец, государственный и противник федеративного начала.*

Свой политический идеал того времени он формулировал в письме к Родбертусу: „Grossdeutschland moins les dynasties“, т.е. „Великая Германия без династии“, другими словами, — об'единение всех немецких земель (не исключая, значит, и немецких земель австрийской короны) в единую немецкую республику. Лассаль не сторонник прусской гегемонии и не шовинист, как его хотели представить. В 1859 г., в своей брошюре „Итальянская война и задача Пруссии“, — Лассаль предвидит печальные последствия будущей крупной гегемонии. Здесь он говорит: „Доброе согласие — никогда не было более своевременно, чем теперь, в момент возрождения француозества, возвестить это всекому, кто хоть сколько-нибудь может обозреть ход европейской культуры — доброе согласие между двумя великими культурными народами, немцами и французами, — это пункт, от которого бесспорно зависит всякая политическая свобода, весь прогресс цивилизации в Европе, всякое умножение и осуществление идейной жизни (der geistigen Ideenmasse), словом, все развитие демократии и тем самым культурное развитие вообще. От этого пункта зависит не только судьба определенной нации — он есть жизненный вопрос всей европейской демократии“. И далее: „Такая война бу-

дет, вне всякого сомнения, самой огромной... по своим последствиям победой, одержанной реакционным принципом с марта 1848 года“.

В своих речах „О сущности конституции“ и „Что же дальше?“ Лассаль считает основой государственных учреждений — истинною конституциею — *соотношение реальных общественных сил*. Эту реалистическую точку зрения Лассаль противопоставляет чисто юридической, которую выставляли тогда либералы. Во время конфликта с правительством Лассаль рекомендовал парламенту не собираться и тем вынудить правительство сбросить „конституционную маску“.

X.

Официальная *социальная философия* Лассалья менее оригинальна. Здесь бесспорно отражается влияние и Лоренца фон-Штейна и Карла Маркса. В рабочей программé (1862 г.) Лассаль намечает, согласно с Марксом, исторический процесс смены феодально-средневекового строя современным капиталистическим. Историко-философское обоснование этому давало *гегельянство*. В качестве гегельянца он мог воскликнуть: „Каждую строчку, которую я пишу, — я пишу во всеоружии современной науки“. Вместе с тем, согласно гегелевскому учению о государстве, Лассаль полагает, что *рабочий класс* — носитель чистой идеи государства, как нравственного единства индивидуумов, воспитывающего человечество для свободы. История, по Лассалю, — „совершающийся с внутреннею необходимостью непрерывный процесс развития разума и свободы“. Здесь сказывается, сходство в воззрениях с повлиявшим на Лассалья Лоренцом фон-Штейном.

Некоторые говорят даже о „заимствовании“, но, как справедливо заметил Герман Онкен, — „заподозрить оригинальность мышления Лассалья можно только в его идеях и их проведении, но не в самой их сущности“¹⁾.

„История, — говорит Лассаль, — есть борьба с природой, с нищетой, невежеством, бедностью, бессилием, и, следовательно, со всяческой неволей, в которой мы находились, когда род человеческий зачинал свою историю. Постепенное преодоление этого бессилия есть развитие свободы, ко-

¹⁾ Г. Онкен: Лассаль, рус. пер. СПб. 1905. Стр. 180.

торое представляет собою история. Мы никогда не сделали бы ни одного шага вперед в этой борьбе и не сделаем его, если бы вели или стали вести ее *каждый сам по себе, каждый поодиночке*" ²⁾.

Назначением государства и является совершивши это развитие свободы, развитие рода человеческого в направлении к свободе.

Государство есть такое единство личностей в одном нравственном целом, единство, умножающее в миллионы раз силы всех отдельных личностей, входящих в это единение, бесконечно увеличивающее индивидуальные силы *каждой* из них. Таким образом, цель государства не в том, чтобы *охранять* только личную свободу и собственность индивидуума, которыми, согласно буржуазной идее, человек будто бы обладает уже при своем вступлении в государство; нет, цель государства, наоборот, в том, чтобы таким соединением людей дать им возможность осуществлять такие цели, достигать таких *ступеней существования*, какие никогда недостижимы для отдельной личности, дать им возможность приобрести такую сумму *просвещения, силы и свободы*, какая была бы немыслима для отдельной личности.

Итак, цель государства — *положительно развивать и неустанно совершенствовать* человеческое существо; другими словами, — *осуществлять в действительности назначение человека*, т.-е. культуру, к которой человеческий род способен; цель государства — воспитание и развитие человечества в направлении *к свободе*".

С самой ранней юности в идее государства для Лассалья воплощались и мораль, и право, и разум. Все его сочинения проникнуты увлечением этой идеей, верой в миссию государства, не только как защитника, но и ревнителя права и культуры. Но это не был „культ государства“, чему Лассаль противопоставлял реалистическое понимание государства, как организации меняющихся в своем господстве классовых интересов. Но это реальное понимание конкретного социального содержания государства нельзя противопоставлять этическому пониманию государства, как морально-общественного начала.

„Победа коллективного сознания над слепыми и стихийными силами природы — таковы, по Лассалю, задачи государства“. Это будет не поглощение личности Левиафаном —

²⁾ Лассаль: Собр. соч. Изд. Н. Глаголева. Т. I, стр. 31—32.

государством, а освобождение личности от естественных и исторических уз.

Лассалевское понимание государства оказывает влияние и на, так наз., *государственных социалистов* и на академическую науку. Так, наприм., катедер-социалисты разделяют взгляд Лассалья на государство и его протест против манчестерства.

Интересны также его взгляды на *роль четвертого сословия*.

Лассаль утверждал, что с 1848 г. наступает новая эпоха, где руководящую роль должно приобрести 4-е сословие. „Четвертое сословие! Сколько копеек поломано в спорах об этом понятии! Его старались отрицать, изгнать, опровергнуть, все напрасно! Четвертое сословие фактически существует, и нет той силы, которая могла бы снова стереть его с лица земли и помешать ему добиться своих прав“. „*Организация этого сословия при содействии государства*“ — вот задача времени.

Но такое решение социального вопроса не ново. Такое же философское и историческое обоснование давал уже Луи Блан. В практических предложениях Лассаль и Луи Блан *одинаковы*. Но Лассаль глубже, он социалист; он понял и основную проблему социализма — доходом, получаемым без труда. Помимо Луи Блана, Лассаль заимствует свои воззрения у Карла Маркса, Прудона, Родбертуса — иногда без всяких указаний. Мы знаем также, что „программа“ Лассалья вообще представляет собою расширение идей Луи Блана.

Программа, предложенная Лассалем, сводится к следующему: „При современных условиях, когда ремесло все более и более вытесняется крупным производством, единственное средство поднять рабочих, как производителей — то сделать их своими собственными предпринимателями и уничтожить различие между предпринимательской прибылью и заработной платой, заменив последнюю действительным продуктом труда рабочего. Для этой цели необходимо учреждение свободных производительных ассоциаций рабочих с государственным кредитом и под контролем государства. Только таким путем возможно будет освободить рабочих от гнета железного закона заработной платы“.

Сам Лассаль смотрел на производительные ассоциации, как на *переходную меру*. В письме к Родбертусу — 26 мая 1863 года — он писал: „Моя совесть, как теоретика, никогда

не позволила бы мне говорить о „разрешении социального вопроса“ посредством ассоциаций. Здесь дело идет только о практической переходной мере, а не о теоретическом принципиальном окончательном разрешении вопроса,—разрешения которого вы даже сами ожидаете лишь по прошествии 500 лет. Но мне кажется неоспоримым, что это разрешение наступит постепенно, если будут существовать ассоциации, и оно удивительно облегчится при этом“...

Свои идеи он обосновал в блестящей полемике против Шульце-Делича. Против производительных ассоциаций Лассаля последователи Маркса приводили тот справедливый аргумент, что при существовании свободной конкуренции и вообще капиталистического строя они обречены на капиталистическое вырождение.

То же говорит и Родбертус, давая юридическую формулировку этому возражению; осуществление плана Лассаля „поведет к самому резкому развитию корпоративной (а не коллективной) собственности на орудия производства, которая изменит только личный состав имущих и будет в тысячу раз более ненавистной, чем современная собственность“.

XI.

Обычно связывают имя Лассаля,—и это главное, что сохранилось о нем поныне в широких слоях,—с так называемым *железным законом заработной платы, особым учением об уровне средней заработной платы.*

Лассаль возродил конструкцию идей Тюрго-Рикардо в своем „железном законе“. Формулировка Лассалем его теории заработной платы сделана им в знаменитом „Гласном Ответе“, в этом великолепном интермеццо к рабочей агитации. Вот его подлинные слова: „При теперешних отношениях, под государством спроса и предложения труда, рабочую плату определяет следующий железный закон: средний размер заработной платы всегда сводится на безусловно необходимое содержание, требуемое привычками народа для поддержания жизни и для размножения. Вот точка, вокруг которой вращается действительная почасовая плата, как маятник, никогда не поднимаясь надолго выше и никогда надолго не опускаясь ниже“. 1) Далее Лассаль определяет

1) Собр. сочинений Лассаля, рус. пер. Т. II, стр. 67.

и условия действия закона, если плата в действительности подымется или опустится.

Относительно случаев под'ема он говорит, что заработная плата „не может надолго подняться выше этого среднего размера, потому что тогда, вследствие улучшения положения рабочих, браки между ними стали бы чаще, усилилось бы размножение, рабочее население умножилось бы и, таким образом, увеличилось бы предложение рук, что низвело бы рабочую плату к прежнему размеру или ниже“.

Относительно случаев обратных, т.-е. опускания, Лассаль говорит: „заработная плата не может долго продержаться и ниже размера, безусловно необходимого для существования, потому что тогда наступают выселения, безбрачие, воздержание от деторождения и, наконец, уменьшение числа рабочих посредством нищеты, что ослабляет предложение рабочих рук и потому возводит заработную плату до прежнего размера“.

„Следовательно, — заключает Лассаль, — действительный средний размер заработной платы состоит в беспрестанном колебании вокруг этого центра тяжести ее, при чем она то возвышается (период благоденствия во всех или некоторых отраслях труда), то падает (период более или менее общей нужды и кризисов)“. Лассаль никогда не приписывал себе чести „открытия железного закона заработной платы, теории задолго до него формулированной, намечавшейся еще задолго и до Рикардо, а именно с XVII века ¹⁾).

Лассаль сам на это указал в „Гласном Ответе“.

„Закон этот открыт и доказан именно либеральной экономической школой“. И несколько далее: — „в либеральной школе нет ни одного известного экономиста, который отрицал бы его. Адам Смит и Сей, Рикардо и Мальтус, Бастиа и Джон Стюарт Милль — все сходятся в признании его“. Теория, следовательно, и по Лассалю, не нова, но Лассаль выдвинул ее, снабдив боевым эпитетом и универсализировал ее ²⁾.

¹⁾ См. собр. соч. Лассалья. Рус. пер. Т. II, стр. 68.

²⁾ Лассаль первый, — говорит Эд. Бернштейн, — употребил выражение „железный“ в приложении к этому закону. И не только одно выражение: для него с этим выражением связывалось понятие о неизменном, абсолютно действующем“. „К вопросу о железном законе заработной платы“. Рус. пер. СПб. 1902 г., стр. 7.

ХII.

Экономические принципы Лассалья не оригинальны. Они заимствованы частью из классической школы (Рикардо), частью у социалистов: Маркса, Родбертуса и Прудона. Он не является последователем кого-либо из них одного, а заимствует у всех чисто эклектически. Воззрения на деньги и значение рабочего времени заимствованы им, по его же признанию, у Карла Маркса.

Но „между Лассалем и Марксом полная противоположность. Лассаль—идеалистичен, национален, государственный социалист; Маркс—материалистичен, интернационален и против государственного социализма. Маркс критикует Лассалья в письме к Браке. Научный социализм не признает Лассалья, но роль его в истории немецкого социализма громадна“.

Основная заслуга Лассалья в том, что он двинул вперед немецкое рабочее движение, положил начало организации рабочих, как самостоятельной политической партии, дав ей ясную программу. Диль говорит: „Лассаль вызвал рабочее движение; обсуждение социальных вопросов он сделал достоянием массы; он популяризирует воззрения социалистов. Лассаль разоблачил ошибки манчестерской школы и выдвинул значение государства в хозяйственных вопросах“. „Основные социально-политические положения и требования лассалевской агитации до последнего времени... составляли интегральную часть программы социал-демократии. Только на эрфуртском конгрессе, в 1891 г., окончательно восторжествовала доктрина Маркса“.

Эрфуртская программа уже не содержит никаких элементов лассальянства. Отныне—уже господствует новая формула: рабочий вопрос—вопрос и политический и социальный.

ХIII.

Первый, писавший о Лассале в России, был—Яков Ватсон. Он писал еще при жизни Лассалья в статье, написанной в сентябре и напечатанной в одном из журналов осенью 1863 г., „Об улучшении быта рабочих в Германии“¹⁾. В этой статье отразилось настроение того времени.

¹⁾ Ватсон: Этюды и очерки по общественным вопросам. СПб. 1892 г.

Противопоставляя две системы содействия рабочему классу—основанной на идее самопомощи (Шульце-Делич) и—на идее государственного вмешательства (Лассаль), Ватсон говорит, что в лице Лассалья последняя идея терпит пока фиаско. „В настоящее время,—замечает тот же автор далее,—перевес находится повидимому на стороне системы Шульце-Делича, но об этом деле нельзя еще сказать последнего слова“.

Другая точка зрения на Лассалья появилась много позднее; она выражена в статье Струве „Еще о Лассале“, в которой он горячо защищает Лассалья¹⁾: „Ошибки Лассалья в области экономической науки совсем обезврежены и похоронены историею. И потому с особенною яркостью выступает его неумирающая заслуга, тот идеалистический дух, в котором он понимал социальную проблему, слияние ее воедино с самыми заветными и дерзновенными запросами практической и теоретической мысли. Лассаль навсегда останется замечательно цельным и чарующим—живым воплощением в одной могучей индивидуальности самого трезвого социального реализма и самого смелого и проникновенного социального идеализма“.

Бернштейн недавно закончил свою приобретенную такую широкую известность книгу призывом: „Назад к Ланге!“

„Мы очень высоко ценим личность, критический дух и исторические заслуги автора „Рабочего вопроса“,—говорит Бернштейн,—но мы думаем, что возвращение к нему может дать лишь очень мало для создания положительного мирозерцания на новых, более широких, т.-е. в сущности, на старых идеалистических основах. В поисках духовного маяка, достаточно высокого и яркого, взор сторонников социального идеализма всегда обращается к Ф. Лассалю“.

Прошло более полвека со смерти Лассалья. Жизнь указала, в чем он был прав и в чем ошибался. Рабочее движение об'единило и экономические и политические задачи, рабочий класс осознал себя, как социальную и политическую силу, и давно прошел через программу Лассалья по более широкой и дальней дороге.

Жизнь вместе с тем отвергла „железный закон“ заработной платы. Создание боевых пролетарских организаций, профессиональных рабочих союзов, — отодвинуло казавшиеся неумолимыми суровые тиски действитель-

¹⁾ П. Струве. На разные темы, стр. 265.

ности. Заработная плата рабочих, под натиском их движения, на немного повысилась. Железный закон оказался не неизбежным. Рабочее движение получило новый смысл и новое назначение.

Но на пути своего движения пролетариат должен ценить ступени своего развития, благоговейно чтить память своих первых вождей и руководителей. И в числе их на одном из первых мест—имя смелого борца и первоклассного мыслителя Фердинанда Лассалья. Недаром революционный Петроград украсил лучшие из своих улиц—одну наименованным, другую изваянием знаменитого вождя европейского пролетариата.

На русском языке сочинения Лассалья появились в ряде переводов:

- 1) Лассаль Ф.: Об особенной связи современного исторического периода с идеей рабочего сословия. „Современник“ 1865 г., книга 9.
- 2) Лассаль: Сочинения. Перевод Зайцева, т. I. Спб. 1870, теперь редкость; т. II. Спб. 1871 (сожжен цензурою).
- 3) Лассаль: Франц фон-Зиклинген. Пер. А. и С. Криль. Спб. 1873.
- 4) Дневник. Был напечатан в „Северном Вестнике“ и отдельно в изд. Б. Н. Звонарева. Спб. 1901 г.
- 5) Сочинения. 3 тома. Пер. под ред. И. Давыдова. Изд. Н. Глаголева. Спб. 1905.
- 6) Ряд переводов и изданий отдельных речей и статей Лассалья, особенно „О сущности конституции“.

О Фердинанде Лассале и его воззрениях писали:

1. Корн, В. Ф. Последний роман в жизни Лассалья, в „Этюдах“, т. I. СПб. 1885.
2. Чуйко. Европейские мыслители. Вып. VII, Лассаль. СПб. 1882.
3. Онкен, Герман. Лассаль, пер. Ивановича. 1905.
4. Бернштейн, Эд. Фердинанд Лассаль, биограф. очерк. СПб. „Молот“. 1905.
5. Ватсон, Э. К. Вопрос об улучшении быта рабочих в Германии. В „Этюдах и очерках по обществ. вопросам“. СПб. 1892.
6. С. С. „Романический эпизод из жизни Ф. Лассалья“ (биография) в журн. „Вестник Европы“ за 1877, кн. XI.
7. П. Струве. Сборник статей „На разные темы“. СПб. 1902.
8. Ланге, Ф. А. Рабочий вопрос, рус. пер. 2 изд. 1895.
9. Бернштейн, Эд. О железном законе Лассалья в „Очерках из истории и теории социализма“. СПб. 1902.
10. Гумплович, Влад. Фердинанд Лассаль. Пер. с польского. СПб. 1906.
11. К. Маркс. Лассальянизм и профессиональная борьба. Письмо к Швейцеру. СПб. 1906.
12. Сурков, А. Фердинанд Лассаль. В журнале „Жизнь“ за 1900 г.
13. Русанов, Н.: статья „Лассаль“ в сборнике „Социалисты Запада и России“ СПб. 1908.

ГЛАВА XVII.

Научный социализм.

Основоположниками научного социализма являются Карл Маркс и Фридрих Энгельс. В теоретической части их воззрений к ним примыкают Карл Родбертус-Игетцов и Фердинанд Лассаль, имеющие, впрочем, индивидуальные оттенки своей экономической физиономии. Учение Родбертуса, как наиболее отклоняющееся от взглядов Маркса, и до известной степени ему предшествующее, изложено выше.

Карл Генрих Маркс.

(1818—1883).

I.

БИОГРАФИЯ.

Юность (1818—1838).

Жизнь Карла Маркса всегда обращала на себя внимание изучавших историю социального движения и социалистической мысли 19 столетия. Особенно важны этапы развития воззрений Маркса до создания Первого Интернационала, когда складывалось его мировоззрение. „Вы не найдете человека, жизнь которого лучше характеризовала бы наше движение, чем жизнь нашего учителя Карла Маркса“— говорит Карл Каутский. Особенно важен период жизни Маркса между 1835 и 1848 годами, период создания идей революционного марксизма.

Карл Генрих Маркс родился 5-го мая 1818 года в небольшом немецком провинциальном городе Трире (Прирейнской провинции).

О детстве его нам ничего неизвестно; повидимому, оно ничем и не было замечательно.

Отец К. Маркса происходил из семьи еврейских раввинов, занимался адвокатурою и под конец жизни достиг звания юстиц-рата. Мать—голландская еврейка, урожденная Генриетта Пресбург. В 1824 году, когда мальчику было 6 лет, семья Маркса перешла в протестантство. Этому вопросу в свое время было посвящено не мало строк. Совершенно обычное явление массовой ассимиляции еврейской интеллигенции в различных странах превратилось в какую-то проблему. Так, например, биограф Маркса—Франц Меринг старался оправдать будущего „юстиц-рата“¹⁾, папа-Маркса, называвшегося в детстве Мордухаем, и уверял, что обращение его в христианство произошло только для того, чтобы внешне порвать с иудейством, которое он уже пережил внутренне²⁾. Дело, по всей вероятности, обстояло много проще и печальнее: в те годы политической реакции, в годы гнета прусского режима,—ассимиляция давала буржуазному еврейству единственный выход.

Великий поэт Генрих Гейне, крестившийся почти одновременно с отцом Маркса, нисколько не желал, даже напротив, чтобы акт его измены религии предков представлялся бы в благоприятном свете. „Уверяю тебя,—пишет он приятелю,—будь бы законом и дозволено красть серебряные ложки, я бы не крестился“.

Из всего этого нам ясно одно, что юный Маркс обучался и воспитывался в тех же условиях, что и все остальные его немецкие сверстники. Он во-время поступил в трирскую гимназию, во-время окончил семилетний курс ее, когда ему исполнилось 17 лет. Затем, естественно, молодой Маркс поступил в университет, в начале в местный Боннский, а потом в столичный, в Берлинский, куда тянуло всякого студента. В 1841 году, т. е. после шести лет студенчества, молодой человек закончил курс университета со степенью доктора философии, написав маленькую мало интересную диссертацию.

Вторая половина 30-х годов—время, когда К. Маркс был студентом,—характеризовалась, между прочим, бурным поли-

1) „Советник юстиции“—обыкновенный немецкий чин, даваемый юристам.

2) „Aus dem litterarischen Nachlass von K. Marks“, том I, Штуттгарт, стр. 4, рус. пер. К. Маркс и Ф. Энгельс: „Литературное наследство“, т. I, 1907, стр. 8-ая и след.

еским возбуждением немецкого студенчества. Студенческие речи того времени были полны бунтарской фразеологии и революционным сумбуром; студенчество играло роль единственной оппозиции мрачной реакции царствования Фридриха Вильгельма III, но юный студент-юрист Маркс на студенческой скамье остался чужд общего настроения и движения товарищей. Эпоха идеологического кризиса отразилась только на том внешнем хаосе его образования, которое огорчало его отца, не понимавшего пути, которому шло развитие его сына.

В дни Маркса в Берлине, куда он перешел вскоре из Гейдельбергского университета, на юридическом факультете играли ведущую роль профессор Савиньи и Ганс. Первый — знаменитый юрист исторического направления, второй — выдающийся гегельянец. Усвоив излагавшееся ими, Маркс начал сам продолжать развитие науки с места, на котором она остановилась. Составив свою теорию права и свою систему юриспруденции, он вскоре отверг воззрения Савиньи и Ганса, убедившись в необходимости подвести под них новое философское обоснование. Но „господствующая философия — гегельянство — его тоже не удовлетворяла. Фантасмагогические горные мелодии гегельянства кажутся ему, в конце концов, только оружием умственного фехтовального искусства“¹⁾. Он составляет „пролегомена“ к своей собственной новой системе. Рукопись носит название: „Клеантус или о первоначальной точке и необходимости развития философии“. Эти пролегомена, в которых наука сближалась с искусством, шеллингианство с естествознанием, не удовлетворяли его искателя истины, но пока ему ничего нового создать не удавалось.

Описанный путь самообразования и индивидуального развития требовал необычайной затраты времени и энергии. Маркс совершенно замкнулся в своих занятиях, и единственной связью с миром служила ему его пламенная любовь к его невесте — чувство, которое он тоже гипертрофировал. В конце 30-х годов молодой Маркс примкнул к кружку молодых гегельянцев, где давали тон Д. Штраус, Кеплер, Бруно Бауер, тогда берлинский доцент. Последний — современник Маркса и его старший со товарищ по университету — увлек молодого Маркса заняться подготовкой к

¹⁾ Eleonora Marx-Eveling: „Ein Brief des jungen Marx“, в журнале *eue Zeit*, за 1897, № 1.

профессорскому званию по кафедре философии. Маркс сдал экзамен на степень доктора философии и представил в Йенский университет в апреле 1841 года докторскую диссертацию: „О различии натур-философии Демокрита и Эпикура“. В предисловии диссертации обращает на себя внимание известный характерный ответ Прометея служителям богов Гермесу, который должен служить выражением настроения и позиции автора ¹⁾. Маркс стоит в этой работе еще целиком на идеалистической гегельянской точке зрения.

По окончании курса университета Маркс на 24 год своей жизни посвящает себя литературной деятельности. Он участвует, а несколько позднее, с 1842 года, сам редактирует в Кельне политическую газету „Рейнскую газету“ основанную прирейнскою либеральною буржуазиею, вскоре закрытую. В статьях Рейнской газеты уже заметен у Маркса влево; он переходит от идеализма к материализму, от революционного демократизма к коммунизму. Затем Маркс приступает к изданию журнала, еще менее долговечного, чем газета. В 1843 году он обращает на себя внимание статью о цензуре в „левом“ сборнике, составленном Руге: „Anekdote zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik“, а сам вместе с Руге приступил в Париже к изданию радикального журнала: „Немецко-Французский ежегодник“, с которого он начинает обращать на себя внимание радикальных кругов пишущей братии, так и бирается на новую материалистическую и коммунистическую позицию.

В этот период жизни у Маркса начинается и семейная жизнь. Он женился на некоей Джени фон-Вестфален, умной образованной девушке, дочери немецкого дворянина средней руки. Последнее обстоятельство очень волнует некоторых из биографов Маркса, и их проникнутому почтению воображению жена Маркса рисуется чуть не родовитой принцессою, важным персонажем из готского Альманаха действительности, жена Маркса внесла не знатность и дворянскую чванную претенциозность, а много искреннего чувства к мужу и своей семье. В свою семейную жизнь

¹⁾ Открыто говоря ко всем богами ненавистного,
Но знай, Гермес, что казнь мою и цепи
Не променял бы я на твой позор,
Лишь вестником прворным у царей
Служить, как ты“.

Маркс также внес кажется единственную сохранившуюся у него еврейскую черту — патриархальность и чадолюбие. Жена его всю жизнь была ему верным другом в нужде и гонениях, платила ему нежною взаимностью. Сыновья Маркса умерли в раннем возрасте, а из трех дочерей две — жены Поля Лафарга и Эдуарда Эвелина — покончили с собою самоубийством. Из них унаследовала некоторые литературные дарования Элеонора, жена Эвелина.

К этому же периоду жизни Маркса относится и дружба его с даровитым сыном берлинского фабриканта, естественником по образованию и философом по склонностям — Фридрихом Энгельсом, сыгравшим выдающуюся роль в жизни Маркса. Бескорыстная дружба Маркса и Энгельса длилась всю их долгую бурную жизнь, при чем более мягкий и скромный Энгельс всегда добровольно становился на второй план и был верным и трогательно-внимательным другом и соратником во все фазы жизни Маркса.

Дальнейшую историю жизни Маркса, во-первых, можно разбить по его месту жительства на три следующих этапа, именно: 1) жизнь в Париже, 2) в Брюсселе, 3) в Лондоне. Во-вторых, дальнейший жизненный путь Маркса можно разделить по этапам его духовного развития; их можно определить, как:

1) эпоху идеализма и народничества, 1838—1842 г.г.

2) Эпоху народничества и фейербахианства, 1842—1844 г.г.

3) Эпоху освобождений, размежеваний и выработки своей позиции

а) от гегельянства и фейербахианства,

б) от „истинных“ социалистов,

в) от анархизма Штирнера,

г) от анархизма Прудона, 1844—1847 г.г.

Это особенно важный период развития Маркса, так как в это время впервые формулируются идеи исторического материализма и общей социально-политической и социально-философской позиции К. Маркса.

4) Эпоха революции 1848 г. и „Союза коммунистов“. Ее идеология выражена в „Коммунистическом Манифесте“. 1848—1853 г.г.

5) Эпоха газетной публицистики и подготовки экономического учения — идей „Критика политической экономии“. 1854—1859 г.г.

6) Эпоха „Интернационала“ и выработки социалистической тактики, как одной из основ марксизма. 1860 — 1864 г.г.

7) Эпоха „Капитала“ или выработки экономического учения К. Маркса. 1865—1872 г.г.

8) Эпоха II и III томов „Капитала“, 1872—1883 г.г.

Рассмотрим вкратце каждый из этих периодов в отдельности.

Первые два года развития двадцатилетнего К. Маркса проникнуты той умственной атмосферой, в которой в конце 30-х годов живет передовая Германия. „Некоронованный король философии“ Гегель царит в умах своих более чутких и передовых современников. Гегельянство помимо общего философского мировоззрения дает определенную позицию в социально-философской и социально-исторической области. Молодой Маркс—чистой воды гегельянец. Следующие два года приносят народничество и Фейербаха. Исторический процесс, происходящий в Европе, рассматривается двояко. Приемлемый для „Западной Европы“ (Англии, Бельгии, Франции)—путь развития непригоден для отсталой Германии. Отсталость в материальной культуре вознаграждается подъемом духовной. Маркс разделяет тогдашние народнические иллюзии немецкой интеллигенции, которая отрицательно относится к развитию капитализма в Германии.

В статье: „К критике гегелевской философии права“ („Немецко-Французский Ежегодник“, 1844) Маркс пишет: „Подобно тому, как древние народы переживали свое прошлое в воображении, в мифологии, подобно этому мы, немцы, переживали свое грядущее в мыслях, в философии. Мы являемся философскими современниками новейшего времени, не будучи в то же время его историческими современниками“. Отсюда, как вывод, идея только теоретического освобождения, которое провозгласило бы самого стремящегося к освобождению человека—сущностью человека. Это и сделал Людвиг Фейербах со своим антропо-морфизмом. Народническая интеллигенция в лице социалистов Мозеса Гесса, Карла Грюна, Леннинга встретила как нового пророка Фейербаха. В число фейербахианцев вступил и молодой Карл Маркс.

Те же взгляды разделяет и Фридрих Энгельс, ставший к этому времени фейербахианцем и народником. На собраниях в Элобержелоде в 1845 году Энгельс горячо доказы-

вает невозможность развития в Германии капитализма и необходимость прямо и непосредственно перейти к коммунизму.

С середины сороковых годов наступает особенно важная эпоха в умственной жизни Маркса.

Наступает эпоха размежевания и создания историко-философских идей марксизма (1844—1847).

Женившись и покончив с журналистикою в Кельне, освобождаясь и от увлечения Фейербахом и народничеством, Маркс переселяется в Париж. Здесь под влиянием французских утопистов он окончательно осваивается с социализмом и воспринимает социалистические теории Сен-Симона, Базара и Пеккера, что обязывает его к разрыву с радикально демократиею и коммунистическим утопизмом. Маркс—один из многих социалистов, наводняющих в те годы Париж. Здесь он сотрудничает в немецком революционном органе „Вперед“ („Vorwärts“).

Резко вызывающий тон этой газетки заставил прусское правительство через своего посла (Александр фон-Гумбольд) сделать соответствующие представления французскому правительству, в результате чего все не французские журналисты были высланы из столицы. В их числе находился и Карл Маркс. Поэтому в 1845 году Маркс с женою и другом Фридрихом Энгельсом переселяется в Брюссель.

Наступает эпоха постепенного роста идей. Этот процесс идет у Маркса совершенно своеобразно: путем ряда разрывов как с прежними своими воззрениями, так и отмежевания своих взглядов от близких и родственных ему по духу групп и течений. Прежде всего он порывает с тем мировоззрением, которое он сам исповедывал. Карл Маркс освобождается от влияния Фейербаха и вообще левого гегельянства в философии, порывает с „истинными социалистами“ (Бруно Бауер и др.), с анархистом Штирнером и с Прудоном, с последним особенно в области экономики. Этот разрыв равносильен, с одной стороны, разрыву с идеализмом и идеалистическими философскими течениями после-кантовского периода, с другой, — с анархизмом и мелко-буржуазною экономиею. Умственный бой на каждом фланге выразился в написании особого сочинения. Борьба

с народничеством и „истинными“ изложена в труде его совместно с Энгельсом: „Святое семейство“ („Die heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik gegen Bruno Bauer und Consorten“). 1845. Против Штирнера пишется „Святой Макс“, несколько позднее он порывает с Прудоном. Маркс формулирует свои разногласия с Прудоном в зиму 1846—47 г.г. и тем самым отграничивает научный социализм от анархизма, с идеологиею которого он отныне враждует. С иною целью Маркс пишет—по-французски „Misère de la philosophie“ — „Нищета философии“, — ответ на „Философию нищеты“ („La philosophie de la Misère“), большой принципиальный труд Прудона. Эти работы, частью лишь тогда напечатанные, точно определяют направление дальнейшего социально-философского и экономического учения Маркса. Складываются его основные идеи: от гегельянства, т. е. идеализма Маркс переходит к материализму, а в политической экономии, от утопии и мелко-буржуазных теорий к реализму. Так формулируется первый абрис будущего „научно-социалистического“ учения. Свое общее отношение к после-гегелевской философии Маркс вместе с Энгельсом формулирует в третьем труде этой эпохи,—это большая двухтомная работа о „чистом социализме“, которая, к сожалению, целиком так и не увидела света и не сохранившись, в большой своей части, повидимому, навсегда потеряна для потомства, кроме главы о Штирнере („Святой Макс“).

К этой же поре брюссельской жизни относится сближение Маркса с тайными коммунистическими организациями, через которые начинается его первое непосредственное участие в революционном рабочем движении.

За границу все еще теплились преобразованные в 1836 году Вильгельмом Вейтлингом рабочие объединения. Его „Союз справедливых“—к этому времени уже назывался просто „Союзом коммунистов“. Руководители союза циркулярно сносились с Брюсселем, Лондоном и Парижем, где были его отделения. Ко времени пребывания Маркса в Брюсселе деятельный член Союза коммунистов и оратор его первого конгресса часовщик Мост, впоследствии известный анархист, собирался созвать в Брюсселе очередной конгресс коммунистов, но в дело вмешался К. Маркс. Он вместе со своими брюссельскими единомышленниками реорганизовал Союз, устроил его центр в Париже, а для направления работы Союза и второго конгресса составил

и издал—свою мотивированную программу— „Коммунистический Манифест“.

Этот отныне исторический документ вначале был встречен холодно и получил мировую известность только много позже революции 1848 года, неуспешной из-за отсутствия лозунгов и программы, а именно, с конца 50-х годов, когда „Манифест“ начали переводить на различные языки.

Бурный 1848 год застал Маркса в Брюсселе. В этот период он не был активен и не играл никакой видной роли. После февральской революции он снова перебирается в Париж, куда его приглашало временное правительство, как теоретика революционера. 1-го марта 1848 г. он получил из Парижа от члена временного правительства Фердинанда Флассона следующее приглашение: „Верный, дорогой друг. Земля французской республики — убежище всех друзей свободы. Тирания Вас угнетала, свободная Франция открывает Вам свои двери, Вам и всем, кто борется за святыню, соединяющую все народы. Первый представитель французского правительства сделал бы (по отношению к Вам) то же (что и я). Братский привет“. Это приглашение подоспело весьма кстати, так как в это время брюссельские власти как раз распорядились о высылке Маркса. В Париже Маркс быстро убедился, что силы коммунистов слабы, а дни революции сочтены. Разразившееся вскоре революционное движение в Германии привлекает туда Маркса. В столице наиболее либеральной немецкой провинции, в Кельне Маркс вместе с Энгельсом и группой (Вольф, Дранке, Фрейлиграт) социалистов берет в свои руки большую политическую газету, „Новую Рейнскую газету“, первый из шести номеров которой под редакцией Маркса вышел в июне 1848 года. Маркс также участвует в Кельнском рабочем союзе и в политическом объединении местных революционных организаций — в местном „Совете демократов“. За призыв к активной борьбе с правительством Маркс попадает под суд.

В „Новой Рейнской Газете“ была помещена статья Маркса: „Классовая борьба во Франции“, продолжением которой служила работа „18 брюмера Луи Бонапарта“. (1852), а также статья „Наемный труд и капитал“.

В мае 1849 года Маркс вновь был изгнан из пределов Германии. Он переселился с семьей в Лондон, где и оставался до конца жизни.

Начавшаяся общеевропейская реакция и нужда заставили Маркса искать литературный заработок. В пятидесяти годах, кроме ряда газетных статей, Маркс напечатал:

1. Восемнадцатое брюмера. 1850.
2. Кельнский процесс коммунистов. 1850.
3. Революция и контрреволюция в Германии. Статья в „Трибуне“ за 1851—1862 г.г.
4. К критике политической экономии“. 1859.
5. Господин Фогт. 1860.

Из этих сочинений особенно важную роль играет труд „К критике политической экономии“, во „введении“ и в „предисловии“ Маркс излагает свои взгляды по методологии экономической науки и по социологии. В „Критике“ намечены первые вехи экономического учения Маркса.

В Лондоне Маркс работает в библиотеке Британского Музея, что дает ему возможность иметь под руками все сокровища духовной европейской культуры.

Эпоха Интернационала (1864—1872).

В 1862 году впервые была устроена всемирная выставка. Местом международного торжища и празднества был избран Лондон. Кроме представителей правительств и буржуазии сюда приехали и рабочие. Группа французских рабочих завязала с этого времени прочные связи с рабочими Англии. В следующем 1863 году вновь произошел обмен приветствиями и заявлениями о взаимной солидарности, а также состоялся большой митинг в честь польских революционеров, на котором говорилось о необходимости международной организации. От слов было решено перейти к делу.

Через год, 28 сентября 1864 года, в Лондоне состоялось собрание рабочих, положившее начало Интернационалу. Таким образом, Первый Интернационал был создан усилиями самих рабочих. На собрании 28 сентября было положено начало и первому исполнительному комитету Интернационала из 21-го члена. В числе избранных в комитет был и „доктор Маркс“, который вскоре стал центром и двигателем всей международной ассоциации, ее Генерального Совета и работ международных съездов. В основу деятельности лег написанный Марксом „Учредительный адрес“, в котором следующим образом формулиро-

зались задачи рабочей политики и основы ее этического поведения.

„Принимая во внимание, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, что, борясь за свое освобождение, рабочие должны стремиться не к созданию новых привилегий, а к установлению равных для всех прав и обязанностей;

„что экономическое подчинение рабочего обладателю средств производства является источником политической, моральной и материальной зависимости;

„что поэтому экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство;

„что все стремления рабочих к достижению этой цели оставались до сих пор безуспешными вследствие недостатка солидарности между рабочими различных профессий в каждой стране и отсутствия братского союза между рабочими различных стран;

„что освобождение рабочих является не только местной или национальной задачей, но, напротив, затрагивает интересы всех цивилизованных наций и может быть достигнуто только их теоретическим и практическим содействием друг другу;

„что движение, которое происходит теперь среди рабочих наиболее промышленных стран Европы, вызывая новые надежды, дает вместе с тем торжественное предостережение против старых ошибок и заставляет стремиться к объединению всех пока еще разрозненных усилий—в виду вышесказанного:

„нижеподписавшиеся члены Совета, избранного собранием, состоявшимся 28 сентября 1864 года в Сент-Мартинс-Холле в Лондоне, приняли необходимые меры для основания международной ассоциации рабочих.

„Они об'являют, что эта международная ассоциация, равно как все примыкающие к ней общества и отдельные личности признают истину, справедливость и нравственность за основу своих отношений ко всем людям, независимо от рас, религии или национальности.

„Они считают своим долгом требовать прав человека и гражданина не только для себя, но и для всех людей, исполняющих свои обязанности.

„Не должно быть обязанностей без прав, прав без обязанностей“.

Интернационал просуществовал 8 лет, с 1864 года по 1872, и разложился из-за борьбы партий. Особенно глубока была рознь между бакунистами и марксистами. Оба лагеря Интернационала являлись идеологами различных классовых подгрупп пролетариата. Стремления сельского пролетариата, батрачества и крестьянства нашли себе выражение в воззрениях Бакунина. Интересы промышленного пролетариата защищались учением К. Маркса. Постепенно выяснилась полная противоположность обоих учений. Последователи Бакунина выделились, в конце концов, откололись и составили самостоятельную организацию („Анархический Интернационал“).

К этому же периоду жизни К. Маркса относится появление его основного труда „Капитал“, подготовлявшегося постепенно и впервые изложенного в сочинении Маркса, „К критике политической экономии“ 1857. Книжные богатства знаменитой библиотеки Британского музея дали Марксу возможность спокойной научной работы.

В 1867 году вышел I том, единственный при жизни Маркса, затем вышли:

в 1885 г.—II том под редакцией Ф. Энгельса.

в 1891 г.—III том, под редакцией К. Каутского.

в 1894/5 г.г.—IV или „История теорий прибавочной ценности“, в 4 выпусках.

Карл Маркс скончался 14-го марта 1883 г. в Лондоне, 65 лет от роду. Он похоронен на Хайчетском кладбище.

Научно-литературная деятельность К. Маркса.

К. Маркс начал рано писать. Обычное начало—три тетради стихотворений никогда не были опубликованы, что, впрочем, они и не заслуживали, за отсутствием поэтического дарования. За то его проза, сочинения и письма—прекрасны; они дают определенное представление о сильном и образном стилистическом даровании Маркса, его особом индивидуальном кратком и могучем патетическом слого, юльном сарказма и смертельной иронии. Уже первый прозаический труд—его диссертация по древне-греческой философии, появившаяся в 1841 году—„Различие между натурфилософией Демокрита и Эпикура“—написана сильным характерным языком. Затем началось участие Маркса в периодической прессе.

24-х лет, Маркс был сотрудником, а затем редактором Рейнской газеты в Кельне (1842—1843 г.г.). Газета полностью называлась: „Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe“ и издавалась на средства и по указаниям руководителей оппозиционной прирейнской буржуазии. Влиятельные местные либералы—Кампгаузен, Ганземан и др. вели утом этого органа критику деятельности местного ландтага.

Маркс внес в газету экономический элемент; под его влиянием здесь начали появляться статьи по текущим хозяйственным вопросам. Среди помещенных здесь статей Маркса выделяются статьи: „Философия и экономия“, „Крестьяне-виноделы на Мозеле“, „О коммунизме“. Все они перечтаны в „Литературном наследстве“, частью в изложении Меринга, частью с его примечаниями.

Кроме оппозиционно-настроенных либералов в газете ашли себе приют и радикалы, близкие к Вильгельму Вейнингу, и такие левые дарования, как поэт Генрих Гейне,

анархист Каспар Шмидт (Макс Штирнер), философы братья Бауер, экономист либеральной школы Принц Смес. Из группы вейтлинговских коммунистов сотрудничали „красный“ Беккер и Зейдлер.

Интересно отметить, что Маркс в эту эпоху увлекался французскими утопистами: Сен-Симоном, Фурье, Пеккером и Луи Бланом, изучал сочинения оказавшего вначале на него сильное влияние Прудона, был знаком с сочинениями Фридриха Листа, Рау и Лоренца фон-Штейна. Маркс в этот период еще не был социалистом, но был против основоположений утопического коммунизма, называя его „Stömperei“. „Мы не провозглашаем догматический новый мир, а выводим его из критики старого“, — говорит в это время Маркс в сборнике „Немецко-Французский Ежегодник“, который он вместе с Арнольдом Руге основал в Париже и который произвел сильное впечатление на современников и не только в Германии. Как известно из книги А. Н. Пыпина „Жизнь Белинского“, журнал произвел громадное впечатление на нашего гениального критика. Издание „Ежегодника“ прекратилось на третьем номере, частью вследствие трудности доставки его в Германию, частью вследствие редакционных разногласий. Последнее произошло на принципиальной почве. Издатель Руге был гегельянец и буржуазный радикал, Маркс уже перешел в лагерь социалистов. Социалистическую тенденцию в журнале Марксу провести не удавалось: французские социалисты не хотели в нем работать. По словам Франца Меринга их оттолкнул крайний атеизм Маркса, а сен-симонисты, как известно, пытались сблизить социализм с религией. Под его влиянием делались в газете выпады против исторического направления в праве. В этом смысле особенно резка появившаяся анонимно статья Маркса в № 221 (приложение), направленная против профессора Гуго и озаглавленная „Философский манифест исторической школы права“. Редакционная работа в эту эпоху была трудным делом. „Редактирование этой газеты, — говорит Либкнехт, — было сплошной борьбой с цензурой, которая тогда царила в Германии“. Но не всегда победа была за цензурой. „Маркс мастерски проводил ее, за мыслями нельзя угнаться, как за бабочками“ ¹⁾. В 1843 году администрация все же навсегда закрыла газету.

¹⁾ В. Либкнехт: К. Маркс, рус. пер. Одесса. 1905.

Здесь обращают на себя внимание две статьи: „К критике гегелевской философии права“ и „Еврейский вопрос“. Из первой видно, как Маркс постепенно становится марксистом. Он здесь еще ждет переворота от чувства глубокого стыда, который охватил немецкую интеллигенцию за свою отсталость и за свое правительство. „Стыд есть уже революция“, — говорит он. — „Если вся нация стыдится — она лев, готовящийся к прыжку“. Но здесь же Маркс выказывается против политической революции, которая по его мнению — „сон“, и за пролетарскую социал-демократическую революцию, за освобождение, которое было бы мансипацией немцев, могущей сделать „их людьми“. Маркс поясняет: „Голова этого освобождения — философия, его сердце — пролетариат“.

Другая статья „Еврейский вопрос“ стремится доказывать, что „историческое развитие эмансипирует евреев“. Он рассматривает вопрос не с теологической или национальной точки зрения, а с экономической. „Эти статьи, — о свидетельству самого Маркса, — были направлены против идеологического мистицизма гегелевской и вообще спекулятивной философии³⁾. По другой оценке в этих статьях сквозит волна гегель-фейербаховского тумана впервые проясняется социальный реализм“. Как известно, и социально-политическая обстановка Франции того времени тоже поучала в этом направлении: приближался 1848 год.

В 1843-ем году появляется статья Маркса „О немецкой цензуре“ в сборнике „Anecdota“, блестяще, но, с точки зрения будущего Маркса, еще очень умеренно написанная.

Перебравшись в Париж, Маркс вместе с Энгельсом издает на немецком языке газету, „Вперед“, которую читает не только большая немецкая колония в Париже, но и немцы фатерланда.

Необычайно резкий тон ее заставляет немецкого посла (А. фон-Гумбольта) просить всесильного премьера Гизо закрыть ее. Гизо, боясь скандала, придрался к газете за отсутствие у нее денежного залога, что нужно было иметь огласно закона того времени. За это упущение был наложен денежный штраф и 2-хмесячное тюремное заключение для редактора. Первого января 1845 года газета была за-

³⁾ См. Письмо Карла Маркса к Нин-ону, 7 окт. 1868 года в Модэны в сборнике „Письма Маркса“, рус. пер. Г. А. Лопатина ПБ. 1908.

крыта, а все сотрудники не французы были высланы за границу. Карл Маркс переехал в Брюссель. Наступил наиболее важный этап в развитии воззрений Маркса — эпоха размежевания от инакомыслящих социалистов и создания своей теории.

Так появились две книги — „Святое семейство“ против Б. Бауера и товарищей и „Нищета философии“ против Прудона, а также была произнесена речь о свободной торговле, только впоследствии напечатанная.

Эти книги знаменовали собою разрыв, с одной стороны, с левым гегельянством, с другой, — с псевдореволюционной идеологиею мелкой буржуазии. В гегельянстве вместо „критически мыслящей личности“ и вместо „толпы“, „массы“, приматом объявил рабочий класс. „Революция нуждается, — заявляет отныне Маркс, — в пассивном элементе, в материальной обстановке“. „Пролетариат только сам может добиться своего освобождения“. „Эмансипация Германии произойдет, когда молния мысли ударит в доселе наивную и девственную массу пролетариата“.

Это, конечно, были совершенно новые идеи и лозунги, и Карл Маркс прав, характеризуя это время, как эпоху разрыва с прежним своим мировоззрением. Он говорит, что „в Брюсселе мы покончили счеты с нашей прежней философскою совестью“.

Вообще, наступила эпоха „разрывов“, время выяснения нового идейного течения и его формулировка. Проследим важнейшие из этих „разрывов“, явившихся этапами развития марксизма.

С идеями Людвиг Фейербаха и Бруно Бауера К. Маркс порывает, как с индивидуалистически-суб'ективным течением, противопоставляя ему об'ективную материалистическую философию. С Бруно Бауером Маркс бесстрашно и бесповоротно порывает, хотя был с ним раньше лично дружен и многим обязан.

С Карлом Грюном и рядом экономистов, называвших себя „истинными“ социалистами К. Маркс разрывает из-за их народнического и утопического направления. Он не верит более ни крупной, ни особенно мелкой буржуазии. Разрыв с Грюном тоже не легок — Грюн его сотрудник и одно время соратник.

Разрыв с былым кумиром, с Прудоном, Карл Маркс производит также решительно и бесповоротно. Идеи Пру-

на для него отныне ошибочны, как аполитические, мелкобуржуазные и утопические.

Наконец, последний в этой серии разрывов, — с знаменитым бочим Вильгельмом Вейтлингом за отсутствие понимания ей пролетарского социализма, за колебание мыслей, общее невежество. Последний „разрыв“ произошел 1-го марта 1846 г. в присутствии Анненкова, который писал всю сцену. Осталось также ее описание, сделанное Вейтлингом, из которого видно, что Вейтлинг не понял причин гнева Маркса.

Проникновение французским социалистическим наследием, — последний этап в этой эволюции. В начале 1848 года вышел „Коммунистический манифест“, квинт-эссенция тогдашнего социально-философского и социал-экономического приобретения, переработка идей Бабефа, Базара, Сен-Симона и особенно фурьериста Виктора Консидерана, „Манифест“ которого лег в основу „Манифеста“ Маркса.

Вначале он был встречен равнодушно, но только через 10 лет, а именно с конца 50-х годов Манифест, получил мировую известность и громадное значение. На русский язык — а переводы его сделаны почти на все языки — он был впервые переведен Михаилом Бакунинным, в 1860 году, вторично Георгием Валентиновичем Плехановым, в 1882 году. Здесь излагается грандиозная и странная картина экономической эволюции, развития и падения капиталистического общества и указываются задачи и способы проведения социальной революции.

Манифест распадается на 4 части:

- 1) Отношение пролетариата к буржуазии, где указывается их антагонизм и „история есть история борьбы классов“.
- 2) Пролетариат и коммунисты.
- 3) Критика различных систем социализма.
- 4) Место социализма в различных странах по отношению к практической политике. Как заключительный и практический лозунг — девиз Манифеста: „Пролетарии всех стран объединяйтесь“. Лучший историко-литературный разбор источников идей Коммунистического Манифеста был сделан Карлем Андлером: „Введение и комментарий к Коммунистическому Манифесту“ (рус. пер. М. 1906), но Ш. Андлер не марксист и не видит всей новизны воззрений Маркса. Со времени издания „Коммунистического Манифеста“ сложившееся мировоззрение Маркса углубляется в сторону

экономическую. „Критика политической экономии“, (1859) и „Капитал“ (т. I. Гамбург. 1867) дают полную картину экономической теории Карла Маркса. К середине 60-х годов относятся письма, обращения, резолюции и воззвания, написанные по делам „Международного товарищества рабочих“, а в 1876 году Маркс принял участие в книге Фр. Энгельса: „Анти-Дюринг“, для которой написал главу, касающуюся истории политической экономии.

После смерти Маркса были изданы некоторые его при жизни ненапечатанные рукописи, например, „Святой Макс“, „Критика Готской программы“ и вышли остальные тома „Капитала“. Затем вышло несколько собраний ценных по форме и содержанию писем Маркса. Таковы:

1) Четырехтомная „Переписка Маркса с Энгельсом“ за тридцатилетие 1844—1883 г.г., изданная Августом Бебелем в 1913 году, в Штуттгарте. („Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx“).

2) Переписка с Зорге и другими, вышедшая в 1906 году.

Полного собрания сочинений Маркса до сих пор не издано. Его заменяет: 1) четырехтомное собрание „Литературное наследство“ (Nachlass), содержащее сочинения от докторской диссертации до „Критики политической экономии“ и „Капитала“, 2) двухтомное собрание: „Gesammelte Schriften“ Маркса и Энгельса, напечатанные в промежутках от 1852 по 1862 год. Штуттгарт, 1917.

Лучшая биография Маркса Франца Меринга (есть рус. перевод, Петербург, 1920) и Клары Цеткин: „Karl Marx und sein Lebenswerk“. Эльберфельд, 1913.

III.

Марксизм.

Научный или, как его иногда называют, критический социализм был развит Марксом в стройную научную систему, получившую краткое наименование марксизма.

Марксизм представляет собой целостное синтетическое мировоззрение, имеющее историческое, философское и социологическое обоснование. В то же время марксизм является высшим объединением всего человеческого знания, его совокупности науки с точки зрения революционного пролетариата, ставящего своей целью полное активное освобождение (экономическое, политическое и духовное) всех трудящихся, всех угнетенных классов и народов от насилия, эксплуатации, невежества и предрассудков. Марксизм основывается на науке, на часть современного научного знания, часть системы научного социализма и, так как основой современной науки является естествознание, безусловно необходимою составною частью мировоззрения и обоснования марксизма является реализм, социальный реализм, покоящийся на эмпирических данных.

Социально-философская, социально-политическая, экономическая и социологическая стороны марксизма покоятся соответственных теориях.

1. Учение об историческом материализме. Основною историософскою теориею марксизма является учение об историческом материализме, иногда называемом также „экономическим“ или диалектическим материализмом. Это основное учение по философии истории и анализу исторического процесса. Смысл его в решающем значении для развития общественной жизни материальных условий. Наилучшее положение содержания этого воззрения дает Маркс в предисловии „К критике политической экономии“. Здесь

говорится: „В отправлении своей общественной жизни люди вступают в определенные, неизбежные, от их воли независящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития материальных производственных сил. Сумма этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальное основание (базис), на котором возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Не сознание людей определяет формы их бытия, но, напротив, общественное бытие определяет формы и сознания“.

2. Учение о классовой борьбе. История есть история борьбы классов, на которые распадается структура общества (классового общества). Классовое самосознание делает всякий класс — конституированным классом, создается классовая мораль и классовая идеология. Классовая борьба — это борьба прежде всего политическая.

3. Учение о социальной революции. В лоне буржуазного общества производительные силы перерастают и вступают в конфликт с производственными отношениями. Историческая тенденция капиталистического накопления приводит к тому, что наступает момент, когда экспроприация подлжит уже не рабочий, ведущий самостоятельное хозяйство, но капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Это наступает тогда, когда совершится вовлечение всех народов в сеть мирового рынка и установится международный характер капиталистического режима. „Централизация средств производства и обобществление труда достигают такой точки, на которой они становятся несовместимы со своей капиталистической оболочкой. Она разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторы экспроприируются“. Социальная революция есть вместе с тем революция политическая. Пролетариат в политической борьбе захватывает власть, наступает момент диктатуры пролетариата. Она является рычагом переворота, уничтожая старые буржуазные формы и помогая созидать новые.

4. Учение об исторической роли пролетариата. Научный социализм представляет собою теоретическое движение пролетариата. Пролетариат есть класс, действующий в интересах большинства ради боль-

шинства; он эмансипирует не только свой класс, но и все человечество. Отсюда исключительная важность его тактики. Тактика революции in permanence.

5. Экономическое учение:

- I. Учение о ценности меновой и потребительной. Трудовая теория ценности. Ценность — определенная масса застывшего рабочего времени („сгусток“, „скристаллизованный“ труд).
- II. Учение о формах капитала. Капитал постоянный и переменный. Органическое строение капитала. Воспроизводство капитала и его кругообращение.
- III. Учение о концентрации капитала и об исчезновении среднего класса.
- IV. Теория обнищания.
- V. Теория происхождения прибыли от капитала. Учение о прибавочной ценности. Прибавочная ценность — есть присвоение труда рабочего. Учение о норме прибыли и уравнивании прибылей.
- VI. Учение о земельной ренте, как разновидности прибавочной ценности.
- VII. Теория кризисов, как противоречие капиталистического строя.

6. Методологические воззрения. Диалектический метод. Метод Маркса в области политической экономики. Стремление к социальному реализму. Монизм.

7. Социологические воззрения.

Общее конспективное изложение учения Маркса до сих пор не сделано. Краткое изложение системы первого тома дает Карл Каутский: „Экономическое учение Карла Маркса“ (много изданий). Систему контр-критики Маркса составил А. Б. Буди́н. „Теоретическая система Карла Маркса в свете новейшей критики“. М. (Госизд.) 1920. Цитаты из некоторых сочинений (отсутствуют „письма“, Einleitung zur Kritik и пр.), притом без цитат, излагающих революционные тезисы, подобраны в сборнике „Памятная книжка марксиста“ Спб. 1906.

Ф. Энгельс и школа Маркса.

Часть сочинений Маркса составлялась при участии друга его жизни немецкого писателя Фридриха Энгельса. (1820—1895). Как научно-литературная, так и общественно-политическая деятельность Карла Маркса и Фридриха Энгельса представляют собою одно неразрывное целое. Друзья и единомышленники были связаны тесною и идейною дружбою, представляющей собою редкий пример высокого идеализма. Более материально обеспеченный и более жизнерадостный Энгельс сознательно уступал во всем первое место своему „более ученому другу“, при котором он, по своему выражению, охотно играл роль „второй скрипки“ Энгельсу, помимо сотрудничества с Марксом, принадлежит ряд самостоятельных трудов, среди которых особенно важны:

1. Положение рабочего класса в Англии. 1845
2. Жилищный вопрос. 1872.
3. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. 1882.
4. Анти Дюринг. 1877.
5. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1884.

Особенно важна работа Энгельса, написанная против воззрений немецкого экономиста Евгения Дюринга, где дается сводка взглядов Энгельса и Маркса по ряду важнейших экономических и историко-философских вопросов.

Энгельс много помог марксизму стать мировым учением. Указав на ошибочность воззрений и тактики различных социалистических направлений, оба друга резко отмежевались от других течений, установив свое революционное и чисто-пролетарское учение, легшее в основу международного пролетарского движения. Их идеология стала идеологиею всего промышленного рабочего движения всех капиталистических стран.

Социалистическое движение рабочих дополнило и развивало учение Маркса и стало с середины 60-х годов 19 столетия международным.

В 1880 году французскими последователями Маркса—Гэдом и Полем Лафаргом была выработана в Лондоне, так наз., программа минимум. Она приемственно продолжала идеи Коммунистического Манифеста. Первые положения этой программы, составленные Марксом, гласили: „Принимая во внимание, что освобождение производительного класса является в то же время освобождением всех людей без различия племени и пола; что рабочий класс не может быть свободен до тех пор, пока он не владеет средствами производства (земля, мастерские, корабли, банки); что владение средствами производства может осуществляться лишь в 2 формах: 1) личной (индивидуальной) форме, которая никогда не была общим явлением и с развитием промышленности вытесняется все больше и больше, 2) общественной, коллективной форме, интеллектуальные и материальные элементы которой выработаны в самом процессе развития капиталистического общества—французские социалисты объявляют целью своих стремлений политическую и экономическую экспроприацию класса капиталистов и передачу всех средств производства во владение общества.

Программа минимум расколола в 1882 году французскую социалистическую партию на два лагеря: марксистский (Жюль Гэд, Девиль, П. Лафарг) и POSSИБИЛИСТСКИЙ (П. Брусс, Б. Малон, Ж. Аллеман). Марксисты с бланкистами образовали в 1901 году „социалистическую партию Франции“, отвергающую сотрудничество с буржуазией. В Германии к воззрениям Маркса примкнули Вильгельм Либкнехт, Август Бебель, философ Фридрих Альберт Ланге и др. Они в 1869 году в городе Эйзенахе, положили начало образованию немецкой социал-демократической рабочей партии, выработав обстоятельную программу, получившую впоследствии название „Эйзенахской программы“. „Эйзенахцы“ враждовали с представителями уцелевшего после смерти Лассаля рабочего движения—лассальянцев. В 1875 году эйзенахцы и лассальянцы объединились на съезде в г. Готе и положили основание „Социалистической рабочей партии Германии“. С этого времени деятельность партии начинает неуклонно развиваться, несмотря на издание сурового закона „против общественных стремлений социалдемократии“ (21 окт. 1878).

В 1891 году Германская социалдемократия пересмотрела свою программу. При участии Карла Каутского, редактора официального журнала партии „Neue Zeit“ („Новое время“), была выработана подробно мотивированная новая программа партии, получившая название Эрфуртской программы.

В Австрии в 1888 году на съезде в Райнфельде Виктором Адлером была основана „Социал-демократическая партия Австрии“. В Голландии та же партия образовалась в 1894, в Швеции—в 1889, в России—в 1898 и т. д.

В 1889 году, после семнадцатилетнего перерыва, во время которого международный пролетариат объединялся только на международных социалистических конгрессах, вновь организовался Интернационал, второй по счету,—бюро в Брюсселе.

Во главе Второго Интернационала стали: Вандервельде, Карл Каутский, Гайдман, Плеханов, Бебель и в состав его вошли сформировавшиеся к этому времени мощные и крупные политические и профессиональные организации пролетариата отдельных национальностей. Единый международный центр был слаб для руководства движением отдельных национальных партий даже в мирные годы и был бессилён проводить в отдельных странах свою коллективную волю. Национализм и интернационализм ярко выразились в год начала мировой войны 1914 года. Значительное большинство социалистов примкнуло к националистической („оборонческой“) точке зрения и голосовало за военные бюджеты, расходы и пр. Меньшинство осталось верным интернациональной традиции социализма и предпочитало гражданскую классовую войну—империалистической. Съезды в Циммервальде (1916) и Киннсале (1916) окончательно разделили членов II Интернационала. Левая непримиримая группа во главе с В. И. Ульяновым, Г. Зиновьевым, Францом Мерингом, Кларой Цеткинкой, Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург отделилась и решила основать свой особый центр, который после октябрьской русской революции (в конце октября 1917) организовался в Москве, как III-ий Коммунистический Интернационал. В своей платформе Третий Интернационал резко разошелся со II-м, ставшим на точку зрения соглашения с буржуазией, а также и с образовавшимся в Вене пролетарским центром, полу-

чившим наименование „2¹/₂-го“. В 1922 г., по инициативе России, единство классовых стремлений повело к началу сближения всех трех центров для создания „единого фронта“ борьбы с мировым капитализмом.

Литература о марксизме очень обширна. По-русски о Марксе и марксизме тоже написано очень много. Занимающиеся историей социализма с пользой прочтут следующие сочинения:

1. Франц Меринг: Карл Маркс, история его жизни. пер. Зенгеровой. СПб. 1900. Его же: „История Германской социалдемократии“ (три издания).

2. Стеклов, Ю. Карл Маркс, его жизнь и деятельности. СПб. 1918 г.

3. Берлин, И. Карл Маркс и его время. М. 1906.

4. Финн, А. Экономическая система Маркса. СПб. 1919.

5. Андлер, Ш. Введение в комментарий к Коммунист. Манифесту. М. 1906.

6. Каутский, К. Карл Маркс и его историческое значение. К 25-летию со дня смерти. М. 1908.

7. Сборник „Памяти Карла Маркса“ (2 изд. 1908 и 1918 г.г.).

8. Гильфердинг. Бем-Баверк, как критик Маркса. I. 1921.

9. Будин, А. Теоретическая система Маркса М. 1920.

10. Бухарин, Н. Теория исторического материализма. I. 1922.

11. Деборин. Введение в философию диалектического материализма. Пет. 1922.

12. Лабриола, А. Исторический материализм. Петр. 1922.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
Предисловие	3
Учебники и пособия	7
Глава I. Коммунизм в древности	9
Глава II. Древняя Греция. Платоновский коммунизм	14
Глава III. Христианство и, так называемый, христианский коммунизм	25
Глава IV. Еретический коммунизм 1. Религиозные движения 2. Коммунистическое движение в Чехии — Анабаптисты	31
Глава V. Утопический коммунизм	42
Глава VI. История идеи революционизма. 1. Практическая безысходность утопизма. 2. Жан Мельс (1664—1729). 3. Великая французская революция и бабувизм. 4. Заговор Бабефа и Общество „равных“	57
Глава VII. 1-3. Граф Анри Сен-Симон. 4. Сен-симонисты и сен-симонизм	69
Глава VIII. Шарль Фурье	90
Глава IX. Роберт Оуэн	107
Глава X. Этьэн Кабэ	116
Глава XI. Социализм в Англии. 1. Томас Спенс. 2. Рикардианские социалисты	119
Глава XII. Германия. 1. Тайные общества. 2. Тайные съезды коммунистов. 3. Вильгельм Вейтлинг. 4. „Вейтлинговский“ социализм и его историческое значение	129
Глава XIII. Переходная эпоха во Франции. 1. Тайные общества и бланкизм. 2. Луи Блан	155
Глава XIV. Научный социализм до Карла Маркса. 1. Новые идеи. — Принцип государственности. — Фихте. 2. Теория „Замкнутого Торгового Государства“ Фихте	168
Глава XV. Карл Родбертус-Ягетцов	175
Глава XVI. Фердинанд Лассаль	181
Глава XVII. Карл Маркс	207

